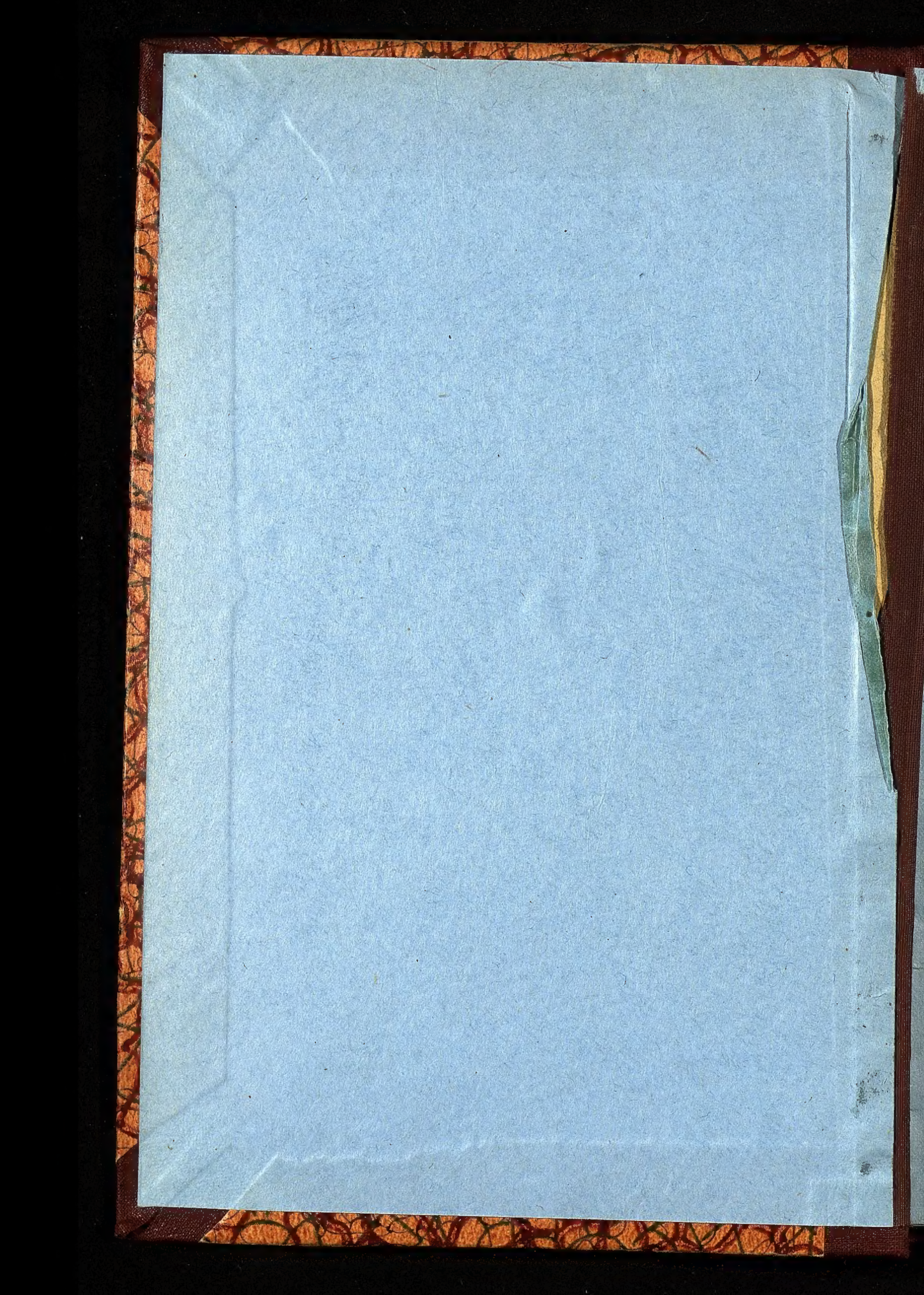


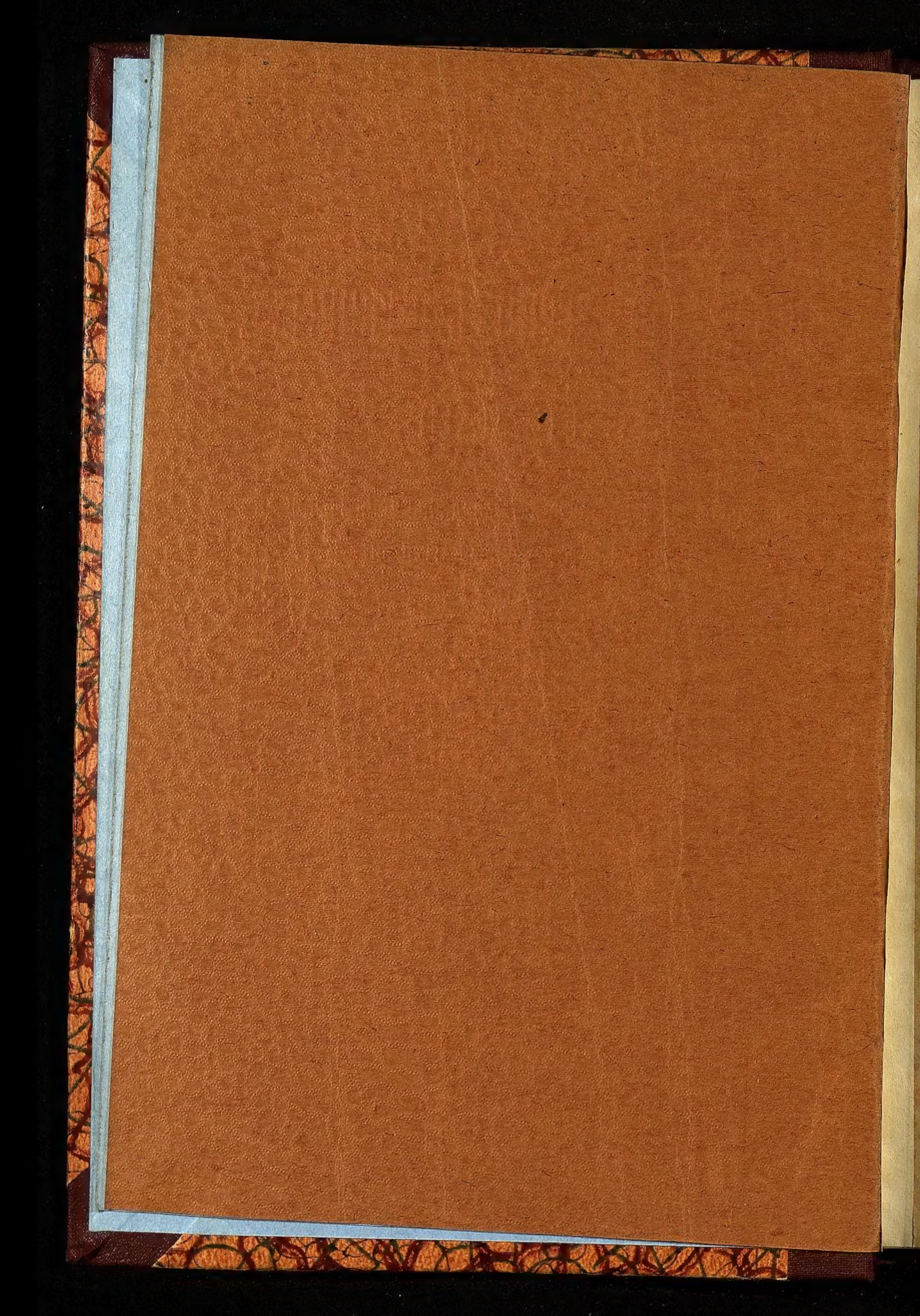
М. П. БАЗИЛЕВИЧЪ

ПОЛОЖЕНІЕ РУССКИХЪ ПЛѢННЫХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ

И ОТНОШЕНІЕ ГЕРМАНЦЕВЪ КЪ НАСЕЛЕНІЮ ЗАНЯТЫХЪ ИМИ ОБЛАСТЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО И ЛИТВЫ

Матеріалы, собранные докторомъ М. П. Базилевичемъ въ плѣну и среди 110 вернувшихся изъ германскаго плѣна русскихъ врачей

ПЕТРОГРАДЪ
1917



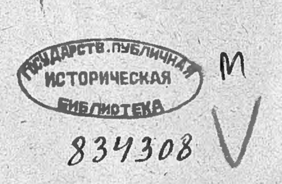
М. П. Базилевичъ

ПОЛОЖЕНІЕ РУССКИХЪ ПЛѢННЫХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ

И ОТНОШЕНІЕ ГЕРМАНЦЕВЪ КЪ НАСЕЛЕНІЮ ЗАНЯТЫХЪ ИМИ ОБЛАСТЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО И ЛИТВЫ

Матеріалы, собранные докторомъ М. П. Базилевичемъ въ плѣну и среди 110 вернувшихся изъ германскаго плѣна русскихъ врачей

ПЕТРОГРАДЪ
1917



Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Эртелевъ, 13

ПРЕДИСЛОВIЕ.

6-го августа 1915 г. я попалъ въ плѣнъ, пробывъ передъ этимъ цѣлый годъ на фронтѣ и сдѣлавъ походъ черезъ Галицiю и Карпаты. За это время много сотенъ враговъ, главнымъ образомъ раненыхъ, прошли черезъ мой лазаретъ; среди нихъ были солдаты, офицеры и врачи, и хотя намъ во время похода приходилось читать въ газетныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ брошюрахъ о томъ, что наши враги безжалостны, что они не щадятъ ни раненыхъ, ни безоружныхъ, но намъ не вѣрилось. Не хотѣлось вѣрить, чтобы культурные люди могли дойти до такого одичанiя, до такой безсмысленной тупой жестокости. Мы утѣшали себя мыслью, что статьи эти хотя и содержатъ въ себѣ долю правды, но умышленно преувеличены, чтобы влiять въ извѣстномъ направленiи на общественное мнѣнiе и, главнымъ образомъ, на солдатъ, и мы, врачи, не видѣли у себя враговъ, мы видѣли передъ собой только раненыхъ и больныхъ, которымъ необходимо было оказать помощь. Также смотрѣли на нихъ и наши солдаты-санитары. Конечно, мы допускали возможность отдѣльныхъ случаевъ звѣрствъ, вѣдь на эту страшную войну призвано почти все мужское населенiе, а мало ли среди него и въ мирное время было жестокихъ людей, и мы понимали, что для такихъ отдѣльныхъ личностей война являлась удобнымъ случаемъ проявить свою жестокость, свои звѣрскiя наклонности. Но допустить какую-то планомѣрную, системную жестокость къ беззащитнымъ людямъ, какими являются раненые и плѣнные, мы не могли: настолько это было чуждо нашему сердцу, нашему духу. То, что мы увидѣли, то, что намъ пришлось переживать, свидѣтелями какихъ страданiй и униженiй человѣческаго достоинства намъ пришлось быть въ долгiе годы плѣна, живя въ различныхъ солдатскихъ лагеряхъ и рабочихъ командахъ, разсѣянныхъ по всей Германiи, превосходило не только всякую смѣлую, но просто больную фантазiю. Мы не хотѣли вѣрить всѣмъ ужасамъ,

о которыхъ намъ приходилось читать, но безжалостная судьба заставила насъ самихъ пережить нѣчто, еще болѣе ужасное, передъ чѣмъ блѣднѣло все прочитанное нами въ статьяхъ и брошюрахъ, и мы должны были повѣрить, ибо видѣли эти ужасы своими глазами, переживали ихъ своими нервами, а многіе изъ насъ принесли имъ въ жертву свою жизнь.

Я нашелъ возможность и способъ въ плѣну же собирать документальный матеріалъ всего видѣннаго и пережитаго нами, а послѣ войны мы рѣшили собрать съѣздъ всѣхъ врачей, бывшихъ въ плѣну, такъ какъ только мы, врачи, и знаемъ въ подробностяхъ жизнь нашихъ плѣнныхъ солдатъ, ибо мы жили вмѣстѣ съ ними. Я хотѣлъ на этомъ съѣздѣ врачей дополнить пробѣлы въ своемъ матеріалѣ и, освѣтивъ всесторонне положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Германіи, издать обстоятельный трудъ по этому вопросу, чтобы заклеймить народъ, возродившій рабство со всѣми его ужасами.

Печальная дѣйствительность, съ которой намъ пришлось столкнуться, вернувшись на родину, заставляетъ меня спѣшить съ опубликованіемъ имѣющихся у меня матеріаловъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были собраны мною, не подвергая ихъ никакой систематизаціи или обработкѣ. Мы увидѣли, что русское общество почти незнакомо съ положеніемъ нашихъ плѣнныхъ въ Германіи, мы увидѣли, что многіе думаютъ, что русскимъ плѣннымъ живется тамъ такъ же хорошо, какъ живется у насъ нашимъ плѣннымъ врагамъ, и общество не торопится съ помощью, а между тѣмъ погибшихъ въ плѣну отъ голода, эпидемій, непосильнаго труда и истязаній уже теперь нужно исчислять не менѣе, какъ въ 400.000 человѣкъ, и если оставшимся въ живыхъ не будетъ оказана немедленно самая широкая общественная помощь, ихъ погибнетъ еще больше.

Чтобы спасти отъ смерти сотни тысячъ томящихся въ тяжеломъ рабствѣ нашихъ братьевъ, отцовъ и сыновей, я и рѣшилъ теперь же отпечатать мой документальный матеріалъ, повторяю, не подвергая его никакой обработкѣ, и распространить его въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія.

Я хочу, чтобы и народы другихъ государствъ знали, какъ живетъ русскій свободный гражданинъ въ Германіи, и съ этой цѣлью я передаю свой матеріалъ представителямъ иностранныхъ государствъ и разсылаю его въ редакціи иностранныхъ газетъ.

Членъ Бюро 110 вернувшихся
изъ германскаго плѣна русскихъ врачей.

Докторъ **М. П. Базилевичъ.**

Положеніе русскихъ плѣнныхъ въ рабочихъ командахъ въ занятыхъ нѣмцами Бельгіи, областяхъ Франціи, Царства Польскаго и Литвы.

Прошеніе солдатъ, поданное мнѣ, какъ представителю плѣнныхъ лагеря Пруссишъ-Голландъ, для передачи коменданту:

«Честь имѣемъ покорнѣйше просить г. коменданта сего лагеря обратить вниманіе на наше военно-плѣнное положеніе въ томъ, что мы, русско-военноплѣнные, выѣхали съ лагеля Неймаркъ 10-го октября 1915 года на работу во Францію и работали 3 мѣсяца въ Блеонкурѣ на окопахъ и за три мѣсяца не получили ни одинъ пфенигъ жалованья. Потомъ мы работали въ мѣстечкѣ Бевей одинъ мѣсяцъ и получили за это время по 5 марокъ, и пища была очень плохая: одинъ разъ супъ и работа отъ 5-ти утра до 8-ми вечера. Потомъ мы работали въ мѣстечкѣ Брикинай около 2-хъ мѣсяцевъ и получили по 7 марокъ, и пища была очень плохая: одинъ разъ супъ. Помѣщеніе было очень плохое: разоренные сараи и нары изъ проволоки и ничего подмостить не было, а обходились хуже, чѣмъ со скотомъ, били до смерти, чѣмъ попало. Каждый конвойный имѣлъ по палкѣ, кромѣ винтовки, и палки часто мѣняли. Потомъ насъ привезли сюда, и мы работали въ Масвальдѣ два съ половиной мѣсяца, за которое время получили 12 марокъ, а пища была такъ сильно плоха, что даже плоше быть не можетъ: одинъ разъ супъ, и то вода, и два раза чай, а работа была сильно невыносима. На желѣзной дорогѣ работали съ 5-ти утра и до 6-ти вечера, и каждый день съ работы по 2—3 человѣка уносили на рукахъ до лагеря, а ему еще и хлѣба не дадутъ. Говоритъ нашъ комендантъ, что онъ представляется, и дадутъ ему хорошихъ палокъ, а онъ черезъ ночь и померъ, и даже врачъ признавалъ, что люди убитые, поэтому просимъ покорнѣйше г. коменданта сего лагеря обратить вниманіе на насъ, военно-плѣнныхъ, и хотя объясните намъ, за что насъ такъ мучили тѣлеснымъ

наказаніемъ и голодомъ. И по этому поводу просимъ г. коменданта, что хотя мы и сильно вымученные люди, но мы на работу согласны ѣхать; только со старымъ комендантомъ и всѣмъ батальономъ его часовыхъ мы не поѣдемъ, потому что они, можно сказать, не люди, не понимаютъ человѣчества, поэтому и просимъ г. коменданта сего лагеря, обратите вниманіе на насъ, военно-плѣнныхъ, и отмѣните отъ насъ этого коменданта и весь его батальонъ. Подписи: Трофимъ Бабинъ, Касьянъ Фисенко, Михаилъ Пьянковскій, Степанъ Орловскій, Иванъ Мицкевичъ, Кузьма Кислукъ. 4-го іюля 1916 года».

Въ концѣ іюня 1916 года въ лагерь Пруссишъ-Голландъ, гдѣ я работалъ вмѣстѣ съ 8 моими товарищами-докторами: Габовичемъ, Горбенко, Ранинскимъ, Немчиновымъ, Бридицкимъ, Пясецкимъ, Смоленскимъ и Годзицкимъ, прибыла партія русскихъ плѣнныхъ, присланная для полевыхъ работъ. Изъ разспросовъ плѣнныхъ установлено, что была образована партія въ 5.000 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, которые приблизительно въ январѣ мѣсяцѣ 1916 года были высланы на французскій и бельгійскій фронты для исполненія всевозможныхъ работъ, исключительно по укрѣпленію и снабженію нѣмецкаго фронта, въ непосредственной близости отъ огневой линіи нашихъ союзниковъ. Эта партія была разбита на батальоны, числомъ, кажется, 13. Начальникомъ каждаго батальона состоялъ офицеръ, побывавшій уже на фронтѣ и раненый тамъ, и спеціальная конвойная команда изъ стариковъ-ландштурмистовъ и вообще болѣе или менѣе непригодныхъ къ фронтовой службѣ солдатъ. Эти рабочіе батальоны русскихъ плѣнныхъ занимались исключительно рытьемъ окоповъ, ставили проволочныя загражденія, строили шоссейныя и желѣзныя дороги и мосты, обслуживающія передовыя линіи нѣмецкаго фронта. Принуждались они къ этимъ работамъ нечеловѣческими истязаніями и голодомъ. Когда наступила пора полевыхъ работъ въ Германіи, то, очевидно, по приказу свыше, изъ среды этихъ почти совершенно истощенныхъ и замученныхъ людей они должны были выдѣлить группу самыхъ здоровыхъ и работоспособныхъ людей и послать ихъ въ житницу Германіи—Восточную Пруссію на полевыя работы. Такимъ образомъ, присланная къ намъ въ лагерь партія въ 500 человѣкъ являлась образцомъ силы и здоровья изъ числа тѣхъ 5.000 несчастныхъ, которые были на этихъ ужасныхъ работахъ на фронтахъ Франціи и Бельгіи. По заведенному въ мѣстномъ лагерѣ порядку, всѣ вновь прибывающія команды плѣнныхъ немедленно осматривались въ амбулаторіи лагеря докторами Горбенко и Немчино-

вымъ. Результатъ осмотра первой группы въ 60 человѣкъ былъ слѣдующій: люди истощены до крайнихъ предѣловъ, многіе изъ нихъ совершенно не могутъ стоять на ногахъ, болѣе половины страдаетъ ясно выраженнымъ туберкулезомъ легкихъ, у громаднаго большинства рѣзкая анемія (малокровіе) съ большими отеками ногъ, полное отсутствіе подкожной жировой клѣтчатки, контуры костей обрисовываются, какъ на скелетѣ. Докторъ Горбенко изъ 60 человѣкъ 35 записалъ въ лазаретъ, частью какъ полныхъ инвалидовъ, частью, какъ нуждающихся въ продолжительномъ лазаретномъ леченіи. Такое громадное количество больныхъ вызвало очевидно сомнѣніе у лагернаго офицера въ правильности ихъ осмотра, и онъ отказался отослать ихъ въ лазаретъ. Тогда докторомъ Горбенко былъ поданъ мнѣ оффиціальный рапортъ отъ 6-го іюля 1916 года, и этотъ рапортъ былъ мною переданъ въ комендатуру. Оттуда послѣдовало распоряженіе, чтобы партія плѣнныхъ была осмотрѣна докторомъ Горбенко, подъ контролемъ шефа лазарета, доктора Резе. На этотъ разъ осмотрѣно было 100 человѣкъ, всѣ они признаны истощенными до послѣдней крайности, болѣе 50% изъ нихъ страдающими ясно выраженнымъ туберкулезомъ, болѣе 60% имѣло отечныя ноги. Въ общемъ же докторъ Резе нашелъ необходимымъ изъ этихъ 100 человѣкъ 72 отправить въ лазаретъ для продолжительнаго леченія. И это были самые здоровые люди, выбранные изъ 5000 человѣкъ и присланные на полевыя работы. Какіе же остались тамъ?

Посмотримъ же, что доводило людей до такого состоянія?

Среди прибывшихъ въ этой группѣ мною было опрошено по спеціально-выработанному мною опросному листу для того, чтобы свѣдѣнія можно было болѣе или менѣе систематизировать, сто тридцать человѣкъ. Всѣ они дали совершенно тождественные отвѣты. Какъ наиболѣе полное, я приведу здѣсь сообщеніе, данное мнѣ Алексѣемъ Захарьевичемъ Захарьевымъ-Васильевымъ (исполнявшимъ должность младшаго медицинскаго фельдшера 10-го сибирскаго стрѣлковаго полка, Симбирской губерніи и уѣзда, Сюндюковской волости, село Кайсарово).

«Я знаю изъ разсказовъ прибывающихъ солдатъ, что на работахъ во Франціи было до 5.000 русскихъ плѣнныхъ. Я самъ былъ въ 13-мъ батальонѣ, которымъ завѣдывалъ лейтенантъ Зимсъ, на котораго наши плѣнные подали рапортъ вамъ. Нѣмецкіе солдаты и фельдфебеля во все время нашихъ работъ тамъ на глазахъ у офицеровъ избивали насъ немилосердно; мы не жаловались, потому что послѣ жалобъ избивали еще хуже. Когда мы были на работахъ въ мѣстечкѣ Сизонъ, то жили тамъ въ конюшняхъ. Строили мы тамъ

желѣзную дорогу. Всѣ конвойные съ ружьями и палками. Когда утромъ мы выстраивались для того, чтобы идти на работы, то конвойные кричали: «больные, выходи». Послѣднихъ осматривалъ простой нѣмецъ солдатъ-ландштурмистъ. Больныхъ онъ опредѣлялъ на глазъ и казавшихся ему здоровыми избивалъ тутъ же кулаками или палкой. Больными онъ считалъ только имѣющихъ раны. Былъ случай, что голодный плѣнный забѣжалъ въ деревню попросить хлѣба, намъ же строго запрещалось общеніе съ французами; его поймали, страшно избили и стали изнурять работой, онъ упалъ и не могъ встать, несмотря на то, что его били ногами и прикладами, понуждая подняться. Часовой на моихъ глазахъ пристрѣлилъ его. Изъ Сизонъ насъ перевезли въ Беве. Тутъ опять строили желѣзную дорогу. Жили въ сараѣ безъ отопленія, было очень сыро и холодно. Кормили ужасно: супъ, какъ вода; 2 раза въ день, кромѣ того, отъ сарая, гдѣ мы жили, до мѣста работы нужно было пройти версты 3, поэтому на работу насъ поднимали въ 4—5 часовъ утра, а съ работы мы возвращались въ 6—7 вечера. Утромъ мы всегда ѣли въ пути, чтобы не терять времени и потому чашку свою мы всегда имѣли за поясомъ. На обѣдъ давали не больше получаса отдыха. Почти всѣ въ Беве болѣли желудками—поносы. Мы видѣли привозимые на нашу кухню мѣшки съ очень мелкими древесными опилками, которыя, какъ упорно ходилъ у насъ слухъ, нѣмцы примѣшивали въ нашъ хлѣбъ. Въ сараѣ всегда лежало больныхъ человѣкъ 150, которые не могли уже ходить. Этими больными завѣдывалъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ Ганушекъ. Онъ пытался говорить по-русски, они его не понимали, и онъ за это или выгонялъ ихъ, какъ здоровыхъ, или нещадно избивалъ. У больныхъ температура была рѣдко выше 35,8. Нѣмецъ, видя это, считалъ этихъ изможденныхъ голодомъ и страданіемъ людей за здоровыхъ и нещадно избивалъ. На моихъ глазахъ былъ слѣдующій случай: былъ принесенъ съ работъ на носилкахъ больной, нѣмецъ помѣрилъ температуру—35,5, онъ схватилъ палку и сталъ избивать несчастнаго; тотъ, не имѣя возможности встать, поползъ на четверенькахъ въ сарай, чтобы спрятаться, а нѣмецъ продолжалъ его бить. Это случилось въ 6 часовъ вечера, а въ 11 избитый умеръ. Врачъ нѣмецъ Фрикенштейнъ даже не зашелъ посмотрѣть, когда ему доложили, что умеръ плѣнный. Далѣе насъ повезли на работы къ Вердену тоже на постройку желѣзной дороги. Первая рабочая рота изъ нашей партіи работала въ непосредственной близости отъ рвущихся французскихъ снарядовъ, всѣ мы на французскомъ фронтѣ ясно слышали стрѣльбу и видѣли прожекторы. Къ жителямъ нигдѣ насъ не пу-

скали. Подъ Верденомъ мы жили тоже въ сараѣ, спали на сѣткахъ, сдѣланныхъ изъ проволоки въ три ряда, одинъ надъ другимъ, съ промежутками въ 3/4 аршина, безъ всякой подстилки. Было дано по два одѣяла, мы же сами приносили съ работъ вѣтки деревьевъ, которыми и устилали сѣтки, но спать временами было невѣроятно холодно, такъ какъ кругомъ обдувало. Среди двора, гдѣ мы жили, были громадныя кучи навоза, лужи, сюда же сливались помои. На работахъ этихъ много умерло отъ поноса, было очень много съ опухшими ногами. Всѣ, больные и здоровые, лежали вмѣстѣ, мы уже сами лежавшихъ съ поносами перекладывали съ верхнихъ сѣтокъ внизъ. Лекарствъ почти никакихъ не было, въ бани не ходили по 3 мѣсяца, вши заѣдали. Я старался держать себя чисто, но ничего не помогало. Люди ходили, какъ тѣни. Былъ только одинъ колодецъ, подлѣ котораго стоялъ часовой, чтобы мы изъ него не брали воды, такъ какъ ея было мало, одолѣвала жажда, и были случаи, что люди выпивали воду изъ карбидной лампы и отравлялись. Когда количество больныхъ, не могущихъ ходить, достигло громадныхъ размѣровъ, и почти некому уже было ходить на работы, несмотря ни на какіе побои, то пріѣхалъ генералъ-врачъ и сталъ отбирать слабыхъ. Въ точности цифру не помню, но, кажется, было отобрано около 1.000 человѣкъ и отправлено въ лагерь Нейгаммеръ въ Силезіи, такъ какъ мы были приписаны къ этому лагерю. Кромѣ этого мы уже и раньше отправили около ста, если не больше, тяжело-больныхъ въ лагерь Теноркъ, гдѣ, по разсказамъ солдатъ, работали нѣмецкіе врачи. Въ ротѣ на 500 человѣкъ въ то время было не менѣе 200 человѣкъ съ отечными ногами. Послѣ того, какъ генералъ-врачъ отобралъ такихъ больныхъ, которые уже почти не могли ходить, насъ повезли въ апрѣлѣ въ Бельгію въ городъ Курте опять на постройку желѣзной дороги. Здѣсь были тѣ же условія работы, тѣ же истязанія, что и раньше. За 6 мѣсяцевъ сплошныхъ страданій нашу команду въ 2 тысячи человѣкъ здоровыхъ, крѣпкихъ людей превратили въ какихъ-то калѣкъ. Люди едва ходили, не слышно было говора, только по ночамъ сквозь сонъ стонали и кричали. Здѣсь сильно стали умирать отъ поносовъ и отековъ, и только тогда стали пріѣзжать какіе-то нѣмецкіе генералы и доктора. Мы всѣ были покрыты вшами и всѣ больные. Помѣщались мы въ Бельгіи въ сараѣ съ цементнымъ поломъ, покрытымъ навозомъ. Никакихъ наръ не было, лежали прямо на навозѣ. За три дня до Пасхи пріѣзжалъ какой-то нѣмецкій генералъ освободилъ насъ на три дня отъ работы, приказалъ устроить нары, и намъ выдали соломы. Отсюда насъ опять повезли во Францію,

въ Освальдъ. Жалобъ мы никогда не заявляли, ибо боялись, такъ какъ жалобщиковъ немилосердно избивали. Народъ былъ запуганъ и забитъ. Сколько всего было загублено на этихъ работахъ людей, я не могу вамъ сказать точно, но умирало очень много, иногда по 2—3 человѣка въ день, особенно на 4—5 мѣсяцъ работы, отъ истязаній, непосильной работы, голода и холода. Люди были, какъ тѣни, не могли стоять, не могли говорить, ноги опухшія; температура у умирающихъ была 35 и ниже—это были живые скелеты. Я попался въ плѣнъ 27-го іюля 1915 года подъ мѣстечкомъ Островъ. Насъ пять сутокъ гнали до Замостья и ни разу не дали намъ ѣсть. Конвой былъ смѣшанный, т. е. нѣмцы и австрійцы, и если среди послѣднихъ попадались русины, то помогали намъ, чѣмъ могли. За то венгры—тѣ же нѣмцы. Изъ Замостья часть изъ насъ послали копать окопы, часть носить снаряды, а нѣкоторыхъ погнали на полевыя работы.»

Таково было положеніе нашихъ плѣнныхъ, работавшихъ въ большихъ рабочихъ командахъ на занятыхъ территоріяхъ Франціи и Бельгіи. Посмотримъ, каково было положеніе такихъ же рабочихъ командъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ.

Доктора: Зиминъ, Яблонскій, Соколовъ, Кухтевичъ, Блюменталь, Цуриковъ дали мнѣ слѣдующія свѣдѣнія:

«Плѣнные работали почти какъ норма 13—14 часовъ въ сутки, но не рѣдко и по 18 часовъ. Условія работы чрезвычайно тяжелыя. Плѣнные помѣщались въ лучшемъ случаѣ въ сараяхъ, очень холодныхъ, или въ землянкахъ, почти лишенные свѣта, воздуха и очень сырыхъ. Въ большинствѣ же случаевъ они помѣщаются въ конюшняхъ и коровникахъ прямо на навозѣ. Пища была крайне скудная. Обычный типъ пищи—хлѣбъ отъ $^1/_2$ до $^3/_8$ ф. въ день на человѣка. Утромъ кофе безъ сахара и молока, въ обѣдъ супъ крайне жидкій изъ какой-нибудь крупы и брюквы, ужинъ—мучная болтушка. Какъ особенная рѣдкость иногда давалось по 2—3 нечищенной картошки и селедка. По приблизительному вычисленію докторовъ Блюменталя и Кухтевича, число получаемыхъ калорій равнялось не болѣе $^1/_3$—$^1/_5$ количества таковыхъ, необходимыхъ для поддержанія равновѣсія обмѣна здороваго рабочаго человѣка. Сама работа была крайне тяжелая, требовавшая напряженія всѣхъ физическихъ силъ работника. Она состояла, главнымъ образомъ, въ обслуживаніи фронта, какъ-то: погрузка снарядовъ и другой аммуниціи для арміи, проведеніе желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, постройка мостовъ, осушка болотъ и т. д. Существовала цѣлая си-

стема принужденія, которая заключалась въ нечеловѣческихъ истязаніяхъ, голодѣ и просто убійствахъ. Медицинская помощь въ такихъ командахъ почти отсутствовала, такъ какъ врачебный персоналъ находился при лазаретахъ въ городахъ, куда свозились не больные, требующіе леченія, а просто отработанный человѣческій матеріалъ, безпощадная эксплоатація котораго доводила до быстрой гибели, и обыкновенно такой человѣкъ, привезенный въ лазаретъ, или погибалъ черезъ нѣсколько дней или оставался на всю жизнь калѣкой. Но попасть въ лазаретъ было не такъ легко. Рабочія команды были разбросаны по всѣмъ закоулкамъ Царства Польскаго, Литвы и Курляндіи, очень часто въ почти непроходимыхъ ея дебряхъ, и эти несчастные, которые попадали туда, становились рабами, ими безконтрольно распоряжались нѣмецкіе ландштурмисты, которые упорно не хотѣли признать, что и русскій человѣкъ можетъ болѣть, и считали больныхъ симулянтами. Такимъ образомъ, несчастному больному, который изнемогалъ на работѣ, прежде чѣмъ попасть въ лазаретъ, приходилось пройти черезъ цѣлый рядъ зачастую придуманныхъ спеціально пытокъ, которымъ по своей жестокости могли бы позавидовать палачи средневѣковья. Битье палками, кулаками и ногами не считалось наказаніемъ. Это была непремѣнная обстановка повседневной жизни. Для наказанія былъ выработанъ цѣлый ритуалъ: привязываніе къ столбамъ и деревьямъ, такое же привязываніе, но только такъ, что человѣкъ не касался ногами земли. Подвѣшиваніе въ видѣ распятія, битье палками по особому приговору съ нанесеніемъ опредѣленнаго количества ударовъ, часто по опредѣленной части тѣла, такъ напримѣръ: ложили на бочку на спину и били палками по животу, пока человѣкъ не терялъ сознанія. Сплошь и рядомъ плѣнныхъ просто убивали. Не только о какомъ-нибудь правовомъ положеніи плѣнныхъ на такихъ работахъ не можетъ быть разговоровъ, но они обыкновенно не заявляли даже жалобъ на своихъ палачей, если случайно въ эти рабочія команды заѣзжало какое-нибудь нѣмецкое начальство, такъ какъ послѣ жалобъ, которые всегда не имѣли никакого результата, истязанія еще усиливались. И вотъ отъ этихъ несчастныхъ, которыхъ присылали къ намъ въ лазаретъ, мы непосредственно и черпали свои матеріалы. Нѣкоторымъ изъ насъ удалось побывать и въ самыхъ рабочихъ командахъ и своими глазами увидѣть картины, о которыхъ мы съ такимъ ужасомъ и состраданіемъ къ героямъ безсмертнаго разсказа Бичеръ-Стоу читали въ ея книгѣ «Хижина дяди Тома». Да, это были рабы, отданные во власть, по волѣ злой судьбы, не какимъ-то средне-

вѣковымъ проходимцамъ-плантаторамъ, а культурному нѣмецкому народу».

Студентъ варшавскаго университета Леонидъ Ивановичъ Михайловъ показалъ слѣдующее:

«Я былъ отправленъ въ лазаретъ въ Бѣлостокъ, подлѣ котораго работали 46-я и 38-я рабочія команды. Со мною вмѣстѣ поѣхалъ и докторъ Репьевъ. Ѣхали мы изъ лагеря Штралькова въ Бѣлостокъ четверо сутокъ. За все время пути насъ изъ вагоновъ не выпускали и не кормили. Питались мы только тѣмъ, что удалось захватить съ собой. По прибытіи въ Бѣлостокъ насъ помѣстили въ какомъ-то корридорѣ на полу, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ конвоиромъ. Утромъ намъ то же ничего не дали ѣсть. Потомъ меня перевели въ лазаретъ, въ холерные и тифозные бараки. Среди плѣнныхъ было много случаевъ дезинтеріи, вслѣдствіе того, что плѣнные ѣли отъ голода сырые фрукты и овощи, которые могли гдѣ-нибудь на работахъ достать. У кого были сапоги, нѣмцы отбирали, а потому наши плѣнные прибѣгали къ хитрости—ходили въ одномъ сапогѣ, спрятавъ другой. Въ рабочемъ батальонѣ № 46 былъ случай убійства плѣннаго солдата одного изъ Сибирскихъ полковъ нѣмецкимъ солдатомъ за то, что тотъ якобы не уступилъ дороги. На работахъ по устройству шоссе, выгрузкѣ угля на станціяхъ и по рубкѣ лѣса избіеніе палкой, часто молоткомъ и прикладами было постояннымъ явленіемъ. Часть рабочаго батальона № 39 хотѣли отправить на работы на фронтъ. Эта команда разсказывала мнѣ, что когда ее собрали для отправки, то она запротестовала. Тогда ихъ стали бить, чѣмъ и по чемъ попало до тѣхъ поръ, пока они не согласились ѣхать. Нѣмецкій врачъ Рашъ изъ Берлина заставлялъ себя ежедневно носить на носилкахъ въ русскій лазаретъ, говоря, что имѣется такая масса плѣнныхъ, что ему было бы смѣшно самому ходить. Онъ же въ моемъ присутствіи билъ плѣнныхъ по лицу. Въ брюшно-тифозномъ отдѣленіи онъ заставлялъ всѣхъ безъ исключенія лихорадящихъ больныхъ выстраиваться у ножного конца кровати совершенно голыми и проходя ограничивалъ свой осмотръ больныхъ только щелчкомъ по животу. Докторъ Рашъ былъ высокъ ростомъ, тяжеловѣсенъ, носить его было тяжело. Плѣнные придѣлали къ носилкамъ колеса и возили его ежедневно, несмотря ни на какую погоду. Санитарный фельдфебель Адольфъ во время повѣрокъ низшаго санитарнаго персонала билъ ихъ часто хлыстомъ или носкомъ сапога. Въ послѣднее время я работалъ въ лагерѣ Скальмержице, въ 4-хъ верстахъ отъ Калиша. Тамъ работало еще нѣсколько русскихъ врачей: Ушаковъ, Лоскут-

никовъ, Марковскій, Поповъ. Лазаретъ и рабочія команды въ санитарномъ отношеніи были подчинены двумъ нѣмецкимъ врачамъ: Миксъ, а фамилію другого я забылъ—онъ былъ въ то же время желѣзнодорожный врачъ. Они не признавали плѣннаго больнымъ, если температура у него была ниже 38,0⁰. Были случаи, когда больныхъ доставляли въ лазаретъ только послѣ второго приступа возвратнаго тифа. Было не мало случаевъ, когда больные съ воспаленіемъ легкихъ доставлялись въ лазаретъ уже въ стадіи разрѣшенія, но настолько ослабленные, что умирали на второй день послѣ прибытія. Докторъ Миксъ, не стѣсняясь присутствія русскихъ врачей, билъ больныхъ. Въ лазаретѣ пища очень плохая: утромъ жидкій желудевый кофе безъ сахара, въ обѣдъ болтушка или супъ безъ мяса съ пескомъ отъ нечищенной картошки, которую изрѣдка клали въ этотъ супъ. Въ три часа дня чай, т. е. наваръ изъ какихъ-то травъ безъ сахара, вечеромъ болтушка. Хлѣба полагался одинъ буханокъ, вѣсомъ приблизительно въ 3 фунта на семь человѣкъ въ день. Особенно слабымъ больнымъ можно было выписывать, какъ особое добавочное питаніе, приблизительно стаканъ молока снятого въ день и одну булочку въ 70 граммъ вѣса и, какъ рѣдкость, давалась рыба».

Докторъ Смирновъ далъ мнѣ слѣдующія показанія:

«Съ апрѣля 1916 года по февраль 1917 года я работалъ въ Новосвенцяны, въ рабочемъ батальонѣ № 61, а послѣдніе четыре мѣсяца въ Ковенскомъ лазаретѣ. Плѣнные этого батальона работали по погрузкѣ и выгрузкѣ военныхъ матеріаловъ и провіанта для фронта. Въ зависимости отъ спѣшности работы, рабочій день продолжался безъ перерыва не менѣе 12 часовъ и доходилъ иногда до 36 часовъ, въ послѣднемъ случаѣ въ двѣ смѣны. Часть рабочихъ была занята рытьемъ окоповъ и установкой проволочныхъ загражденій въ непосредственной близости нашей огневой сферы, и я знаю случай, гдѣ нашъ плѣнный былъ раненъ въ лѣвую руку разорвавшимся русскимъ снарядомъ. Помѣщенія были всегда тѣсныя, и большинство мелкихъ командъ размѣщалось въ конюшняхъ почти безъ свѣта или въ деревянныхъ сараяхъ, сплошь и рядомъ просто на навозѣ. Въ лучшемъ случаѣ устраивались досчатыя нары въ три ряда одинъ надъ другимъ, что уменьшало въ значительной степени и безъ того небольшой объемъ помѣщенія, и воздухъ, гдѣ спали плѣнные на нарахъ, былъ очень тяжелый. Подстилкой служило одѣяло; плѣнные изъ-за холода спали въ одеждѣ. Пища была недостаточная— одинъ хлѣбъ, приблизительно въ 3 фунта вѣсомъ, на 4—5 человѣкъ. Горячій обѣдъ: супъ, иногда со сливами, и кормовая брюква съ не-

большимъ количествомъ картофеля. Изрѣдка мармеладъ—очевидно, та же тертая брюква съ сахариномъ. Утромъ—какая-то болтушка. Два-три раза въ недѣлю давали незначительное количество конины. Плѣнные, которыхъ я видѣлъ на работахъ по прокладкѣ узко-колейной дороги, производили впечатлѣніе тяжело-больныхъ отъ непосильной работы при недостаточномъ питаніи. Постоянные случаи избіенія прикладами и палками. Въ лазаретъ поступало много раненыхъ штыками. Былъ случай, когда плѣнный былъ убитъ въ отхожемъ мѣстѣ выстрѣломъ изъ ружья. Причина убійства осталась неизвѣстной. Нѣмецкій врачъ Вольфъ, 8-го полевого госпиталя (кажется, 115-й дивизіи), часто заѣзжалъ въ русскій лазаретъ пьянымъ; кричалъ на больныхъ, стучалъ, набрасывался и на насъ, врачей, безъ всякаго повода съ нашей стороны. Я боялся быть оскорбленнымъ дѣйствіемъ, а потому мною былъ поданъ рапортъ главному врачу госпиталя».

Докторъ Шмидтъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Я прибылъ въ Бѣлостокъ черезъ три недѣли послѣ занятія его нѣмцами. Меня назначили на работу въ лазаретъ въ лабораторіи, а доктора Гурницкаго въ хирургическомъ отдѣленіи. Больные лежали или на голомъ каменномъ полу, или на соломѣ, но для всѣхъ ея не хватало, медикаментовъ было мало. Черезъ три недѣли пріѣхалъ изъ Лодзи нѣмецкій лазаретъ, насъ оградили проволокой, поставили часовыхъ и запретили намъ выходить за проволоку; насъ постоянно оскорбляли морально. На всѣ мои заявленія нѣмецкіе врачи говорили, что я лгу. Нѣмецкій врачъ Рашъ издѣвался надъ плѣнными, заставляя русскихъ санитаровъ носить себя на носилкахъ, не желая ходить. Постоянныя личныя придирки. Я, напримѣръ, былъ арестованъ на 6 сутокъ домашнимъ арестомъ за якобы негодность къ службѣ. На самомъ же дѣлѣ за то, что не пожелалъ вскрывать холерный трупъ безъ перчатокъ, такъ какъ руки у меня были въ ссадинахъ. Отношеніе къ плѣннымъ на самыхъ мѣстахъ работъ я мало знаю, такъ какъ работалъ главнымъ образомъ въ лабораторіи, и съ больными, попадавшими къ намъ въ лазаретъ изъ этихъ рабочихъ командъ, я мало встрѣчался, но даже тѣ немногіе больные, съ которыми я разговаривалъ, разсказывали объ условіяхъ жизни въ рабочихъ командахъ цѣлые ужасы».

Докторъ Рыжковъ, Михаилъ Ивановичъ, сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Въ маѣ 1916 года меня привезли въ Вильну и назначили въ рабочій батальонъ № 90. Изъ батальона въ самой Вильнѣ остава-

лось для работъ только 500 человѣкъ, остальные были разосланы для работъ по постройкѣ шоссе, полевыхъ ж. д., перегрузкѣ снарядовъ и даже, по заявленію плѣнныхъ, ихъ принуждали къ подачѣ тяжелыхъ снарядовъ къ орудіямъ. Въ случаѣ отказа ихъ истязали: ихъ привязывали къ деревьямъ и били палками или морили голодомъ. Нѣмецкій этапный врачъ, завѣдывавшій санитарной частью этого раіона, заявилъ мнѣ, что моя функція заключается только въ томъ, чтобы слѣдить за появленіемъ заразныхъ болѣзней среди плѣнныхъ, отправлять таковыхъ немедленно въ лазаретъ и своевременно доносить ему объ этомъ. Считая, что такая работа—непосредственное обслуживаніе нѣмецкой арміи—противна моей совѣсти, я отказался отъ работы, о чемъ письменно заявилъ упомянутому этапному врачу Тейль. Въ отвѣтъ я получилъ угрозу, что буду преданъ военному суду со всѣми послѣдствіями. Несмотря на протестъ, меня отвезли въ батальонъ, а затѣмъ мнѣ предложено было выѣхать на работу въ Свенцяны—я категорически отказался обслуживать нѣмецкій фронтъ. Послѣ цѣлаго ряда угрозъ и оскорбленій меня отправили къ нѣмецкому врачу на освидѣтельствованіе, который отослалъ меня въ заразный лазаретъ для военноплѣнныхъ, а отсюда въ лагерь Пархимъ. Хотя мнѣ было запрещено разговаривать съ нашими военноплѣнными, однако мнѣ приходилось видѣться со многими изъ нихъ. Бросалось въ глаза ихъ ужасное истощеніе, они жаловались на непосильныя работы, полное голоданіе и истязанія. Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Пархимъ, туда былъ посланъ весь 90-й рабочій батальонъ, при чемъ оказалось, что изъ 2 тысячъ, высланныхъ на работу въ Царство Польское, возвратилось только 1.600, остальные 400 человѣкъ погибли на этихъ работахъ за одну зиму. Нѣмецкій фельдфебель, пріѣхавшій вмѣстѣ съ этой партіей рабочихъ, самъ разсказывалъ намъ, что плѣнные несли непосильныя работы и находились въ ужасныхъ условіяхъ. Всѣ пріѣхавшіе плѣнные поголовно жаловались на звѣрское обращеніе: ихъ били палками, кололи штыками, подвѣшивали къ деревьямъ и столбамъ».

Докторъ Смирновъ, разсказывая выше о тѣхъ же условіяхъ жизни въ рабочихъ командахъ Польши, добавляетъ, что плѣнныхъ для удобства ихъ охраненія попросту запирали съ 7—8 часовъ вечера и до 5 час. утра на замокъ по сараямъ и хлѣвамъ, куда ихъ загоняли на ночь, такъ что они должны были оправляться въ помѣщеніи, гдѣ спали. Такъ какъ постройки были деревянныя, и никакихъ противопожарныхъ мѣръ не принималось, то пожары очень часто сопровождались человѣческими жертвами.

Докторъ Бридицкій, Цезарій Францевичъ, далъ мнѣ слѣдующія показанія:

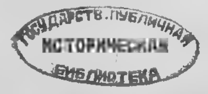
«Въ началѣ марта 1917 года изъ лагеря Ламсдорфъ въ лагерь Пруссишъ-Голландъ былъ присланъ транспортъ румынскихъ плѣнныхъ въ 450 челов. Вечеромъ я вмѣстѣ съ германскимъ шефомъ лазарета д-ромъ Графундернъ вышли къ поѣзду встрѣтить прибывшую партію. Лагерь находился недалеко отъ ж.-д. вѣтви, и отъ нея была проложена линія въ самый лагерь, такъ что прибывающія партіи плѣнныхъ и грузы для лагеря подвозились непосредственно въ самый лагерь. Когда открыли вагоны и стали высаживать румынъ, то среди нихъ оказалось 8 мертвыхъ. Боясь, что ихъ смерть явилась слѣдствіемъ какой-нибудь заразной болѣзни, всѣхъ пріѣхавшихъ помѣстили въ спеціальныхъ изоляціонныхъ баракахъ. Къ утру умерло еще 11 человѣкъ. Всѣ плѣнные были настолько слабы и истощены, что не въ состояніи были сами итти, а ихъ несли. Въ общемъ за 10 дней изъ этого транспорта умерло 50 человѣкъ. Д-ромъ Графундерномъ было сообщено объ этомъ корпусному врачу 20 корпуса въ городъ Аленштейнъ, который являлся военно-административнымъ центромъ, кажется, всей Восточной Пруссіи, и нашъ лагерь былъ подчиненъ ему. Корпусный врачъ не замедлилъ пріѣхать, и было произведено вскрытіе труповъ умершихъ. Вскрытіе производили русскіе врачи Немчиновъ и Пясецкій въ присутствіи доктора Графундерна, корпусный же врачъ предпочелъ сидѣть въ кабинетѣ доктора Графундерна. При вскрытіи найдено: полное истощеніе, контуры костей выступаютъ какъ на скелетѣ, полное отсутствіе подкожной жировой клѣтчатки; во всемъ желудочно-кишечномъ трактѣ не найдено никакихъ признаковъ бывшей тамъ когда-либо пищи; какихъ-либо патологическихъ признаковъ, могущихъ навести на мысль, что умершіе погибли отъ какой-либо болѣзни, а не отъ голода, не найдено. Діагнозъ поставленъ: смерть всѣхъ 50 человѣкъ послѣдовала отъ голода. Температура у оставшихся живыхъ первые дни не поднималась выше 35 градусовъ, и они были настолько слабы отъ голода, что не могли ходить. Они разсказывали, что все время на работахъ ихъ кормили очень плохо, а послѣдніе трое сутокъ въ пути ихъ совершенно не кормили. Они были взяты въ плѣнъ на Дунаѣ подъ Туртукаемъ нѣмецко-болгарскими войсками и все время работали тамъ, обслуживая вражескій фронтъ. Упомянутый корпусный врачъ 20 корпуса настолько боялся заразиться, что, какъ я уже сказалъ, не только не пошелъ на вскрытіе, но даже ни разу не зашелъ въ баракъ, гдѣ были помѣщены эти несчастные румыны».

Поручикъ лейбъ-гвардіи перваго стрѣлковаго полка [1]) разсказалъ мнѣ, что ему лично пришлось встрѣтиться съ плѣнными русскими солдатами, которые были на работахъ во Франціи и Бельгіи, а затѣмъ, какъ негодные къ работѣ, были присланы въ офицерскій лагерь для обслуживанія этого лагеря и сообщили ему, что между прочимъ нѣмцы вывозили ихъ по ночамъ небольшими партіями въ 20—30 человѣкъ на французскія кладбища. Кладбище оцѣплялось густой цѣпью часовыхъ, и ихъ заставляли разрывать могилы, вынимать оттуда кости, а если на трупахъ оставались еще полусгнившіе куски мяса, то счищать это мясо спеціальными оловянными ложками. Кости укладывались въ ящики и отправлялись вглубь Германіи для химической ихъ переработки. Могилы закапывались и въ темнотѣ эти команды гробокопателей таинственно удалялись.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1917 года я (д-ръ Базилевичъ) читалъ въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ статью, трактующую о высокой пользѣ, которую можно извлечь путемъ химической обработки труповъ людей и о безсмысленности закапыванія павшихъ солдатъ, а потому газета проситъ публику не удивляться, если она узнаетъ, что трупы нѣмецкихъ солдатъ, такъ храбро павшихъ въ борьбѣ за родину, попадутъ не въ могилу, а на утилизаціонный заводъ.

Въ лагерѣ Пруссишъ-Голландъ, приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ 1916 года, произошелъ слѣдующій случай: такъ какъ полевыя работы въ Восточной Пруссіи были уже почти закончены, то была возвращена назадъ въ лагерь та партія плѣнныхъ въ 500 человѣкъ, о которыхъ я сообщилъ раньше, приводя рапортъ доктора Горбенко объ ихъ осмотрѣ. Среди прибывшихъ много было унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Въ лагерѣ стало извѣстно, что, согласно приказу военнаго министерства въ Берлинѣ, русскимъ унтеръ-офицерамъ и фельдфебелямъ было предоставлено право отказаться отъ работъ. (Объ этомъ я буду еще говорить позже гораздо подробнѣе). Унтеръ-офицеры, узнавъ объ этомъ отъ плѣнныхъ нашего лагеря, заявили, что они желаютъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ военнымъ министерствомъ. На это заявленіе никто не обратилъ вниманія. Всѣмъ имъ было объявлено, что они должны собраться для посадки въ поѣздъ, который и отвезетъ ихъ якобы въ другой лагерь, на самомъ же дѣлѣ въ лагерѣ знали, что они будутъ опять отосланы во Францію и Бельгію на эти страш-

[1]) Фамилія и адресъ его мнѣ извѣстны. Не печатаются по особымъ соображеніямъ



ныя работы. Плѣнные безропотно подчинились. Утромъ въ 9 часовъ они были выстроены въ одномъ изъ блоковъ лагеря, почти непосредственно примыкавшемъ къ лазарету. Унтеръ-офицеры, въ количествѣ приблизительно 20—30 чловѣкъ, рѣшили еще разъ заявить завѣдующему этой командой, офицеру лейтенананту Зимсъ (фамилія котораго упоминалась уже раньше), что они хотѣли бы остаться въ мѣстномъ лагерѣ и не ѣхать на работы. Съ этой цѣлью желавшіе остаться унтеръ-офицеры построились отдѣльной отъ другихъ группой и, когда пришелъ Зимсъ вмѣстѣ съ командой караульныхъ, унтеръ-офицеры заявили ему свою просьбу. Зимсъ, не давъ имъ никакого объясненія, приказалъ войти въ общій строй, чтобы итти со всѣми для посадки въ вагоны. Тѣ отказались. Приказъ былъ повторенъ и послѣ повторнаго отказа Зимсъ велѣлъ караулу избить ихъ. На глазахъ моихъ товарищей, многихъ фельдшеровъ и больныхъ, находившихся въ лазаретѣ, караулъ повернулъ ружья прикладами впередъ и бросился на небольшую кучку беззащитныхъ людей. Я побѣжалъ изъ лазарета въ лагерь, но такъ какъ нужно было обѣжать цѣлый рядъ тройныхъ проволочныхъ заборовъ, то когда я прибѣжалъ на мѣсто побоища, всѣ уже были сбиты въ кучу, у многихъ кровь лилась съ лица и головы, на землѣ были кровавыя лужи. Къ этому же времени туда пришелъ и адъютантъ коменданта лейтенантъ Плацгофъ. Онъ встрѣтилъ меня словами, что онъ очень сожалѣетъ о происшедшемъ, но что иначе нельзя было поступить, такъ какъ-де такова дисциплина, и что будто лейтенантъ Зимсъ имѣлъ даже право приказать застрѣлить ихъ, но по своему мягкосердечію онъ не рѣшился на это и ограничился только приказомъ объ избіеніи. Я сказалъ, что объясненія мнѣ не нужны, что все произошло на моихъ глазахъ и глазахъ моихъ товарищей, и все это какъ-то не укладывается въ моемъ умѣ, чтобы беззащитныхъ людей только за то, что они выразили извѣстную просьбу, имѣвшую къ тому же законную почву въ видѣ приказа военнаго министерства, можно было бы избивать, вмѣсто того, чтобы дать имъ какое-либо объясненіе, или, если они окажутся виноватыми, предать ихъ суду и наказать. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, чтобы я не безпокоился, такъ какъ немедленно будетъ произведено слѣдствіе, которому и будетъ данъ законный ходъ. Я осмотрѣлъ на мѣстѣ избитыхъ и нашелъ необходимымъ 14 человѣкъ изъ нихъ отправить въ лазаретъ. Такъ какъ я увидѣлъ, что плѣнные нашего лагеря, постояно въ немъ живущіе, собираются толпами и о чемъ то оживленно говорятъ, ибо это избіеніе происходило и на ихъ глазахъ, то я поспѣшилъ къ нимъ, вызвалъ всѣхъ членовъ

довѣрительной комиссіи, успокоилъ солдатъ, боясь, чтобы вся исторія не приняла грознаго характера—бунта съ массовыми разстрѣлами изъ пулеметовъ, о которыхъ я слыхалъ отъ плѣнныхъ. Успокоивъ солдатъ, я ушелъ въ лазаретъ и сообщилъ шефу лазарета доктору Резе о случившемся. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я осмотрѣлъ избитыхъ и подалъ ему въ офиціальной бумагѣ результатъ осмотра. Я сказалъ ему, что не знаю, въ какой формѣ принято въ Германіи излагать такіе рапорты, а потому прошу его прежде, чѣмъ отправить мой рапортъ въ высшія инстанціи, просмотрѣть его, и, если онъ тамъ найдетъ что-либо неправильнымъ, сообщить мнѣ объ этомъ, дабы я могъ исправить, что нужно. При чемъ добавилъ, что я буду все время въ лазаретѣ въ хирургическомъ баракѣ. Точныхъ результатовъ осмотра я привести здѣсь не могу, но помню, что у четырехъ или шести избитыхъ были одиночныя или множественныя раны головы, проникающія черезъ всю толщу кожи до черепа—длиною отъ 2 до 10 сентиметровъ. У большинства были множественныя ссадки и кровоподтеки на различныхъ частяхъ тѣла и, если я не ошибаюсь, у двухъ или трехъ наружныхъ признаковъ побоевъ я не нашелъ. Всѣ избитые показали, что они работали предыдущей зимой на французскомъ и бельгійскомъ фронтахъ, зачастую въ непосредственной близости артиллерійскаго огня нашихъ союзниковъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Они голодали, ихъ истязали и принуждали къ непосильнымъ работамъ, что возвратъ къ этимъ работамъ равносиленъ медленной, мучительной смерти. Мой рапортъ, поданный доктору Резе, заключалъ въ себѣ: 1) опросъ потерпѣвшихъ 2) результатъ ихъ осмотра и 3) заключеніе, что раненія нужно причислить къ ряду неугрожающихъ жизни. Рапортъ я отослалъ съ санитаромъ къ д-ру Резе, а самъ продолжалъ работать въ отдѣленіи. Два, три часа спустя я встрѣтилъ Резе, и онъ сказалъ мнѣ, что какъ другъ мой (почему онъ записался въ мои друзья—это мнѣ неизвѣстно, но онъ мнѣ подарилъ даже свою фотографическую карточку, гдѣ тоже написалъ: «Моему другу» и т. д.) онъ долженъ сказать мнѣ, что мнѣ не слѣдовало писать такого рапорта, а просто написать результатъ осмотра. Тогда я его спросилъ, гдѣ же мой рапортъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что рапортъ онъ уже отдалъ коменданту. Немного спустя я черезъ лицъ, которые освѣдомляли меня въ точности, что дѣлается въ комендатурѣ, узналъ, что этотъ самый мой «другъ» за обѣдомъ въ обществѣ нѣм. офицеровъ лагеря возмущался моими дѣйствіями и дѣйствіями выборной комиссіи отъ плѣнныхъ, говорилъ, что мы подстрекаемъ плѣнныхъ къ неповиновенію, что давно слѣдовало бы положить

предѣлъ этому и, вообще, прибрать къ рукахъ всю эту «сволочь», что комендантъ генералъ Рейнгардтъ никуда не годится и распустилъ насъ, что онъ радъ, что въ настоящее время комендантъ въ отпуску и его замѣщаетъ достойный и энергичный человѣкъ, который хоть на время приберетъ насъ къ рукамъ. Узнавъ объ этомъ, я рѣшилъ сразу же положить предѣлъ клеветѣ и подалъ письменное заявленіе коменданту, что прошу его освободить меня отъ обязанностей представителя отъ русскихъ, англійскихъ и французскихъ плѣнныхъ, такъ какъ мнѣ извѣстна возводимая на меня клевета, я же привыкъ работать въ условіяхъ полнаго довѣрія къ себѣ. На это мое прошеніе отвѣта не послѣдовало, и все пошло по старому. На другой же день послѣ избіенія нашихъ унтеръ-офицеровъ я получилъ подробное письменное изложеніе всѣхъ тѣхъ ужасныхъ условій жизни, унесшихъ въ могилу тысячи людей, о которыхъ мнѣ сообщилъ раньше при прибытіи къ намъ въ лагерь этой партіи плѣнныхъ съ работъ во Франціи фельдшеръ Захаровъ-Васильевъ. Такъ какъ оба документа почти абсолютно тождественны, то я и не привожу послѣдняго. Подписались подъ этимъ вторымъ документамъ слѣдующіе унтеръ-офицеры:

1. Нефедовъ Сергѣй Алексѣевичъ—Петроградской губ., Новоладожскаго у., Усадище-Спасской вол., дер. Леоновщина. Онъ добавилъ, что на его глазахъ были убиты Алешинъ и Иванъ Голозовъ, о которыхъ упоминаетъ фельдшеръ Захаровъ-Васильевъ, но не называя ихъ фамилій, очевидно, по незнанію.

2. Колесниковъ Петръ, Акмолинской области, Омскаго у., Благодоровской вол., село Юрьевка.

3. Онищенко Мефодій, Херсонской губ., Елисаветградскаго у., Надловской вол., дер. Шляховка.

4. Зубковъ Титъ, Уфимской губ., Бембаевскаго у., Аксаковской вол., дер. Чайкова.

5. Ракова Александръ, Нижегородской губ. и у., Борисопольской вол., село Рождественскій-Майданъ.

6. Низовуевъ Федоръ, Воронежской губ., Острогожскаго у., слобода Нова Сотня, ул. Торговица.

7. Осадчій Яковъ, Акмолинской обл., Омскаго у., Степановской вол., село Черноусовка.

8. Маряновъ Викторъ, Херсонской губ., Елисаветоградскаго у., мѣстечко Константиновка.

9. Шолухъ Григорій, Черниговской губ., Островскаго у., село Тарасовичъ.

Положеніе русскихъ плѣнныхъ въ лагеряхъ и на работахъ въ Германіи.

Положеніе плѣнныхъ въ лагеряхъ было нѣсколько лучше, чѣмъ въ этихъ забытыхъ Богомъ и людьми каторжныхъ тюрьмахъ рабочихъ командахъ. Лагеря находились въ самой Германіи зачастую вблизи крупныхъ городовъ, и какъ они строго ни оберегались, но все случившееся въ лагерѣ пролазило сквозь тройныя колючія проволочныя загражденія, безстрашно проходило мимо часовыхъ и пулеметовъ, а въ нѣкоторыхъ лагеряхъ и мимо нушекъ, разставленными за проволокой по угламъ лагеря. Оно подхватывалось сто-устной молвой и разносилось по всей Германіи изъ края въ край. Намъ было строго запрещено переписываться не только съ лагерями, но и съ рабочими командами, приписанными къ данному лагерю. Благодаря прекрасно организованной мобилизаціи всѣхъ рабочихъ силъ Германіи, главнымъ элементомъ которой, въ виду почти полнаго истощенія своего собственнаго людского матеріала, являются русскіе плѣнные, и связанной съ этимъ переброски цѣлыхъ массъ плѣнныхъ въ тѣ или другіе промышленно-заводскіе районы, намъ—врачамъ, благодаря этому, приходилось постоянно встрѣчаться съ плѣнными, побывавшими почти во всей Германіи и во всякомъ случаѣ во многихъ лагеряхъ. Я и пользовался этими передвиженіями плѣнныхъ, чтобы собирать матеріалъ для подробнаго и всесторонняго ознакомленія съ положеніемъ русскихъ плѣнныхъ въ Германіи. Съ этой же цѣлью я пользовался командировками товарищей-врачей, которые обыкновенно за время плѣна побывали во многихъ солдатскихъ лагеряхъ и въ подробности знали всю обстановку лагерной жизни: мной былъ составленъ спеціальный опросный листъ, который я и пускалъ въ видѣ анкеты среди военно-плѣнныхъ солдатъ и среди товарищей-врачей. Такимъ образовъ мною было опрошено 2 тысячи человѣкъ. Вести этотъ опросъ и вообще какую бы то ни было запись приходилось въ строгой тайнѣ, такъ какъ стоило только комендатурѣ узнать, что вы что-то пишите, у васъ производился внезапный обыскъ, все написанное отбиралось, сдавалось въ цензуру и, если тамъ находили что-либо для нихъ непріятное, то васъ отдавали подъ судъ, возводя зачастую самыя необыкновенныя обвиненія или просто сажая въ военную тюрьму.

Въ лучшемъ же случаѣ васъ ссылали въ какой-нибудь карательный лагерь. Такъ, напр., въ лагерѣ Арисъ въ комендатурѣ

стало извѣстно, что д-ръ Озеровъ ведетъ дневникъ. Къ нему явился самъ шефъ лазарета д-ръ Ромей и лично произвелъ у него обыскъ, но найти ему ничего не удалось, такъ какъ д-ръ Озеровъ, узнавшій заранѣе объ обыскѣ, успѣлъ уничтожить всѣ важныя бумаги Однако его все-таки выслали изъ этого лагеря, и гдѣ онъ находится теперь, мнѣ неизвѣстно. Въ Мевэ содержатся еще и теперь 6 русскихъ врачей на положеніи арестантовъ за какія-то невѣдомыя преступленія. Результатъ анкеты и подробное описаніе всей жизни плѣнныхъ какъ въ рабочихъ командахъ, такъ и внутри Германіи я опубликую спустя нѣкоторое время, такъ какъ разработка имѣющагося у меня матеріала и систематическое его изложеніе займетъ много времени. Теперь же, какъ я сказалъ въ предисловіи, я спѣшу ознакомить общество и лицъ, которымъ слѣдовало бы знать, но которые, по свойственной людямъ слабости, слѣдуя поговоркѣ «Съ глазъ долой—изъ сердца вонъ», забываютъ о плѣнныхъ, или, быть можетъ, не хотятъ о нихъ знать. Вотъ этихъ лицъ я и хочу ознакомить съ жизнью плѣнныхъ, хочу имъ напомнить о ихъ братьяхъ, отцахъ и сыновьяхъ, которые остались тамъ, внутри Германіи, и живутъ не гдѣ-нибудь среди глухихъ болотъ Полѣсья, или превращенныхъ въ пустыню частей Франціи и Бельгіи. Они живутъ среди нѣмцевъ вблизи, какъ я уже сказалъ, самыхъ крупныхъ центровъ Германіи, въ непосредственной близости съ Берлиномъ. Повторяю, я спѣшу ознакомить представителей общественныхъ и политическихъ организацій съ жизнью этихъ плѣнныхъ, такъ какъ они гибнутъ тамъ тысячами, и если не будетъ немедленно обращено на ихъ положеніе самое серьезное вниманіе и не будутъ приняты самыя радикальныя мѣры къ улучшенію ихъ жизни, то ихъ погибнутъ еще десятки тысячъ, а вернувшіеся изъ плѣна будутъ представлять изъ себя калѣкъ, которые тяжелымъ бременемъ лягутъ на народъ и на совѣсть тѣхъ, которые могутъ и должны имъ помочь. Я приведу здѣсь рядъ фактическихъ данныхъ, переданныхъ мнѣ въ видѣ устнаго или письменнаго изложенія очевидцевъ и лицъ, переживших все ими описанное и разсказанное.

Докторъ Петровъ Федоръ Васильевичъ, 270 Гатчинскаго полка, въ мирное время 94 Енисейскаго, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 30—IX 1914 года около Тильзита въ бою въ полѣ. Захваченный въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими врачами и офицерами, я былъ отведенъ въ Тильзитъ. Этотъ городъ былъ нами занятъ и мы только что передъ взятіемъ въ плѣнъ вышли изъ него. Когда мы стояли въ городѣ, то онъ казался почти пустымъ, но приведенные въ городъ уже плѣнными мы увидѣли, что онъ былъ по-

лонъ народа, толпы котораго провожали насъ на улицахъ, изрыгая брань. Въ этомъ участвовали самые различные классы населенія, особенно изощрялись женщины, которыя, за неимѣніемъ, очевидно, достаточнаго запаса ругательствъ на нѣмецкомъ языкѣ, выкрикивали по-русски площадную брань. Впечатлѣніе было таково, что, если бы не конвой, отгонявшій ихъ, то насъ разорвали бы на части, несмотря на наши красные кресты и присутствіе раненыхъ. Эта злоба была тѣмъ болѣе для насъ непонятна, что за наше короткое пребываніе въ Тильзитѣ нашими войсками не было причинено никакого зла мѣстному населенію, и городъ совершенно не пострадалъ во время сраженій. Докторъ Эпштейнъ ѣхалъ на телѣгѣ съ ранеными. Во дворѣ казармы, куда насъ привезли, нѣмецкій врачъ съ крикомъ набросился на него и приказалъ солдатамъ, наполнявшимъ дворъ, стащить его съ телѣги. Его избили прикладами и кулаками. Ко мнѣ, на глазахъ этого же врача, подошелъ нѣмецкій солдатъ, сорвалъ погоны и пытался сорвать шпоры, но онѣ были основательно прикрѣплены, и ему не удалось этого сдѣлать. Насъ повели въ корридоръ казармы, гдѣ допрашивали въ теченіе 4-хъ часовъ; за это время намъ не только не дали ѣсть, но даже не предложили сѣсть, въ то время, какъ нѣмецкіе офицеры ходили завтракать. Во время допроса насъ обыскивали и забирали положительно все, при чемъ это отбираніе вещей носило чисто-произвольный характеръ: они отбирали то, что хотѣли, а не какіе-либо опредѣленные предметы. У меня напримѣръ они выбрали все изъ врачебной сумки, но самую сумку оставили. Во время допроса какой-то нѣмецкій штабный офицеръ, хорошо говорившій по-русски, ходилъ среди насъ ко корридору съ телеграммой, напечатанной на русскомъ языкѣ, въ которой говорилось о взятіи цѣлыхъ десятковъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ и о предстоящемъ паденіи Парижа. Онъ очень интересовался произведеннымъ на насъ этой телеграммой впечатлѣніемъ. Послѣ обыска и допроса насъ помѣстили въ маленькую комнатку, такъ что кровати стояли въ 2 яруса, и оставался между ними очень узкій проходъ. Въ комнатѣ было такъ тѣсно, что становилось трудно дышать, тѣмъ болѣе, что двери были заперты, и со стороны корридора стоялъ часовой. Ходить въ уборную можно было только съ часовымъ. Вообще, выходить изъ комнаты совершенно запрещалось. Послѣ настоятельныхъ протестовъ 10 человѣкъ изъ насъ перевели въ другую комнату, такъ какъ вообще свободныхъ комнатъ въ казармѣ было много. Ѣсть намъ не давали, намъ разрѣшили черезъ спеціально приставленнаго нѣмецкаго солдата получать пищу изъ кухмистерской, при-

чемъ нашъ рубль расцѣнивался въ 1 марку 50 пфениговъ. За чашку кофе съ маленькой булочкой мы платили 75 коп. Въ этой казармѣ мы прожили до 5 дней. Отсюда насъ повезли на маленькомъ пароходѣ по Нѣману. На пароходъ съ нами были посажены 2 русскихъ офицера, обвинявшихся въ жестокомъ обращеніи съ жителями. Они были связаны рука къ рукѣ и подлѣ нихъ стоялъ часовой, который слѣдилъ, чтобы съ ними никто изъ насъ не смѣлъ разговаривать. Всѣхъ врачей и офицеровъ въ этой маленькой каютѣ было до 50 человѣкъ, и ѣхать было такъ тѣсно, что мы едва сидѣли. Въ вечеру мы пріѣхали въ Кранель (?) и насъ продержали въ этой каютѣ цѣлую ночь. Утромъ насъ посадили въ поѣздъ въ вагоны 3 класса и куда-то повезли. Нужно думать, что насъ умышленно возили по Познани и другимъ мѣстамъ Германіи на показъ, такъ какъ ѣхали мы трое сутокъ. Во все время пути намъ дали ѣсть только одинъ разъ, причемъ это была какая-то размазня, запить которую предложено было холодной водой. Еще разъ на какой-то станціи намъ разрѣшили выйти изъ вагоновъ и пройти въ буфетъ, чтобы купить себѣ что-либо поѣсть. Когда мы вышли на перронъ, насъ окружилъ конвой, и мы пошли къ буфету. Навстрѣчу намъ вышла группа нѣмецкихъ сестеръ милосердія, за которыми нѣмецкіе санитары на подносахъ несли различную ѣду. Мы должны были остановиться. Сестры при насъ начали раздавать эту пищу нашимъ караульнымъ солдатамъ, при чемъ умышленно громко говорили: «Но только не для русскихъ собакъ». Во все время пути, кромѣ этого случая, мы были заперты въ вагонахъ. Въ 11 часовъ вечера на третій день нашихъ мытарствъ мы пріѣхали въ Галле. Здѣсь мы были подвергнуты болѣе тщательному обыску съ раздѣваніемъ до нога. Офицерскій лагерь въ Галле, куда насъ помѣстили, есть громадный заводъ, состоящій изъ основного большого корпуса и нѣсколькихъ меньшихъ. Въ этомъ громадномъ корпусѣ съ громадными фабричными окнами и съ асфальтомъвы поломъ было помѣщено нѣсколько сотъ офицеровъ французскихъ, русскихъ и бельгійскихъ. Въ небольшихъ же зданіяхъ были тоже размѣщены офицеры, но преимущественно изъ старшихъ и больныхъ. Спали мы прямо на полу, на маленькомъ тюфячкѣ. Было очень холодно и сыро. Столъ былъ отвратительный и попытки къ какому-нибудь улучшенію его были запрещены комендантомъ. Только генералы и тяжело больные пользовались нѣсколько лучшимъ столомъ. Я страдалъ хроническимъ воспаленіемъ шейныхъ лимфатическихъ железъ и потому обратился черезъ переводчика, нашего врача одной изъ сибирскихъ бригадъ, къ нѣмцу-врачу

съ просьбой перевести меня на лучшій столъ. Послѣдній, не объясняя причинъ, въ грубой формѣ отказалъ. Какъ послѣ объяснилъ мнѣ товарищъ-переводчикъ, нѣмецкій врачъ былъ ужасно на насъ золъ, такъ какъ будто бы у нѣкоторыхъ изъ русскихъ врачей были найдены ограбленныя у жителей вещи. Но его отношеніе и къ врачамъ нашихъ союзниковъ было нисколько не лучше. Такъ, напримѣръ, у французскаго врача совершенно порвались брюки и онъ обратился къ нѣмецкому коллегѣ съ просьбой дать ему разрѣшеніе на покупку новыхъ брюкъ или матеріи для нихъ. Тотъ отказалъ. На вопросъ же француза, какъ онъ можетъ выйти изъ такого не совсѣмъ удобнаго положенія, нѣмецъ засмѣялся и сказалъ: «ну что же, будете санкюлотомъ». И французъ, не смотря на ноябрь мѣсяцъ, ходилъ недѣли двѣ въ кальсонахъ, пока какимъ-то образомъ не досталъ брюкъ. Прогулками мы пользовались только во дворѣ завода, окруженнаго большимъ каменнымъ заборомъ. Никакихъ присособленій для купанья не было. Была одна маленькая комната, куда сходились жильцы различныхъ фабричныхъ зданій, чтобы умыться, тамъ были обыкновенные водопроводные краны. Продукты уменьшались не по днямъ, а по часамъ. Когда я прибылъ въ Галле, то въ лагерной лавочкѣ можно было еще купить кое-какіе консервы, бѣлую булку, изрѣдка масло или, вѣрнѣе, маргаринъ, но когда я уѣзжалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ этой лавочкѣ уже ничего съѣстного не было. Тамъ еще можно было купить очень много ваксы, всевозможныхъ бритвенныхъ и других приборовъ и, какъ исключительную рѣдкость, кое-какіе консервы. Въ ноябрѣ 1914 года меня послали въ лагерь Алтен грабовъ подлѣ Магдебурга, лагерь на 30.000 плѣнныхъ. Тамъ я нашелъ 40 франц. врачей и около 15—18 русскихъ. Врачи жили въ казармахъ по много человѣкъ въ комнатѣ, а плѣнные въ конюшняхъ безъ отопленія, съ землянымъ поломъ. У огромнаго большинства не было шинелей, почти у половины не было сапогъ, спали на полу на тонкомъ соломенномъ матрацѣ съ однимъ одѣяломъ. Было очень холодно и невѣроятно сыро. Никакихъ приспособленій для осмотра больныхъ не было. Амбулаторію приходилось вести подъ открытымъ небомъ. Больные должны были въ дождь, холодъ и вѣтеръ раздѣваться на дворѣ, гдѣ мы ихъ и осматривали. Въ лагерѣ была маленькая комнатка съ землянымъ поломъ, но съ кроватями, и эта комната носила громкое названіе «лазаретъ». Въ этой комнатѣ могло помѣститься не болѣе 30 человѣкъ, такъ что удовлетворить нужды массы больныхъ она ни въ коемъ случаѣ не могла. Гулять намъ, врачамъ, разрѣшалось по

одной указанной аллеѣ, длиною съ версту, дальше которой мы никуда не имѣли права ходить. Столовались мы изъ лагерной лавочки-столовой. Но намъ было разрѣшено покупать кое-что въ кофейнѣ, которая была на этой аллеѣ. Бараки для солдатъ начали строить только съ средины декабря. Они строились изъ тонкой шеловки съ одной желѣзной печкой, крыша покрывалась толемъ. Подъ лазаретъ было отведено два съ половиною такого же типа барака. Питаніе въ лазаретѣ больныхъ отличалось отъ питанія лагернаго только тѣмъ, что можно было выписывать добавочную порцію молока, причемъ количество этихъ порцій было крайне ограничено. Въ баракахъ было очень холодно. Всѣ голодали. Паразиты буквально заѣдали людей. Несчастные съ отчаянія, не зная, какъ избавиться отъ нихъ, закапывали совершенно покрытую вшами одежду въ землю и лежали въ баракахъ голые. Бань не было, нѣмецкій шефъ лазарета—уроженецъ одной изъ прирейнскихъ провинцій, по спеціальностигигіенистъ, старался хоть чѣмъ нибудь улучшить положеніе плѣнныхъ. Но былъ безсиленъ. Къ слову сказать, за все время моего плѣна это былъ единственный нѣмецкій врачъ, который относился къ намъ и къ плѣннымъ почеловѣчески, но это былъ не нѣмецъ, онъ былъ эльзасъ-лотаринжецъ. Въ лагерѣ все время были случаи заболѣванія холерой, и много больныхъ сыпнымъ тифомъ. Плѣнные посылокъ не получали. Письма шли очень плохо. Въ январѣ мѣсяцѣ докторъ Зобинъ и я были высланы въ лагерь Цербстъ около Магдебурга. Тамъ было 2.000 французовъ и 3.000 русскихъ. Мы застали тамъ 5 французскихъ врачей. Въ двухъ верстахъ отъ лагеря находился одноименный небольшой городокъ, на краю котораго стояла казарма, превращенная въ лазаретъ для плѣнныхъ. Въ этой казармѣ мы должны были жить и два раза въ день—до и послѣ обѣда—ходить въ лагерь на работу. Насъ всегда сопровожалъ нѣмецкій часовой съ ружьемъ. Пища наша была крайне скудна. Намъ давали то, что ѣли наши больные солдаты. Мѣстный врачъ-нѣмецъ по фамиліи Яръ представлялъ изъ себя полную противоположность врачу-эльзасцу. При первой же встрѣчѣ онъ очень долго разспрашивалъ меня о чинахъ и спрашивалъ, сколько я получалъ жалованія, какъ старшій врачъ полка. Я сказалъ ему. Онъ рѣзко перебилъ меня, замѣтивъ, что это неправда. Это была первая наша встрѣча. Немного времени спустя мы обратились къ нему съ просьбой улучшить нашу пищу, или разрѣшить намъ покупать ее въ офицерскомъ казино. Онъ рѣзко отказалъ. Тогда мы устроились съ женой нѣмецкаго фельдфебеля, которая, тайкомъ, за плату въ

60 марокъ съ человѣка согласилась прикармливать насъ. Вообще, марка играла крупную роль въ нашей жизни. На нее можно было купить почти каждаго нѣмца. Лагерный околотокъ существовалъ только на бумагѣ. Это была часть барака, въ которой не было даже табуретки, чтобы сѣсть. Наша работа начиналась съ 8-ми часовъ утра. Къ 11 въ околотокъ являлся Яръ. Къ его приходу мы должны были отобрать тѣхъ больныхъ, которыхъ считали нужнымъ по состоянію ихъ здоровья освободить отъ работъ или помѣстить въ лазаретъ-казарму. Сами мы въ этомъ смыслѣ ничего предпринять не могли. Намъ запрещенъ былъ даже входъ въ лазаретъ, и всякое общеніе съ больными, хотя мы жили, какъ я уже сказалъ, въ комнатѣ, помѣщавшейся въ зданіи лазарета. Явившись въ околотокъ, докторъ Яръ ни одного больного не осматривалъ, ему просто доставляло удовольствіе немного поглумиться надъ нами, и онъ, указывая пальцами на больного, спрашивалъ: «у этого что». Когда мы сообщили ему діагнозъ болѣзни, онъ, не прикоснувшись пальцемъ къ больному, начиналъ смѣяться надъ нами и критиковалъ діагнозъ съ грубой ироніей. Вообще, это былъ абсолютный неучъ. Французскіе врачи устраивали на этой почвѣ цѣлые фарсы. Они брали совершенно здороваго французскаго плѣннаго, и когда приходилъ Яръ, ставили самый невѣроятный діагнозъ и настойчиво и убѣдительно съ серьезной миной отстаивали этотъ діагнозъ. Послѣ долгихъ споровъ, опять-таки не осматривая предполагаемаго больного, Яръ отправлялъ его, но уже не въ свой лазаретъ плѣнныхъ, которымъ онъ завѣдовалъ, а въ городскую больницу, очевидно, не надѣясь на свои силы. Медикаментовъ въ лагерѣ почти не было. Послѣ самыхъ настойчивыхъ и многодневныхъ просьбъ и требованій онъ ограничивался въ лучшемъ случаѣ обѣщаніемъ выписать таковые, а затѣмъ дѣлалъ видъ, что забылъ. Послѣ безсмысленныхъ споровъ въ околоткѣ, повторявшихся изо дня въ день, начинался обходъ лагеря. И онъ требовалъ, чтобы мы, русскіе врачи, присутствовали при этой комедіи. Мы должны были сопровождать его всюду. Онъ заходилъ въ бараки, на кухню, но мы не имѣли права входить туда. Мы должны были стоять у дверей на дворѣ въ различную погоду и ждать, пока онъ соблаговолитъ выйти. Въ лазаретѣ, гдѣ мы жили, намъ прислуживалъ легко больной. Отъ него мы узнали, что Яръ совершенно не лечитъ больныхъ. Всѣ его функціи въ лазаретѣ ограничивались тѣмъ, что онъ проходилъ черезъ палату, грозно посматривая на выстроившихся больныхъ у ножныхъ концовъ своихъ кроватей. Въ лагерѣ свирѣпствовали массовыя избіенія. Каждый часо-

вой и вообще начальствующій нѣмецкій нижній чинъ имѣлъ палку. Били походя, но били исключительно русскихъ. Избіеніе француза считалось величайшей рѣдкостью. Было много штыковыхъ ранъ. Я безпрерывно докладывалъ Яру объ этомъ и показывалъ избитыхъ и раненыхъ. Бѣлья не давали. Одежда—одно отрепье. Сапоги были отобраны. Такъ какъ потолка въ баракахъ не было, а была непосредственно тонкая шеловочная крыша, покрытая толемъ, людей же въ баракахъ было набито полно, то охлаждавшійся на этомъ потолкѣ-крышѣ паръ весь вечеръ и всю ночь капалъ, какъ дождь, на спавшихъ на полу плѣнныхъ. Голодъ былъ настолько силенъ, что плѣнные искали въ мусорныхъ ямахъ всякіе отбросы и ѣли ихъ. При прививкахъ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, нѣмецкій унтеръ-офицеръ направо и налѣво раздавалъ затрещины. Съ комендатурой мы не имѣли ничего общаго. Мы все должны были передавать черезъ доктора Яра. За цѣлый годъ комендатура только однажды обратилась непосредственно ко мнѣ съ запросомъ, на какомъ основаніи я имъ постоянно надоѣдаю своими жалобами на дурное обращеніе съ плѣнными, въ то время, какъ въ нѣмецкихъ газетахъ имѣется статья, въ которой сказано, что нашимъ плѣннымъ живется настолько хорошо, что нѣмецкое населеніе требуетъ ухудшить ихъ положеніе, и комендатура требовала отъ меня прекращенія жалобъ. На эту же тему пускался постоянно съ нами въ разговоры и докторъ Яръ. Онъ упрекалъ меня, что я вѣчно недоволенъ. Я замѣтилъ ему, что это не недовольство, а просто передача поступившихъ ко мнѣ заявленій объ истязаніяхъ отъ нашихъ плѣнныхъ. Онъ имѣлъ нахальство, несмотря на то, что я постоянно показывалъ ему избитыхъ и израненныхъ, наброситься на меня съ упрекомъ, почему я до сихъ поръ никого изъ избитыхъ или раненыхъ ему не показывалъ. Я опять начиналъ показывать ему таковыхъ, онъ опять дѣлалъ видъ, что забывалъ, и снова повторялись приведенныя выше сцены упрековъ. Какъ иллюстрація обращенія съ плѣнными можетъ служить случай съ сыномъ директора департамента таможенныхъ сборовъ, вольноопредѣляющимся, если не ошибаюсь, Матисенъ: нѣмецкій унтеръ-офицеръ послалъ его въ отхожее мѣсто кого-то позвать. Недовольный тѣмъ, что М. будто бы медленно шелъ, онъ вбѣжалъ туда и ударилъ кулакомъ по головѣ М. такъ, что сбилъ его съ ногъ, а когда М. поднялся, то столкнулъ его въ яму (отхожее мѣсто было устроено въ видѣ ямы, поперекъ которой была положена простая доска). Упавшій едва вылѣзъ, весь испачканный. Тогда, при гомерическомъ хохотѣ, нѣмцы схватили его и бросили

въ стоящую между бараками на случай пожара бочку съ водой. Такіе примѣры глумленія надъ плѣнными были сплошь и рядомъ.

Эпидемія сыпного тифа у насъ была незначительная, она наблюдалась среди французовъ въ одномъ только блокѣ. Заболѣло человѣкъ 20, смертность—0. Мѣры, которыя были приняты для локализаціи и борьбы съ эпидеміей, заключались только въ изоляціи. Блокъ былъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ, помимо имѣющагося проволочнаго загражденія, и всѣ плѣнные, находившіеся въ этомъ блокѣ, вмѣстѣ съ однимъ французскимъ врачемъ, были заперты въ немъ.

За время моего пребыванія въ этомъ лагерѣ смѣнилось 4 нѣмецкихъ шефа-врача. Послѣдній изъ нихъ, если не ошибаюсь Притцель, былъ просто негодяй. Онъ былъ морской врачъ и побывалъ, кажется, въ Англіи въ плѣну. П. явно уклонялся отъ всякаго содѣйствія намъ, не стѣсняясь лгалъ прямо въ глаза. Такъ, напримѣръ, онъ отказывался помѣстить больного въ лазаретъ, мотивируя это полнымъ отсутствіемъ мѣстъ. Но передъ этимъ мы узнали отъ нѣмецкаго фельдшера, что въ лазаретѣ было 3 свободныхъ мѣста. Мы сказали ему объ этомъ, тогда онъ изругалъ фельдшера. Въ другой разъ онъ сказалъ намъ, что по приказанію военнаго министерства всякія развлеченія въ лагерѣ запрещены. Случайно въ одинъ изъ ближайшихъ дней пріѣхалъ представитель испанскаго посольства, который на нашъ вопросъ, правда ли, что министерство запретило развлеченія, сказалъ, что это ложь. Мы почти постоянно покупали лекарства для больныхъ на свои деньги въ городской аптекѣ. Ежедневно изъ лазарета въ городъ ходили за покупками русскій фельдшеръ въ сопровожденіи нѣмецкаго унтеръ-офицера, кажется, Плессе. Путемъ взятокъ Плессе покупалъ въ городѣ для насъ все, что нужно. Конечно, кромѣ взятки онъ ставилъ намъ на покупаемые предметы совершенно произвольныя цѣны. Когда шефъ узналъ о томъ, что Плессе покупаетъ намъ лекарства, онъ строго запретилъ покупать намъ, что бы то ни было. Однажды я заявилъ ему жалобу на избіеніе плѣнныхъ—онъ отвѣтилъ мнѣ, что это пустяки, что они сами виноваты. Дней черезъ 10 была избита уже цѣлая группа плѣнныхъ, и такъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ были разбиты головы. Я доложилъ ему объ этомъ. Онъ набросился на меня съ крикомъ, какъ я смѣю вмѣшиваться не въ свои дѣла, что на мѣстѣ нѣмецкихъ солдатъ онъ не побилъ бы, а убилъ бы этихъ «скотовъ». Было много больныхъ туберкулезомъ съ сильнымъ кровохарканьемъ, которые медленно таяли на нашихъ глазахъ. Зимой 1916 года, несмотря на имѣющійся въ лагерѣ уголь, бараки плѣнныхъ по нѣскольку дней не отапливались, и сплошь и рядомъ температура

въ нихъ была ниже нуля. Никакія жалобы не помогали. Пища больныхъ состояла утромъ изъ кофе или какао безъ сахара, въ обѣдъ какая-то бурда, называемая супомъ, и какъ добавокъ, разрѣшалось выписывать 25 литровъ молока особо-тяжелымъ больнымъ и 30 порцій мяса, причемъ порціи эти были прямо микроскопическія. Больныхъ же всегда было не менѣе 150 человѣкъ. Сами мы должны были столоваться на унтеръ-офицерской кухнѣ и только 2 раза въ недѣлю получали по маленькому кусочку мяса. Въ остальное время—кормовая, зачастую гнилая, брюква, изрѣдка совершенно зловонная рыба. Конечно, этимъ питаться мы не могли. Мы все покупали въ городѣ черезъ вторыя и третьи руки нѣмецкихъ солдатъ, платя сплошь и рядомъ въ 5—6 разъ больше рыночной цѣны. Лѣтомъ 1916 года мы получили разрѣшеніе ходить въ городъ съ вооруженнымъ часовымъ. Раньше же мы никуда не смѣли выходить за проволоку. Каждый разъ, когда мы собирались итти въ городъ, мы должны были подать записку за день до прогулки, комендатура давала разрѣшеніе и назначала часового. Часовые относились къ такимъ прогулкамъ враждебно и торопили насъ возвращаться въ лагерь; чтобы получить возможность немного дольше погулять, намъ приходилось каждый разъ давать «на чай» часовымъ. Въ лавки, гдѣ можно было купить съѣстные продукты, входъ намъ былъ строго воспрещенъ. Однажды во время прогулки насъ встрѣтилъ въ городѣ полицейскій и, грубо ругаясь, потребовалъ, чтобы мы шли по мостовой, какъ полагается ходить плѣннымъ солдатамъ, а не по тротуару. Мы тотчасъ вернулись назадъ въ лагерь и заявили жалобу коменданту. Онъ написалъ въ городскую полицію бумагу, что мы не плѣнные, а врачи, временно задержанные въ Германіи. Несмотря на эту бумагу, исторіи въ родѣ вышеприведенной повторялись неоднократно, и мы отказались пользоваться прогулками.

Жалованье намъ платили совершенно произвольно. Я получалъ 335 марокъ въ мѣсяцъ, т. е., я расписывался въ полученіи такой суммы. Но система вычетовъ была доведена до такого совершенства, что вычитали буквально за все, что могли: за комнату, за обстановку, даже за уголь, такъ какъ-де мы варили себѣ чай и тратили потому больше угля, чѣмъ намъ полагалось. Во время эпидеміи безъ всякой нашей просьбы намъ купили халаты и резиновыя перчатки (раньше все время мы работали безъ халатовъ). Когда эпидемія кончилась, съ насъ вычли и за халаты, и за перчатки, хотя нѣмцы оставили у себя и тѣ и другіе. Должности всякихъ смотрителей и казначеевъ при лазаретахъ въ лагеряхъ исполнялись унтеръ-офицерами, въ большинствѣ случаевъ ране-

ными на фронтѣ, они-то и придумывали эти различные вычеты. Ежемѣсячно исключительно на покупку добавочной пищи намъ приходилось тратить не менѣе 150—170 марокъ. Такъ какъ пища, получаемая нами съ унтеръ-офицерской кухни, не говоря уже объ ея качествѣ, была всегда настолько безвкусно приготовлена, что ѣсть ее было невозможно, мы просили нѣмецкаго шефа разрѣшить намъ получать все сырьемъ, съ тѣмъ, что мы будемъ сами ее варить. Намъ было и въ этомъ отказано. Вообще, всякая легальная попытка хоть немного улучшить наше положеніе встрѣчала всегда рѣзкое противодѣйствіе. Можно съ точностью сказать, что изъ 7 разъ въ недѣлю мы 4 раза не обѣдали. Способъ уплаты жалованья доходилъ прямо до виртуозности: сперва намъ платили все жалованье настоящими марками, затѣмъ подъ угрозой строжайшей отвѣтственности за утайку денегъ у насъ всѣ деньги были отобраны, а на руки было выдано только по 50 марокъ, затѣмъ намъ стали платить не марками, а лагерными деньгами, потомъ давали по 50 марокъ три раза въ мѣсяцъ. Было и такъ, что намъ давали только по 5 марокъ въ день. Отъ насъ требовали, чтобы мы давали подробный отчетъ въ израсходованіи нашихъ денегъ и предъявляли бы каждый разъ на купленные предметы счета въ комендатуру. Всякая такая перемѣна въ уплатѣ намъ жалованья вызывала добавочные расходы съ нашей стороны, такъ какъ нужно было доставать фиктивные счета, а при замѣнѣ настоящихъ денегъ лагерными марками, которыя имѣли значеніе только въ предѣлахъ лагеря, мы должны были платить взятки солдатамъ за размѣнъ таковыхъ на настоящія деньги. Намъ было запрещено всякое общеніе съ плѣнными, и нѣмецкій унтеръ-офицеръ Краузе, пользовавшійся крупными доходами отъ насъ, считалъ своимъ долгомъ предупредить, чтобы мы были осторожнѣе и не разговаривали бы съ русскими плѣнными въ околоткѣ при осмотрѣ, такъ какъ лагернымъ офицеромъ было отдано строгое приказаніе часовымъ, которые всегда присутствовали при нашемъ осмотрѣ въ околоткѣ, слѣдить за нами и категорически требовать отъ насъ не разговаривать съ плѣнными, а если мы ихъ не послушаемся, употребить въ дѣло оружіе. Доктора Зобина, спеціалиста по ушнымъ, горловымъ и носовымъ болѣзнямъ, заставляли осматривать нѣмецкихъ солдатъ, и когда онъ отказался, то грозили судомъ, ибо этотъ отказъ противорѣчитъ-де Женевской конвенціи.

Способы наказанія для солдатъ были слѣдующіе: привязываніе къ столбамъ, переноска опредѣленной кучи камней съ мѣста на мѣсто указанное число разъ, битье кусками электрическаго кабеля въ

спеціальномъ застѣнкѣ, карцеръ и голодъ. Битье палкой, какъ я уже говорилъ, не считалось за наказаніе, билъ каждый, кому было не лѣнь, посылки расхищались на почтѣ при ихъ цензурированіи и въ канцеляріи лагернаго офицера при ихъ распредѣленіи. Солдаты были совершенно оборваны, безъ бѣлья и безъ сапогъ: въ лучшемъ случаѣ выдавались деревянныя «клумбы». Ходилъ упорный слухъ, что нѣмцы отдавали отобранные сапоги своимъ солдатамъ на фронтъ. Если у какого-нибудь счастливца, недавно прибывшаго съ фронта, и прошедшаго черезъ цѣлый рядъ ограбленія, прежде чѣмъ попасть въ лагерь, оставалась лишняя пара бѣлья, она отбиралась. Только во второй половинѣ 1916 года стали выдавать одежду. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, т. е. 24-го января 1917 года, завели въ ротахъ прачешную, раньше все время мыли бѣлье подъ кранами холодной водой и руками, къ тому же мыла не было. Въ 1915 году и въ началѣ 1916 года нашихъ плѣнныхъ можно было освобождать, конечно по запискѣ нѣмецкаго врача, отъ работъ, но приблизительно съ апрѣля мѣсяца 1916 года никакія записки не имѣли значенія. На работы увозили всѣхъ, кто могъ только ходить. Въ силу неизвѣстныхъ мнѣ причинъ, унтеръ-офицеры и фельдфебеля были выдѣлены въ особую команду, и имъ предложено было дать подписку, что они добровольно изъявляютъ желаніе итти на работу; тѣ отъ подписки отказались, заявивъ, что они не понимаютъ ея смысла, такъ какъ никто изъ нихъ отъ работъ не отказывался. Тогда нѣмцы стали вынуждать у нихъ подписку и начались истязанія: ихъ ежедневно, въ теченіе 9—10 часовъ, заставляли бѣгать, ложиться, вставать, итти шагомъ, опять бѣжать и т. д. Все это продѣлывалось по командѣ, за малѣйшее промедленіе въ исполненіи команды ихъ нещадно избивали. Нѣмцы приказали унтеръ-офицеру минной роты командовать товарищами, тотъ отказался, тогда онъ былъ отведенъ въ сторону, и на глазахъ у всѣхъ остальныхъ товарищей на него были выпущены двѣ собаки (въ каждомъ лагерѣ имѣются спеціальныя собаки для розыска бѣжавшихъ плѣнныхъ). Несчастный былъ весь искусанъ собаками и отнесенъ товарищами въ лазаретъ. Въ лагерѣ существовала выборная комиссія, но роль ея была ничтожна, такъ какъ предсѣдателемъ ея былъ назначенъ нѣмецкій офицеръ, хотя плѣнными былъ выбранъ вольноопредѣляющійся Ивановскій. Комиссія эта занималась раздачей присылаемыхъ изъ Россіи подарковъ и никакихъ другихъ функцій она не несла. Подарки расхищались во время ихъ храненія нѣмцами, при чемъ полученный хлѣбъ умышленно долго держался въ сыромъ помѣщеніи и когда онъ совер-

шенно портился, то нѣмцы заявляли, что хлѣбъ испорченъ и не можетъ быть выданъ солдатамъ, ибо можетъ повредить ихъ здоровью. Это и были единственные случаи трогательнаго вниманія нѣмцевъ къ здоровью нашихъ несчастныхъ плѣнныхъ. Комиссія требовала выдачи хлѣба, и разыгрывалась цѣлая комедія: назначался осмотръ хлѣба, приходилъ нѣмецъ-врачъ, приходилъ офицеръ изъ комендатуры, хлѣбъ конечно признавался не подлежащимъ выдачѣ и шелъ на кормъ свиньямъ, которыя держались при лагерѣ. Въ этомъ и заключалась цѣль порчи хлѣба, получаемаго изъ Россіи. Развлеченій въ лагерѣ для плѣнныхъ почти не было; за два года моего пребыванія въ немъ только на Рождество 1915 года состоялся спектакль русскихъ. Французы же устраивали спектакли часто по большимъ праздникамъ. Отношеніе французскихъ плѣнныхъ къ русскимъ и обратно было самое симпатичное. Шло усиленное обученіе другъ друга роднымъ языкамъ. Когда война приняла затяжной характеръ, и для нѣмцевъ стало ясно, что имъ не удастся раздавить весь міръ однимъ ударомъ своего мощнаго кулака, начало замѣчаться нѣкоторое ослабленіе въ системѣ истязаній нашихъ плѣнныхъ. Каждый разъ, когда на фронтѣ у нѣмцевъ было не все благополучно, это отражалось въ лагеряхъ уменьшеніемъ количества пытокъ. Во времена Штюрмера и Протопопова въ Германіи всѣ отъ мала до велика кричали о близкомъ сепаратномъ мирѣ съ Россіей. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ со стороны нѣмецкихъ начальствующихъ лицъ были заигрыванія съ нашими плѣнными. Такъ, напримѣръ, на спектакль явились всѣ офицеры лагеря въ полномъ составѣ, при чемъ однимъ изъ нихъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ желалъ плѣннымъ поскорѣе увидѣть родину, но люди не вѣрили этимъ звѣрямъ, встрѣчали угрюмымъ молчаніемъ ихъ пожеланія и провожали ихъ взглядами, полными ненависти. Слухи о мирѣ быстро заглохли и все опять вернулось къ старому. Театръ и оркестръ были закрыты, артисты были высланы на работы. Книгъ въ лагерѣ было очень мало, онѣ получались откуда-то изъ Берлина и носили специфически провокаціонный характеръ. Въ нихъ почти исключительно Англія и Франція выставлялись какъ хищники по отношенію къ Россіи. Мы, врачи, были совершенно устранены отъ какого бы то ни было вліянія на жизнь лагеря. Лучшіе элементы изъ плѣнныхъ въ своихъ исканіяхъ обращались къ сектантству, которое широко распространялось среди нихъ, и были нерѣдко случаи религіознаго психоза. Худшіе элементы занимались карточной игрой. Въ рабочихъ командахъ внѣ лагеря, особенно на фабрикахъ, заводахъ и общественныхъ

работахъ, жилось особенно плохо; это были въ буквальномъ смыслѣ слова рабы, и съ ними обращались, какъ съ рабами. Всякая медицинская помощь въ рабочихъ командахъ отсутствовала; несчастные больные валялись въ хлѣвахъ и подвалахъ, пока конвою не заблагоразсудится прислать его въ лазаретъ. Были случаи, когда привезенные больные умирали часа черезъ два послѣ поступленія въ лазаретъ. Способы понужденія къ работамъ внѣ лагеря были: голодъ, всевозможныя истязанія, запираніе въ сырыхъ темныхъ подвалахъ. Отношеніе къ французскимъ плѣннымъ было совершенно иное. Ихъ боялись и относились осторожно. Какъ я уже говорилъ, избіеніе французовъ считалось величайшей рѣдкостью, они получали массу посылокъ, посылки шли вполнѣ исправно, они почти не ѣли лагерной пищи и охотно удѣляли нашимъ плѣннымъ свой казенный паекъ нѣмецкаго хлѣба, а часто и часть своихъ посылокъ.

Говоря о докторѣ Притцелѣ, я забылъ разсказать, что опредѣленіе годности нашихъ плѣнныхъ къ работѣ носило у него характеръ сплошного истязанія. Былъ случай, что у плѣннаго послѣ нарыва на пальцѣ получилось рубцевое сведеніе; несмотря на это, Притцель разгибалъ несчастному палецъ до тѣхъ поръ, пока не лопнулъ рубецъ, кровь хлынула и больной упалъ отъ боли въ обморокъ. Когда плѣнные узнавали, что предстоитъ осмотръ этимъ врачемъ, то всѣ старались записаться на работу, не желая попасть въ руки истязателя. Въ 3—4 мѣсяца разъ пріѣзжалъ какой-то профессоръ для осмотра солдатъ. Во время этихъ осмотровъ мы изображали изъ себя только декорацію, ибо больныхъ профессоръ не признавалъ.

«Отсюда я былъ высланъ въ Штральзундъ и въ маѣ мѣсяцѣ сего года вернулся въ Россію».

Докторъ Ивановъ, Борисъ Михайловичъ, 5-го Туркестанскаго полка, Петроградъ, Симбирская 47,—далъ мнѣ слѣдующій изложенный письменно разсказъ:

«Попалъ я въ плѣнъ подъ Сохачевымъ 16-го ноября 1914 года. Нѣмецкіе солдаты встрѣтили насъ удовлетворительно, такъ какъ на перевязочномъ пунктѣ у насъ лежали раненые нѣмцы, и одинъ изъ нихъ вышелъ навстрѣчу приближающейся цѣпи и сказалъ, чтобы насъ не обижали, такъ какъ мы хорошо относились къ нимъ. Насъ отвели верстъ за 15 въ тылъ и помѣстили въ комнату вмѣстѣ съ нѣмецкими телефонистами, причемъ намъ заявили, что если кто-нибудь изъ насъ попытается бѣжать, то убьютъ всѣхъ троихъ. Телефонисты угостили насъ кофемъ, но хлѣба не дали. На другой

день насъ повели въ Кутно. Конечно, всѣ вещи наши пропали. Шли мы отъ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера, въ дорогѣ насъ не кормили, и намъ удалось купить только два стакана молока и немного хлѣба. Это все, что мы ѣли за цѣлый день. Въ Кутно насъ отвели въ комендатуру и послѣ допроса помѣстили въ подвижной полевой № 321 госпиталь, который былъ оставленъ по приказу здѣсь съ ранеными. Тутъ мы встрѣтили четырехъ нашихъ врачей и двухъ сестеръ, Генріетту Кларенталь и Луизу—обѣ нѣмки изъ Риги. Изъ врачей тамъ были доктора: Медвѣдевъ, Зикъ, Липмановичъ, Асфендіаровъ, Пшеничный и я. Насъ оставили работать въ этомъ госпиталѣ. Тамъ было до 300 раненыхъ, которые лежали на полу на грязной соломѣ. Перевязочнаго матеріала не было, и больные буквально плавали въ гною. Жители принимали большое участіе въ положеніи плѣнныхъ. Они рвали простыни, полотенца и вообще бѣлье, приготовляя изъ него бинты для повязокъ. Они же перемывали руками старые бинты. Нѣмцы намъ ничего не давали, на наши просьбы они заявляли, что городъ долженъ содержать раненыхъ, а въ городѣ ничего не было, ибо все было ограблено нѣмцами-же. Такъ какъ въ городѣ мыла почти не было, то бинты мылись просто водой, поэтому они были грязны и очень часто съ паразитами, которыхъ вообще въ лагерѣ были милліарды. Лазаретъ стоялъ вблизи дороги, по которой проводились вновь поступающія партіи плѣнныхъ, и мы стали у нихъ отбирать индивидуальные пакеты; нѣмцы узнали объ этомъ, запретили намъ отбирать эти пакеты, и выставили свой караулъ, который занялся собираніемъ бинтовъ у новыхъ плѣнныхъ партій. Почти рядомъ съ нами была уѣздная больница, прекрасно оборудованная, и, такъ какъ у насъ не было хирурга, то мы тайкомъ носили туда раненыхъ, требующихъ операціи. Врачъ этой больницы, кажется, докторъ Домбровскій, былъ прекрасный, сердечный человѣкъ, онъ помогалъ намъ, чѣмъ могъ. Нѣмцы узнали объ этомъ, арестовали его и куда-то выслали. Инструменты и весь матеріалъ въ его больницѣ забрали и помѣстили тамъ своихъ инфекціонныхъ больныхъ солдатъ. Жители отдавали больнымъ и раненымъ послѣднее, что имѣли. Они ихъ кормили, поили, обшивали, ухаживали. Благодаря такому внимательному отношенію съ ихъ стороны больные питались у насъ такъ, какъ я не видѣлъ послѣ, чтобы они питались въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ лазаретѣ. За два мѣсяца моей работы въ Кутно въ общемъ прошло черезъ нашъ лазаретъ не менѣе 1500 раненыхъ. Мы работали много и охотно. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день меня вызвалъ нѣмецъ шефъ и заявилъ, что я и нѣкоторые мои товарищи, какъ отказавшіеся

отъ работы въ лазаретѣ, арестовываемся и высылаемся изъ этого лагеря. На мои разспросы, откуда у него могла появиться такая дикая мысль, въ то время, какъ онъ самъ прекрасно видѣлъ, что мы работали и работаемъ, онъ заявилъ мнѣ, что онъ получилъ отъ одного лица опредѣленное на этотъ счетъ заявленіе, что намъ дается часъ на сборы, послѣ чего мы должны будемъ уѣхать. Я ушелъ въ лазаретъ, туда пришли часовые съ ружьями, арестовали доктора Яковлева, Пшеничнаго, Дангулова и меня. Аресту подлежалъ и докторъ Липманъ, но его не взяли, такъ какъ у него за нѣсколько дней передъ этимъ открылось кровохарканіе. Насъ привели въ комендатуру и продержали на дворѣ, на морозѣ и вѣтрѣ (это было 22-го декабря) 8 часовъ и вмѣстѣ со многими ранеными солдатами подъ конвоемъ, но какъ преступниковъ, въ отдѣльной группѣ, повели на вокзалъ. Жители, узнавъ о нашемъ арестѣ и высылкѣ, устроили намъ теплые проводы и надавали намъ провизіи на дорогу. Насъ заперли въ вагонъ 3-го класса и куда-то повезли. Рядомъ съ нами находился нѣмецкій караулъ, и на одной изъ станцій часовой зашелъ къ намъ въ купэ и сказалъ намъ, что двое русскихъ «свиней» уже издохло. По пути къ намъ присоединили еще трехъ русскихъ офицеровъ и мы вмѣстѣ пріѣхали въ Штральзундъ. На вокзалѣ насъ встрѣтили нѣмецкія сестры, за которыми стояли санитары съ кофеемъ и бутербродами на подносахъ, они направились прямо къ намъ, прошли черезъ нашу группу и стали при насъ раздавать ѣду конвою, «солдатамъ съ фронта», а мы должны были стоять и смотрѣть, какъ они ѣли, причемъ, проходя мимо насъ, сестры говорили: «русскимъ свиньямъ этого не полагается». Когда мы проходили черезъ городъ до парома, жители самыхъ различныхъ классовъ, въ томъ числѣ женщины и дѣти, ругали насъ площадными словами, несмотря на наши повязки съ краснымъ крестомъ, кидали въ насъ снѣгомъ, кусками льда и камнями. Сопровождавшій конвой смѣялся. Насъ привезли паромомъ на островъ Дэнгольмъ и помѣстили въ карантинъ. Вскорѣ туда явился комендантъ и заявилъ, что мы должны снять съ себя повязки Краснаго Креста и лишаемся покровительства Женевской конференціи. Мы выразили ему свое удивленіе и сказали, что ни активнаго, ни пассивнаго сопротивленія властямъ не оказывали. Тогда онъ, улыбнувшись, замѣтилъ: «за активное васъ просто разстрѣляли бы». Черезъ нѣсколько дней пришелъ переводчикъ и потребовалъ, чтобы мы дали письменное объясненіе по возведенному на насъ обвиненію. Мы потребовали обвинительный актъ, безъ котораго, понятно, мы не могли дать никакого объясненія, и для этой цѣли

насъ отвели въ комендатуру. Тамъ мы увидѣли бумагу, изъ которой и узнали какъ доносчиковъ, возведшихъ на насъ это ложное обвиненіе, такъ и сущность самаго обвиненія. Мы дали пространное письменное объясненіе. Черезъ нѣсколько дней въ карантинъ опять явился комендантъ и заявилъ намъ, что мы можемъ опять надѣть на себя кресты, что суду мы не будемъ преданы, но что насъ пошлютъ въ лагерь, гдѣ работа будетъ не совсѣмъ пріятна, такъ какъ тамъ свирѣпствуютъ холерная и сыпно-тифозная эпидеміи. На сборы намъ былъ данъ одинъ часъ; насъ усадили въ поѣздъ и 23-го января мы прибыли въ лагерь Шнейдемюле. Мы пріѣхали въ 3 часа ночи. Каждый изъ насъ имѣлъ съ собой багажъ до полпуда вѣсомъ, и, хотя лагерь находится въ семи верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи, намъ не дали никакихъ перевозочныхъ средствъ, и, несмотря на холодный, рѣзкій вѣтеръ и снѣгъ, мы должны были пѣшкомъ пройти въ лагерь. Еще не доходя за версту до лагеря, мы почувствовали какой-то острый запахъ, и сопровождавшіе насъ конвойные объяснили, что въ лагерѣ свирѣпствуютъ эпидеміи, а потому какъ самый лагерь, такъ и почва вокругъ него подвергнута дезинфекціи. Глубокой ночью мы вступили въ этотъ лагерь. Конвойные сдали насъ дежурному по караулу, который назначилъ провожатаго солдата; послѣдній привелъ насъ въ какое-то темное помѣщеніе. Мы зажгли спичку и къ нашей радости увидали еще 7 русскихъ товарищей. Пошли вопросы и разсказы. Здѣсь мы узнали, что въ двухъ лагеряхъ,—1 и 2, свирѣпствуетъ сыпной тифъ, а въ лагерѣ — 3 заканчивается эпидемія холеры, но появляется сыпнякъ. Шнейдемюле заключалъ въ себѣ три лагеря. Всѣхъ русскихъ врачей тамъ было 14 человѣкъ; мы были размѣщены въ двухъ небольшихъ комнатахъ, сырыхъ, сколоченныхъ изъ досокъ, между которыми были большія щели. Онѣ служили такъ называемыми головными комнатами бараковъ, въ которыхъ лежали наши солдаты, больные сыпнымъ тифомъ. Утромъ намъ приказали перейти въ лагерь № 3. Мы увидѣли тамъ нѣсколько тысячъ блѣдныхъ, измученныхъ людей, вся одежда которыхъ состояла изъ рваной рубашки и такихъ же шароваръ. Часть изъ нихъ была въ деревянныхъ колодкахъ, другая часть въ совершенно изорванныхъ нѣмецкихъ сапогахъ. Очень многіе не имѣли шинелей и замѣняли ихъ одѣялами, которыми подвязывались вокругъ шеи и оно свисало у нихъ сзади въ видѣ какого-то страннаго плаща. Всѣ нѣмецкіе солдаты, кромѣ ружей за плечами имѣли еще въ рукахъ длинныя бамбуковыя палки. Если нѣмецъ проходилъ черезъ толпу нашихъ плѣнныхъ, то сыпалъ направо и

налѣво удары своей бабмуковой палкой. Насъ помѣстили въ комнату, гдѣ, какъ мы узнали, накануне лежали больные холерой. Непосредственно къ этой комнатѣ примыкалъ баракъ, въ которомъ находились солдаты. При входѣ въ самый лагерь насъ встрѣтилъ нѣмецкій фельдфебель Бледъ, въ рукахъ у него былъ длинный хлыстъ. Взмахивая хлыстомъ, онъ вызывающимъ тономъ заявилъ намъ, что по приказанію комендантуры мы будемъ пользоваться солдатскимъ довольствіемъ, такъ какъ гдѣ-то отказались подчиниться нѣмецкимъ властямъ, и это должно было послужить намъ наказаніемъ. Въ этотъ же день насъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ комендантъ полковникъ Гейнрисъ, въ сопровожденіи лагернаго фельдфебеля и нѣмецкаго врача Куно. Держа въ одной рукѣ револьверъ, а въ другой нагайку, комендантъ, со свирѣпымъ видомъ и почти крича, объявилъ намъ, что мы присланы въ этотъ лагерь для наказанія, а потому онъ насъ опредѣляетъ на содержаніе нижняго чина и въ нашу комнату помѣщаетъ трехъ фельдфебелей, что мы не имѣемъ права пользоваться кроватями, не имѣемъ права дѣлать покупокъ въ городѣ, будемъ пользоваться свѣтомъ наравнѣ съ нижними чинами и въ то же время мы должны будемъ нести свои врачебныя обязанности, и если мы будемъ ихъ хорошо исполнять, то наказаніе можетъ быть снято. Послѣ ухода коменданта къ намъ явился молодой нѣмецкій врачъ тоже съ нагайкой. Вообще, нужно замѣтить, что я не видѣлъ въ лагерѣ ни одного нѣмца, у котораго не было бы въ рукахъ палки или нагайки, и прежде всего этотъ врачъ набросился на моего товарища за небрежное отданіе чести. Лагерь № 3, въ которомъ намъ суждено было работать, представлялъ изъ себя большое пространство сыпучихъ песковъ, окруженное тройной колючей изгородью. Въ лагерѣ находилось до 12.000 плѣнныхъ, размѣщавшихся въ баракахъ и землянкахъ. Отношеніе землянокъ къ баракамъ было таково, что на 6 бараковъ приходилось 18 землянокъ. Баракъ представлялъ изъ себя сарай, сколоченный изъ тонкихъ шелёвокъ и раздѣленный на 3—4 отдѣленія; въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій стояла печь, но она являлась больше декораціей, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ это были испорченныя дымящія желѣзныя печи, которыми пользоваться нельзя было. Землянки— были просто большія четырехугольныя ямы, стѣнки которыхъ были обставлены досками, и прямо на землю же былъ положенъ досчатый полъ. Посреди этой ямы ставился рядъ столбовъ, которые выдѣлялись надъ уровнемъ земли не больше, какъ аршина на полтора, и служили подставкой для крыши, покатой въ обѣ

стороны. Дневной свѣтъ проникалъ въ такую могилу только черезъ маленькое отверстіе въ двери или потолкѣ. Отопленія здѣсь никакого не было; наръ, тюфяковъ или какихъ-нибудь другихъ приспособленій для спанья не было. Было выдано небольшое количество соломы, которая быстро истерлась, но новой не выдавали. Во время дождя эти могилы заливались водой и грязью, которую плѣнные вычерпывали своими обѣденными мисками. Въ баракахъ каждый плѣнный получалъ соломенную подушку, такой же тюфякъ и одѣяло. Для жившихъ же въ землянкахъ выдавалось два одѣяла. Грязь всюду царствовала невѣроятная, паразиты заѣдали людей на смерть, больные валялись по всѣмъ баракамъ и землянкамъ. Это была буквально раздѣтая, голодная, истощенная истязаніями толпа. Вотъ какое впечатлѣніе производили плѣнные при первомъ взглядѣ на нихъ. На нашихъ глазахъ нѣмецкій врачъ стрѣлялъ изъ револьвера въ баракъ черезъ открытое окно въ плѣнныхъ, которые не могли по болѣзни выйти изъ барака на такъ называемую «прогулку». Сплошь и рядомъ избитаго въ кровь солдата нѣмцы тащили въ спеціальный застѣнокъ, который у насъ слылъ подъ названіемъ «сада пытокъ». Такія пытки всегда приноравливались къ утреннему часу, когда собирались всѣ нѣмецкія власти, отъ нихъ не отставали и нѣмецкіе врачи. Обыкновенно утромъ у караульнаго помѣщенія собирали «провинившихся», ихъ клали на бочку и съ двухъ сторонъ на нихъ сыпались удары бамбуковыми палками; проходившіе мимо офицеры и врачи не могли себѣ отказать въ удовольствіи стегнуть несчастнаго истязуемаго имѣвшейся всегда у нихъ въ рукѣ плетью. Подобныя картины въ лагерѣ можно было наблюдать ежедневно. Когда вспыхнула эпидемія, то сообщеніе между третьимъ и вторымъ лагерями было запрещено, и потому подходить къ колючей проволокѣ, раздѣлявшей эти два лагеря, было строго запрещено, и, если кто подходилъ, то часовые, стоявшіе у конца этого проволочнаго забора, не говоря ни слова, стрѣляли по подходившимъ. Невѣроятныя истязанія, голодъ и тоска по родинѣ заставляли плѣнныхъ бѣжать изъ лагеря. За бѣглецами устраивались цѣлыя охоты съ собаками, устраивались засады, и если имъ удавалось поймать бѣглеца, то съ нимъ расправлялись безпощадно. Я знаю слѣдующій случай. Два унтеръ-офицера сговорились бѣжать; для этой цѣли они попросились на лагерныя работы, но такъ какъ въ лагерѣ была цѣлая система шпіонажа, то о побѣгѣ, очевидно, стало извѣстно въ комендатурѣ, и вотъ была устроена засада изъ нѣмецкихъ солдатъ, и когда наши унтеръ-офицеры бѣжали, то

навстрѣчу имъ вышли шесть вооруженныхъ ружьями нѣмцевъ и несмотря на то, что бѣглецы остановились и подняли руки, нѣмцы убили ихъ. Одинъ изъ убитыхъ былъ пулеметчикъ 51 Сибирскаго стрѣлковаго полка, старшій унтеръ-офицеръ Бѣлый. Питаніе въ лагерѣ было настолько плохо, что въ мартѣ мѣсяцѣ люди, изнуренные болѣзнями, бродили, какъ тѣни съ опухшими ногами, глубоко запавшими глазами; была масса туберкулезныхъ, и не менѣе 5—6 мертвецовъ ежедневно выносилось изъ нашего лагеря. Но несмотря на все это, этихъ истощенныхъ людей послѣ выдержки въ карантинѣ опредѣленнаго времени высылали на полевыя работы, гдѣ царствовалъ тотъ же ужасъ, что и въ лагерѣ. Они всегда жили подъ страхомъ быть избитыми кнутомъ, палкой, и намъ точно извѣстно, что сплошь и рядомъ, за неимѣніемъ лошадей, нѣмцы впрягали ихъ въ плугъ и на плѣнныхъ пахали землю».

Жура, Иванъ, Люблинской губ., Томашевскаго у., дер. Зеленная-Тарноватка, 223 пѣх. полка.

«Въ плѣнъ попалъ 21 января 1915 г. подлѣ Іоганесбурга. Трое сутокъ ничего не давали ѣсть и гнали куда-то на западъ. Наконецъ привели въ какое-то польское мѣстечко, гдѣ посадили насъ въ тюрьму въ очень маленькія комнатки по 2 человѣка. Въ комнатѣ были нары и параша. Комнатка была настолько маленькая, что едва можно было повернуться. Здѣсь дали намъ одинъ буханокъ хлѣба вѣсомъ около 3 фунтовъ и сказали, что это на 5 дней. Отсюда насъ погнали дальше и въ пути, если кто-нибудь отставалъ, били прикладами. Когда насъ проводили черезъ какой-то нѣмецкій городокъ, то жители бросали въ насъ чѣмъ попало, подходили къ колоннѣ нашей и плевали въ насъ. Они кричали: «Ферфлюхте керль», «Ферфлюхте канальи», «Руссъ капутъ». Конвой смѣялся. Сапоги, шинели, кушаки и часы ограбили. 30 января насъ привели въ Растербургъ, гдѣ мы жили до августа мѣсяца. Въ казармѣ насъ помѣстили 340 человѣкъ. Помѣщеніе было шаговъ 30 длины и 15 ширины. Намъ дали немного соломы, которую не смѣняли три мѣсяца. Спали мы прямо на полу и тѣснота была такая, что лежали другъ на другѣ. Никакой бани не было и только въ половинѣ апрѣля сдѣлали котлы, гдѣ мы могли мыть бѣлье. Вошь заѣдала насъ, больные лежали съ нами. Одежды не давали. Все порвалось, люди ходили съ голыми плечами, ноги заворачивали тряпками. На работу гнали всѣхъ, не идущихъ больныхъ безъ наружныхъ болѣзней избивали, считая притворщиками. Платить стали намъ съ 15 мая 1915 года по 30 пф. въ день, но платили очень неисправно

и часто недоплачивали. Нѣмецкій фельдфебель и всѣ конвойные кромѣ ружья имѣли палки, а у нѣкоторыхъ были плетки. Они били насъ по чемъ зря. Доктора до апрѣля мѣсяца никакого не было, а въ апрѣлѣ сталъ пріѣзжать одинъ разъ въ недѣлю нѣмецкій врачъ. Я заболѣлъ тамъ нарывами по тѣлу и лежалъ больной больше двухъ недѣль, прежде чѣмъ меня отправили къ вамъ въ лазаретъ».

Жигровъ, Александръ Петровичъ, 42 Смоленской дружины, Смоленской губ., Духовщинскаго у., Тяполовской волости, дер. Новая Земля (жена Анна) показалъ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 19 апрѣля 1915 года въ Курляндіи. Изъ 42 и 37 дружинъ всего попало въ плѣнъ около 3 тысячъ человѣкъ. Насъ собрали въ колонну и куда-то погнали. Четверо сутокъ въ пути ѣсть не давали. Насъ пригнали въ мѣстечко Грузди и заперли въ костелѣ. Было настолько тѣсно, что стоять было почти невозможно, люди задыхались. На день костелъ отпирали и мы могли ходить по костельному двору. Жители поляки, латыши и евреи передавали все, что могли черезъ церковную ограду. Лично мнѣ еврейка дала одинъ фунтъ сахару и плакала. Денегъ ни за что не брали. Жители жаловались на нѣмцевъ, что они все грабятъ. На 5 сутки послѣ плѣна насъ повезли въ Тильзитъ. Въ вагонахъ заперли по 60 человѣкъ, ѣхали болѣе сутокъ, лежали одинъ на другомъ, оправлялись тутъ же. Оттуда насъ повезли въ Гаммерштейнъ, гдѣ мы жили въ землянкахъ. Кормили насъ неизвѣстно чѣмъ: какая-то бурда жидкая и гнилая брюква, изрѣдка давали селедки. Избивали немилосердно. 13 мая повезли къ Кенигсбергу, на постройку двухколейной ж. д., которую они прокладывали къ Ригѣ. Здѣсь было еще хуже, чѣмъ въ Гаммерштейнѣ,—конвой грабилъ, что хотѣлъ, все на насъ порвалось, вмѣсто штановъ обрывки какіе-то, плечи голые, ноги заворачивали во что попало. Починять не давали, нужно было записаться больнымъ, а то гоняли на работу почти голыми. Первые три недѣли, когда я работалъ подъ Кенигсбергомъ, тамъ былъ русскій врачъ, фамиліи его не помню. Онъ жилъ въ деревнѣ, кажется Морунгенъ и приходилъ постоянно къ намъ въ баракъ. Человѣкъ былъ хорошій, все время съ нами разговаривалъ, но помочь намъ не могъ, такъ какъ не имѣлъ никакой власти и лѣкарствъ никакихъ не было, онъ только тѣхъ, которые болѣли сильно, записывалъ къ отправкѣ въ лазаретъ, но нѣмецкій фельдфебель часто оставлялъ назначенныхъ имъ къ отправкѣ, считалъ ихъ притворщиками и избивалъ ихъ. Въ той деревнѣ, гдѣ жилъ

докторъ, были поляки, и онъ при помощи этихъ поляковъ бѣжалъ, но не знаю, удалось ли ему дойти до Россіи. Послѣ его побѣга мы остались безъ доктора. Я самъ заболѣлъ большимъ нарывомъ на колѣнѣ и желваками въ пахахъ, ходить совсѣмъ не могъ, и меня отослали къ вамъ въ лазаретъ.

Мой землякъ изъ деревни Лѣсично, съ которымъ я встрѣтился на работахъ подъ Кенигсбергомъ, разсказалъ мнѣ, что въ январѣ мѣсяцѣ 1915 года онъ попалъ въ лагерь Тухель. Всѣхъ плѣнныхъ тамъ было около 10 тысячъ. Никакихъ построекъ тамъ не было, а было большое мѣсто, огороженное колючей проволокой въ три ряда и высотою аршина въ три. Имъ приказали рыть для себя ямы, но лопатъ не дали. Ямы рыли руками, у кого не отобрали котелокъ—котелками. Дали по 2 одѣяла, и они жили въ этихъ ямахъ. Соломы никакой не было. Почти что совсѣмъ не кормили. Люди ложились въ вырытыя ямы по 2—3 человѣка и согрѣвали другъ друга. Если шелъ дождь или снѣгъ, то лежали въ водѣ, а когда утромъ подмораживало, то одѣяло бралось льдомъ. Были часто случаи, когда просыпался кто-нибудь, а землякъ его уже былъ мертвый. Умирало тамъ очень много земляковъ. Утромъ какъ встанешь изъ ямы, то повсюду кричатъ: «Братцы, дайте кусочекъ хлѣба, умираю».

Пономаревъ, Кузьма, городъ Кузнецкъ, Томской губ., Закордонная улица. Попалъ въ плѣнъ 23 февраля 1915 года подъ Праснышемъ—показалъ слѣдующее:

«Погнали къ Кенигсбергу. Четверо сутокъ ѣсть не давали ничего, вещи всѣ ограбили. По пути товарищи бѣжали, тогда кололи невиновныхъ, изъ какой партіи бѣжалъ. Въ Кенигсбергѣ гоняли грузить ледъ на заводъ. Когда мы проходили по городу и во время работъ, собирались жители и дѣти, кидали въ насъ снѣгомъ, камнями, льдомъ, что-то кричали и грозили кулаками. Конвой смѣялся. На ночь насъ загоняли въ конюшню, въ которой было полно навоза, всѣхъ насъ было около 700 человѣкъ. Лежали одинъ на другомъ. Среди насъ были легко раненые, но работать заставляли всѣхъ. На ночь насъ запирали на замокъ, такъ что оправлялись мы тамъ, гдѣ спали. Кормили насъ какимъ-то супикомъ, а вмѣсто хлѣба давали маленькіе пряники. Никакого доктора не было. Отсюда погнали насъ въ Гаммерштейнъ, ѣхали двое сутокъ, люди были какъ тѣни, такъ какъ работать въ Кенигсбергѣ заставляли съ утра до ночи и на работахъ безъ всякой причины страшно избивали. Когда насъ везли, то заперли въ товарные вагоны по 60 ч. и на дорогу дали по ½ фунта тѣхъ же самыхъ пряниковъ. Всю до-

рогу насъ никуда не выпускали оправиться. Въ дорогѣ, вѣроятно, нѣкоторые умерли, такъ какъ когда мы пріѣхали ночью въ лагерь, то я видѣлъ, что нѣмцы нѣкоторыхъ людей вытаскивали изъ вагона, и у нихъ руки и ноги болтались, какъ у мертвецовъ. Въ Гаммерштейнѣ трое сутокъ мы лежали въ ямахъ въ снѣгу, а затѣмъ насъ перевели въ бараки; здѣсь умирало очень много людей, особенно передъ Пасхой 1915 года. Кормили палкой: каждый нѣмецъ имѣлъ палку, и, когда мы выстраивались на обѣдъ, то каждый обязательно получалъ по удару. Для наказанія въ лагерѣ была особая загородка, гдѣ избивали спеціально и, какъ разсказываютъ въ лагерѣ, засѣкали на смерть. Послѣ семи часовъ вечера изъ барака никто не смѣлъ выходить. Если кто выходилъ изъ барака, то его раздѣвали и ставили съ поднятыми вверхъ руками на 2 часа. Говорили, что на работахъ въ окрестностяхъ Гаммерштейна живется лучше, а потому, чтобы спастись отъ истязаній, я черезъ полтора мѣсяца, какъ пріѣхалъ въ лагерь, выпросился на работу, но ошибся. Часовые тамъ тоже всѣ были съ палками и били безпощадно, но ихъ было на работахъ меньше, чѣмъ въ лагерѣ, а потому меньше попадало. Я попалъ подъ Эльбингъ на кирпичный заводъ, работа была непосильная, на вагонетку нагружали не меньше 550 штукъ кирпича. На поворотномъ кругѣ мнѣ придавило грудь вагонеткой, пошла горломъ кровь, и меня отправили къ вамъ въ лазаретъ».

Гершпихель, Иркутской губ., Балаганскаго у., станція Забитуй, пос. Ново-Блюменталь, нѣмецъ-колонистъ, переселился въ Сибирь. Недавно жилъ подъ Николаевскомъ. Разсказалъ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 11 августа 1915 года. Вмѣстѣ съ другими былъ привезенъ въ лагерь Гаммерштейнъ, никакого лагеря тамъ не застали, былъ отгороженъ колючей проволокой кусокъ поля, на которомъ плѣнные жили какъ кроты въ небольшихъ земляныхъ ямахъ по нѣсколько человѣкъ. Такъ мы прожили тамъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ; часто бывало проснешься, а товарищъ, съ которымъ въ ямѣ лежалъ,—мертвый. Умирало много, но сколько—не знаю. Декабрь былъ очень холодный, я упросился на работу. Меня послали въ городъ Эльбинъ, на котельный заводъ О-ва Комекъ. На заводѣ обижали сильно, кормили плохо, били всегда. Раньше я былъ совсѣмъ здоровымъ, а 15 мая 1916 года у меня появился кашель и я сталъ харкать кровью. Послѣ этого меня отправили къ вамъ въ лазаретъ».

Шабалюкъ Африканъ—Екатеринбургъ, Пермской губ. (жена Анна Степановна), служилъ въ 289 полку, въ плѣнъ попалъ 12 марта 1915 года. Показалъ слѣдующее:

«Три дня послѣ взятія въ плѣнъ намъ давали по $^1/_2$ фунта хлѣба на человѣка и больше ничего. Гнали до Вержболово, а отсюда до Эйдкунена. Здѣсь опять дали столько же хлѣба и чего-то необъяснимаго: вода не вода, кисель не кисель. Отсюда насъ повезли въ Гамерштейнъ, куда мы прибыли дъ концѣ марта. Тамъ насъ помѣстили въ ямахъ, которые они называли землянками, эта яма была шаговъ 25 длины и 10 ширины. Посреди ямы стояли столбы, на которыхъ лежала крыша изъ досокъ, покрытая толемъ и покатая въ обѣ стороны. На дно ямы были положены доски вмѣсто пола, стѣны были земляныя. Стоять, не согнувшись, можно было только посерединѣ, а то крыша не давала. Было такъ сыро, что на доскахъ отпечатывалась фигура лежавшаго. Наръ никакихъ не было, спали прямо на полу. Была желѣзная печка, но угля не давали. Мы ходили по лагерю и собирали щепочки, которыя валялись на землѣ, такъ какъ ямы эти были устроены еще недавно. Соломы не давали. Кормили 2 раза въ недѣлю брюквой и 2 раза варили какой-то супъ, въ которомъ была шелуха съ картошки, какая-то мука и много песку. Песку на миску приходилось до $^1/_4$ фунта, вѣроятно, съ картофельной шелухи, такъ какъ она была не мытая. Люди отъ голода едва ходили. Раскапывали мусорныя ямы и ѣли, что тамъ находили. Приходилось воровать. Работать въ лагерѣ было тяжело, такъ какъ въ это время начали строить бараки, люди же всѣ были истощены голодомъ. Насъ заставляли таскать бревна пудовъ 10 вѣсомъ, назначая на бревно по 2 человѣка. Если бросить бревно, избивали безпощадно. Меня поставили обшивать шелевкой баракъ и за то, что я закурилъ папиросу во время работы, и меня привязывали къ столбу семь сутокъ по 2 часа въ день. Привязанныхъ бывало такъ много, что столбовъ не хватало и тогда привязывали къ березамъ. Привязывали такимъ образомъ, что веревка проходила подъ грудью, подъ мышками и за ноги. Однихъ привязывали такъ, что они стояли ногами на землѣ, а другихъ на аршинъ отъ земли. Обыкновенно привязывали на 2 часа, но бывало нерѣдко, что люди висѣли и по 4 часа. Уже черезъ полчаса послѣ привязыванія человѣкъ распухалъ, и между веревками выступали желваки, все тѣло нѣмѣло, появлялась сперва страшная боль, и обыкновенно когда снимали тебя черезъ 2 часа, то уже былъ безъ чувствъ. На моихъ газахъ одинъ солдатъ хотѣлъ получить лишнюю миску супу.

Когда мы шли за обѣдомъ, то выстраивались въ длинную очередь, и пока получатъ послѣдніе свою порцію, то первые успѣвали ее уже съѣсть. Желая получить еще одну порцію, они старались незамѣтно стать въ хвостъ. Нѣмцы замѣтили, какъ одинъ товарищъ второй разъ подошелъ къ очереди, и стали бить его палками. Онъ бросился убѣгать черезъ колючую проволоку, которой отгорожены блоки въ лагерѣ, зацѣпился одеждой за проволоку и застрялъ тамъ. Подбѣжавшіе нѣмцы били его въ этой проволокѣ на моихъ глазахъ и глазахъ многихъ товарищей до тѣхъ поръ, пока тотъ пересталъ трепетаться. Мнѣ пришлось побывать и въ лагерѣ Гальсбергѣ, тамъ дѣлалось то же самое, что и въ Гамерштейнѣ; тамъ былъ одинъ лейтенантъ, который за плохое отданіе чести приказывалъ плѣннымъ падать передъ нимъ на землю и вставать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не выбивался изъ силъ. Я былъ приблизительно въ 16 мѣстахъ въ Германіи на работахъ. Всюду меня кормили плохо. Въ деревняхъ у нѣмцевъ всѣмъ завѣдуютъ полицейскіе, по ихнему жандармы. Они постоянно приходятъ и провѣряютъ запасы, какіе у кого ѣсть. Все переписано, даже каждая курица. Если жители утаятъ, то штрафуютъ отъ 3 тысячъ марокъ или садятъ въ тюрьму. Особенно плохо у нѣмцевъ съ хлѣбомъ, его почти нѣтъ. Врачебной помощи на такихъ работахъ нѣтъ никакой, а конвой не обращаетъ вниманія, если заболѣлъ. Я лежалъ семь сутокъ въ жару, товарищи говорятъ, что былъ въ безпамятствѣ, и только на восьмыя сутки меня отправили къ вамъ въ лазаретъ. Въ мирное время я работалъ на пріискахъ на Уралѣ, работалъ на Ленѣ, былъ въ Китаѣ, служилъ на пароходѣ добровольнаго флота, побывалъ въ Турціи, Египтѣ, Италіи, но нигдѣ не видѣлъ такого звѣрства, какъ у нѣмцевъ. У нихъ, напр., когда рѣжутъ скотину въ деревнѣ, то женщины и дѣти стоятъ и любуются. Женщины въ деревняхъ сильно пьянствуютъ и безпутничаютъ».

Досычевъ Филиппъ Васильевичъ, лейбъ-гвардіи егерскаго полка, городъ Харьковъ, 3-я улица, домъ Попова, № 8, показалъ слѣдующее:

«Попалъ въ плѣнъ 4—11, 1915 г. подъ Ломжей. Ограбили все. Погнали до мѣстечка Стависки, всю дорогу, т. е. трое сутокъ и пять сутокъ, пока мы жили въ мѣстечкѣ, намъ ничего не давали ѣсть. Жили подаяніями, тѣмъ, что добровольно приносили жители. Насъ было тамъ человѣкъ 200, и мы работали по очисткѣ мѣстечка. Тамъ мы пробыли десять сутокъ, а на 11-е насъ внезапно погнали

ночью куда-то дальше и пригнали въ мѣстечко Билау; всѣхъ насъ набралось къ этому времени около 400 человѣкъ. Здѣсь насъ тоже заставляли очищать городъ, работа была очень тяжелая, такъ какъ на фурманку на двѣ лошади наваливали полно навоза и впрягали насъ по шести человѣкъ, къ тому же избивали немилосердно. Работать приходилось въ однихъ гимнастеркахъ, такъ какъ шинели поотобрали, сапоги, у кого только они были крѣпкіе, у всѣхъ отобрали. Кто былъ боленъ, выгоняли на работу прикладами и кулаками. Мы жили въ домѣ безъ оконъ, съ нами прибыла партія тяжело раненыхъ, человѣкъ въ 60. Ихъ помѣстили въ отдѣльномъ домѣ тоже безъ оконъ, и никто къ нимъ туда не заходилъ, такъ что чтобы оправиться, они сами выползали, а тотъ, кто не могъ,—дѣлалъ подъ себя. Черезъ нѣсколько дней привезли еще 169 тяжело раненыхъ, которые были въ большинствѣ случаевъ изъ разбитыхъ 18—19 февраля частей лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Тогда нѣмцы среди насъ стали выкликать санитаровъ. Нашелся одинъ Виноградовъ, но объявили себя санитарами еще два еврея и я. Я видѣлъ въ этомъ мѣстечкѣ двухъ нѣмецкихъ врачей и 3—4 сестеръ. Я неоднократно упрашивалъ ихъ или самимъ притти на перевязки, или хоть дать немного матеріала. Матеріала они не давали, а за 12 дней пришли только раза четыре и перевязки дѣлали только два раза. Приходили они въ два часа дня, а въ четыре часа уже было темно, такъ какъ свѣта не было. Сдѣлаютъ по 3—4 перевязки, что-то поговорятъ между собой, посмѣются и уйдутъ. Такъ больные и не перевязывались, кругомъ воняло, какъ отъ труповъ, солома и полъ были въ гною и испражненіяхъ. За 6 сутокъ умерло 16 человѣкъ. Мы могли только обчищать больныхъ и то, если вымоешь водой, то вытереть нечѣмъ. У самихъ было только то, что на себѣ. Соломы смѣнить не могли, такъ какъ другой на замѣнъ не было. Въ мѣстечко въ концѣ февраля пришелъ какой-то новый баталіонъ, а старый ушелъ. Къ намъ зашелъ новый докторъ, посмотрѣлъ, но ничего не сказалъ, а дня черезъ два, которыхъ можно было транспортировать, отправили вмѣстѣ со мной и Виноградовымъ въ Гамерштейнъ. Кормили въ мѣстечкѣ раненыхъ солдатской нѣмецкой пищей. Въ Гамерштейнѣ мы застали семь русскихъ врачей и двухъ нѣмецкихъ сестеръ, которыя смотрѣли за экономіей, онѣ выгоняли изъ лазарета въ лагерь фельдшеровъ, если тѣ при перевязкахъ тратили много матеріала. Въ лѣкарствахъ былъ большой недостатокъ. За обѣдомъ всѣ должны были ходить, только безногіе могли оставаться въ лазаретахъ. У которыхъ была больна одна рука,

когда несли обѣдъ въ мискѣ, то разливали его, обжигались и часто оставались безъ обѣда. Лагерь дѣлился на земляночный и барачный. Лазаретъ былъ приписанъ къ земляночному лагерю, гдѣ на довольствіи состояло до 20 тысячъ плѣнныхъ. Всѣ становились въ очереди, ждали своей порціи часто по 2—3 часа. Ходить за обѣдомъ приходилось намъ не меньше, какъ за полторы версты. Пища была ужасная—по 1/2 ф. хлѣба, хлѣбъ очень плохой съ картошкой, часто сырой. На обѣдъ супъ съ пескомъ. Паекъ хлѣба въ лагерѣ ходилъ какъ деньги среди плѣнныхъ. Цѣна его колебалась между 35 коп. и 1 рублемъ. За четыре мѣсяца, которые я пробылъ въ этомъ лагерѣ, я не помню, чтобы я былъ когда-либо сытъ, вѣчно голодалъ, всѣ только и думали о томъ, чтобы гдѣ-нибудь достать поѣсть. Ночью снились всякіе сны, а если проснешься, то слышишь, какъ люди сквозь сонъ кругомъ говорятъ. Бывало до того страшно, что и не знаю, какъ не наложилъ на себя руки. Больные и здоровые не смотря на то, что мы слѣдили за ними, вырывали изъ мусорной ямы отбросы и ѣли ихъ ночью. За обѣдомъ безногіе калѣки едва тащились на костыляхъ, надѣясь своимъ видомъ разжалобить нѣмцевъ, и получить лишній черпакъ супу или картошку, если такая выдавалась. Почти всѣ болѣли животами, въ большинствѣ случаевъ поносами. Людей безжалостно избивали, часто безъ всякой вины. Я видѣлъ, какъ нѣмецъ прокололъ штыкомъ ногу солдату за то, что тотъ мылъ бѣлье не тамъ, гдѣ нужно. Отхожее мѣсто было отъ лазарета за полверсты. Плѣнный вечеромъ пріотворилъ дверь и хотѣлъ оправиться, стоявшій часовой замѣтилъ это и ударилъ штыкомъ въ щель, но не попалъ въ плѣннаго благодаря только тому, что тотъ во время отскочилъ. Тогда нѣмецъ ворвался въ баракъ и, такъ какъ тамъ было темно и онъ не видѣлъ, кто хотѣлъ оправиться, то онъ сталъ избивать всякаго попадавшагося ему подъ руки. Русскіе врачи помочь намъ ничѣмъ не могли, они не имѣли никакой власти, а санитары, нѣмецкіе унтеръ-офицеры смѣялись и говорили: «Мы имъ покажемъ какіе они врачи. Мы, что захотимъ, то и сдѣлаемъ съ вами». Они убавляли больнымъ порціи, не давали того, что приписывали доктора, не давали добавки, кого хотѣли, назначали на работу по лазарету. Я рѣшилъ бѣжать и потому попросился на работу, такъ какъ на работахъ меньше часовыхъ, и это легче можно сдѣлать. Въ январѣ я бѣжалъ и былъ пойманъ подъ Млавой, меня избили немилосердно, такъ что я потерялъ сознаніе, били, чѣмъ попало, топтали ногами. Послѣ побоевъ я заболѣлъ и меня привезли къ вамъ въ лазаретъ».

Симонъ, Николай Ивановичъ,—270 полка, Эстляндской губ., Гапсаль, трактиръ Паралепъ (жена Карина Симонъ) разсказалъ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ въ сентябрѣ 1914 года подъ Тильзитомъ. Пароходомъ повезли въ Данцигъ, обращеніе было звѣрское. Куда итти не командовали, хотя среди насъ были отлично говорившіе по нѣмецки, а били прикладами. Въ Данцигѣ насъ собралось до 3 тысячъ человѣкъ и насъ размѣстили на трехъ пароходахъ и заперли въ трюмахъ. Солома была, какъ навозъ. Выходить изъ трюма совершенно не позволяли. Въ первую ночь одинъ изъ насъ вышелъ, чтобы оправиться, его безъ предупрежденія сейчасъ же застрѣлили. Въ трюмѣ было почти невозможно дышать, оконъ не было, было темно. Былъ только одинъ люкъ, который на ночь закрывали. Такъ мы на пароходѣ прожили двѣ недѣли. Причемъ нѣсколько дней оправлялись на ту же солому, на которой спали, а затѣмъ только вырыли на берегу канавку. Побои прикладами считались за милость, обыкновенно же кололи штыками, если кто шелъ медленно. Кормили ужасно: супъ съ червями и того мало. Въ октябрѣ меня перевезли на работы въ Петтелькау. Работа состояла въ томъ, что нужно было отвести воду изъ рѣки въ каналъ, на которомъ были установлены машины, дававшія свѣтъ всей Восточной Пруссіи. Такимъ образомъ работать приходилось съ утра до ночи въ грязи и водѣ. Работали обыкновенно съ 6 час. утра до 6 час. вечера, но если шли дожди, и вода въ рѣкѣ поднималась, то, чтобы укрѣпить плотину, которую тамъ дѣлали, заставляли работать цѣлую ночь. Я умѣю хорошо говорить по-нѣмецки и слышалъ неоднократно, какъ нѣмцы между собой говорили, что фирма, которая взялась произвести эти работы, наживаетъ на насъ десятки милліоновъ, что, если бы не война и не мы плѣнные, то всю эту работу, которую заставили насъ сдѣлать въ одинъ годъ, нѣмцы окончили бы не раньше, какъ черезъ пять лѣтъ, и работа обошлась бы имъ самое меньшее въ десять разъ дороже, чѣмъ теперь. Къ намъ были приставлены нѣмецкіе рабочіе надсмотрщики, конвойные въ нашу работу не вмѣшивались, они только смотрѣли, чтобы мы не бѣжали. Довольствовать насъ должна была фирма, отъ фирмы же мы должны были получать одежду и леченіе. Баракъ, въ которомъ мы жили, былъ низкій, нары въ три ряда одинъ надъ другимъ, такъ что сидѣть на нарахъ было невозможно, стоять въ баракѣ можно было только посрединѣ. На весь баракъ было только одно окно, въ баракѣ помѣщалось по 200 человѣкъ. Кормили совершенно впроголодь, при работѣ нѣмецкіе рабочіе и надсмотрщики избивали

плѣнныхъ немилосердно. Цѣлый годъ, пока мы тамъ работали, мы были безъ писемъ. Люди были почти голые, безъ сапогъ, все было оборвано. Платить стали съ мая мѣсяца 1915 года очень неисправно, причемъ завели лавочку, въ которой по очень дорогой цѣнѣ можно было купить кое-что. Такимъ образомъ, тѣ деньги, которые они выплачивали намъ, опять попадали къ нѣмцамъ. Весною 1915 года на баракъ въ 200 человѣкъ роздали по 20 шинелей. Я всю зиму работалъ безъ шинели. Чтобы избавиться хоть на одинъ день отъ работы, плѣнные въ нѣкоторыхъ баракахъ вырыли подъ поломъ настолько большія ямы, что тамъ одновременно могло спрятаться до 10 человѣкъ. Землю они выносили въ карманахъ и подъ шапкой, и вотъ они устроили между собою очереди и умудрялись залѣзать въ ямы. Такъ какъ кругомъ была невылазная грязь, то конвойные не производили строгаго подсчета выходящихъ на работу, а обыкновенно выгоняли на работу всѣхъ и послѣ того, какъ всѣ изъ бараковъ выйдутъ, они, вмѣстѣ съ нѣмецкими рабочими, имѣя въ рукахъ палки, смотрѣли по нарамъ и подъ нарами, не спрятался ли кто, и первое время, когда не были еще готовы ямы, то спрятавшихся жестоко избивали. Мы уѣхали оттуда въ мартѣ мѣсяцѣ 1916 года, закончивъ работы. До ноября мѣсяца врачебной помощи не было никакой, а въ ноябрѣ пріѣхалъ докторъ Горбенко изъ лагеря Арисъ. Онъ сталъ требовать, чтобы на работы насъ не смѣли выгонять голыми, людей, у которыхъ не было сапогъ, записывалъ какъ больныхъ, и вообще всѣми силами старался заступиться за насъ. Понимая по-нѣмецки, я слышалъ, что нѣмцы между собою ругали его и говорили, что нужно написать какую-то на него жалобу. И дѣйствительно, его отъ насъ услали въ лагерь Пруссишъ-Голландъ въ концѣ января 1916 года. Послѣ окончанія работъ насъ почти всѣхъ, т. е. около полуторы тысячи человѣкъ, отправили въ лагерь, гдѣ я встрѣтилъ опять доктора Горбенко».

Священникъ крѣпости Ново-Георгіевскъ, отецъ Леонидъ, эвакуированный въ мартѣ—апрѣлѣ 1917 года въ Россію, какъ страдающій ракомъ желудка, сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Въ концѣ 1915 года и началѣ 1916 года онъ находился въ лагерѣ Арисъ, гдѣ состоялъ лагернымъ священникомъ, кромѣ того, онъ долженъ былъ подъ конвоемъ нѣмецкихъ унтеръ-офицеровъ объѣзжать ближайшія рабочія команды. При посѣщеніи рабочей команды въ Бойяхъ, гдѣ было болѣе полуторы тысячи нашихъ плѣнныхъ, послѣдніе разсказали ему, что въ концѣ 1914 года ихъ въ буквальномъ смыслѣ слова морили голодомъ и забивали на

смерть безъ всякой съ ихъ стороны вины и довели ихъ до такой степени, что многіе изъ нихъ не могли уже ходить. Когда туда пріѣхалъ какой-то нѣмецкій генералъ, то плѣнные бросились на колѣни передъ нимъ и просили его отдать приказаніе растрѣлять ихъ, а не морить ихъ мучительной медленной смертью, и только послѣ этого ихъ стали немного лучше кормить».

Докторъ (Фамилія и адресъ его не сообщаю, такъ какъ онъ остался въ пнѣну) бактеріологъ московской городской управы,— показалъ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 2 февраля 1915 года вмѣстѣ съ корпуснымъ врачемъ Булычевымъ—больнымъ старикомъ. Ограбили все. Булычева заставили идти пѣшкомъ, отнявъ у него его собственную повозочку. Такъ какъ итти онъ не могъ, то наши солдаты сжалились надъ нимъ и понесли его на шинели. По дорогѣ насъ задержала колонна идущихъ нѣмецкихъ солдатъ. Тамъ былъ какой-то, очевидно изъ старшихъ нѣмецкихъ врачей. Мы обратились къ нему съ жалобой, и онъ разрѣшилъ Булычеву продолжать дальнѣйшій путь въ повозочкѣ. Мы пришли въ какой-то городокъ, гдѣ насъ посадили въ сырую темную тюрьму, тамъ были только голыя нары. Мы застали тамъ доктора Гедройца и нѣсколькихъ офицеровъ. Нѣмцы насъ совершенно не кормили, и мы жили подаяніемъ жителей. Булычевъ и Гедройцъ были больны, и по ихъ настоятельнымъ требованіямъ они куда-то были уведены. Нѣмецкіе солдаты толпами заходили къ намъ въ камеру, грубо ощупывали насъ въ поискахъ что-либо ограбить, и, такъ какъ было темно, хватали насъ за ноги, задирали ихъ кверху и осматривали наши сапоги. У кого они были сносны, то тутъ же и стаскивали. Къ моему счастью меня на другой день отправили къ товарищамъ. Они жили на какой-то частной квартирѣ въ маленькой комнаткѣ. Я спалъ на полу. Изъ дому мы никуда не имѣли права выходить. Одинъ разъ кто-то изъ насъ хотѣлъ пройти въ ближайшую лавочку что-то купить, но сейчасъ же былъ остановленъ грубымъ окрикомъ перваго встрѣчнаго нѣмецкаго солдата, которые цѣлые дни и ночи шлялись толпами по городку. Мы кормились исключительно милостыней жителей: намъ очень много помогалъ ксендзъ и аптекарь-еврей. Они, какъ воры, пробирались тайкомъ къ намъ и приносили подъ полой всякую ѣду. Отъ денегъ они категорически отказались. Мы боялись быть отправленными вмѣстѣ съ нѣмецкими солдатами и выпросили разрѣшеніе, чтобы насъ отправили съ транспортомъ раненыхъ. Намъ дали на дорогу ломтикъ хлѣба и чашку кофе безъ сахара и взяли честное слово, что мы не будемъ бѣжать. 12 февраля мы при-

были въ Сувалки. Отступая двѣ недѣли тому назадъ изъ Сувалокъ, мы оставили тамъ около 300 тяжело раненыхъ въ еврейской больницѣ. Еврейки, добровольныя сестры, съ большой сердечностью ухаживавшія за ними, разсказывали намъ, что, когда городъ былъ занятъ нѣмцами, то пришелъ какой-то нѣмецкій докторъ и приказалъ всѣхъ больныхъ перетащить въ полуразрушенный, совершенно не приспособленный для помѣщенія раненыхъ, частный домъ. Нѣмцы совершенно не заботились о раненыхъ. Мы неоднократно обращались къ коменданту, но безрезультатно. Сжалился аптекарь-еврей и безплатно отпускалъ намъ перевязочный матеріалъ, изъ сохранившагося у него запаса. Раненые кормились исключительно только подаяніемъ жителей, причемъ чувствовался большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Полная безучастность нѣмцевъ къ положенію нашихъ раненыхъ доходила то того, чдо мертвецы лежали по трое-четверо сутокъ на крыльцѣ нашего импривизированнаго лазарета, такъ какъ, несмотря на наши записки къ коменданту, никто не приходилъ хоронить ихъ. Наконецъ пріѣхалъ нѣмецкій генералъ врачъ Музехольцъ, осмотрѣлъ нашъ «лазаретъ» и торжественно заявилъ, что обстановка, въ которой мы работаемъ, заставляетъ желать много лучшаго, и что онъ насъ переведетъ въ прекрасную казарму, но только тогда, когда все тамъ устроитъ. Занимался онъ этимъ устройствомъ цѣлыя двѣ недѣли, послѣ чего мы и перешли туда. Дѣйствительно, помѣщеніе, въ сравненіи съ тѣмъ, которое мы занимали раньше, было прекрасно, а устройство его, которымъ Музехольцъ занимался цѣлыя двѣ недѣли, заключалось въ томъ, что въ совершенно пустыхъ громадныхъ комнатахъ казармы на полу тонкимъ слоемъ была разбросана солома.

«Пищи и медикаментовъ нѣмцы совершенно не отпускали. Они заявили намъ, что содержать раненыхъ обязанъ городъ, но городъ удовлетворить насъ не могъ, такъ какъ былъ ограбленъ этими же нѣмцами. Жители относились къ раненымъ и намъ удивительно сердечно: они приносили въ мискахъ и горшкахъ все, что могли сварить, помогали ухаживать за ранеными, доставали перевязочный матеріалъ, мыли бинты и. т. п. Больные, благодаря ихъ заботамъ, кормились удовлетворительно. Было только маловато хлѣба. Нѣмецкіе врачи, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, отличались чрезвычайной грубостью и безсердечностью. Такъ, напримѣръ, при казармѣ была свободная комната, гдѣ обыкновенно помѣщался кто-либо изъ дежурныхъ врачей. Въ одну изъ ночей во время моего дежурства привезли много раненыхъ, мѣста всѣ были заняты и такъ какъ въ комнатѣ этой никого не было, то я

распорядился часть раненыхъ помѣстить туда. Случайно зашедшій въ это время нѣмецкій врачъ сталъ кричать на меня, какъ я смѣлъ положить въ комнату для дежурнаго нѣмецкаго врача раненыхъ. Онъ топалъ ногами, потрясалъ кулаками и кричалъ, что покажетъ мнѣ, что такое нѣмецкій плѣнъ. Среди насъ не было хирурга. Одному больному офицеру необходимо было ампутировать ногу, и мы для этой цѣли пригласили нѣмецкаго врача. Когда больной уже былъ положенъ на операціонный столъ, то нѣмецъ потребовалъ уплатить ему за операцію сто рублей. Денегъ въ данный моментъ не было, и онъ, не дѣлая операціи, ушелъ. Офицеры собрали между собою сто рублей и послали эти деньги къ нему на квартиру, но попросили его дать расписку, что тотъ и сдѣлалъ. Послѣ полученія денегъ онъ произвелъ операцію, а черезъ нѣсколько дней, очевидно, поговоривъ съ кѣмъ-то, пришелъ къ намъ, принесъ обратно деньги и потребовалъ свою расписку. Фамилію этого достойнаго врача я не помню, но она записана офицерами и будетъ привезена въ Россіи. Всѣхъ раненыхъ было болѣе тысячи, врачей же было очень мало. Первое время тамъ были Дьячковъ, дивизіонный врачъ 53 дивизіи, Голубъ—онъ же санитарный врачъ города по назначенію нѣмцевъ, Гедройцъ, старикъ Булычовъ и я, но работали изъ насъ въ лазаретѣ въ сущности только трое, такъ какъ Булычовъ былъ очень старъ, а Голубъ полъ дня былъ занятъ въ городѣ, поэтому справиться съ такой массой работы не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что низшій санитарный персоналъ отсутствовалъ, и намъ помогали добровольныя сестры изъ мѣстнаго населенія. Въ лазаретѣ было море гноя. Бинты перемывались по многу разъ руками, инструментовъ не было никакихъ, и мы могли ограничиваться только перевязкой. Среди раненыхъ было человѣкъ сорокъ офицеровъ, которые находились въ тѣхъ же условіяхъ, что и нижніе чины. Ходить никуда намъ не разрѣшали. Недѣли черезъ двѣ, послѣ того, какъ насъ перевели въ казарму, пріѣхали изъ Волковишки пять-шесть русскихъ врачей и три-четыре сестры, среди нихъ докторъ Бѣлоголововъ, и мы только тогда болѣе или менѣе свободно вздохнули. Жили мы въ пустой частной квартирѣ, кажется, мѣстнаго доктора Натансона. Къ намъ приставили караульнаго, который жилъ вмѣстѣ съ нами и сопровождалъ насъ каждый разъ въ лазаретъ и обратно. Но дней черезъ пять кому-то изъ нѣмцевъ приглянулась наша квартира и комендантъ выселилъ насъ, и намъ приказано было жить въ «Центральной гостинницѣ». Обѣдъ намъ приносили изъ кухмистерской. Мы съ перваго дня нашего плѣна и до отъѣзда нашего изъ Сувалокъ (15-го

марта) не мылись и не мѣняли бѣлья, ибо помыться было негдѣ, а бѣлье все было ограблено. 15-го марта четырехъ изъ насъ куда-то повезли. На одной изъ станцій ночью вошелъ къ намъ нашъ караульный и заявилъ намъ, что кому-то изъ насъ нужно здѣсь слѣзть, но кому, онъ не знаетъ. Мы сказали, что знаемъ объ этомъ еще меньше, чѣмъ онъ. Тогда онъ говоритъ: «Ну вылазьте всѣ?». Ѣхавшій съ нами Булычовъ запротестовалъ, тогда конвойный рѣшилъ, что пусть двое изъ насъ остаются, а двое поѣдутъ дальше. Мы не хотѣли разлучаться, и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ онъ рѣшилъ оставить насъ здѣсь троихъ, а Булычова повезъ дальше. Такимъ образомъ, я очутился въ Маркграбово. Насъ привели въ маленькому домику, какъ послѣ оказалось—школѣ, совершенно переполненному ранеными. Для насъ не было мѣста, и мы должны были помѣститься вмѣстѣ съ 10 ранеными офицерами въ маленькой комнаткѣ 5×8 аршинъ на полу, на соломѣ. Раненые были покрыты вшами, которыя съ ожесточеніемъ набросились на насъ. Раненые были безъ бѣлья, оборваны; кормили насъ наравнѣ съ другими, супомъ и давали 200 граммъ хлѣба въ день, но когда узнали, что намъ назначено жалованье въ 100 марокъ въ мѣсяцъ, то прибавили намъ банку какихъ-то консервовъ въ день и стали вычитать изъ жалованья за всю ѣду. Я прожилъ въ этой ужасающей обстановкѣ болѣе двухъ недѣль, пока не выяснилось, что попалъ туда «по ошибкѣ», такъ какъ долженъ былъ ѣхать въ лагерь Гаммерштейнъ, который являлся карантиннымъ пунктомъ для всѣхъ вновь прибывающихъ плѣнныхъ. Гаммерштейнъ—это громадный лагерь, заключавшій въ себѣ цѣлый рядъ меньшихъ лагерей, отдѣленныхъ заборами изъ колючей проволоки. При лагерѣ былъ большой лазаретъ, со спеціальнымъ дезинфекціоннымъ отдѣленіемъ, лабораторіей и изоляціонными бараками. Я работалъ въ лабораторіи. Назначеніе всей этой довольно сложной организаціи заключалось въ томъ, чтобы отобрать больныхъ инфекціонными болѣзнями, подозрительныхъ на какую-либо болѣзнь и здоровыхъ, дабы не проникла эпидемія въ другіе лагеря, хотя мы уже слышали о страшномъ сыпномъ тифѣ, который выкашивалъ въ нѣкоторыхъ лагеряхъ десятки тысячъ человѣческихъ жизней, и, очевидно, оборудованіе этого лагеря явилось послѣдствіемъ этихъ страшныхъ эпидемій, которыя, конечно, не могли ограничиться только лагерями, но, навѣрное, проникли и среди германскаго населенія. Отношеніе нѣмецкихъ врачей къ намъ въ лагерѣ Гаммерштейнѣ было надменное, презрительное. Они на каждомъ шагу давали намъ чувствовать, что они господа положенія. Комендантъ и его офицеры невѣроятно грубы; у насъ были вѣчныя

столкновенія съ ними. Такъ, напримѣръ, одинъ офицеръ, встрѣтившись съ нашимъ товарищемъ на узкой дорожкѣ возлѣ барака, вмѣсто того, чтобы посторониться, такъ чтобы обоимъ можно было пройти, кричалъ на него и требовалъ, чтобы онъ далъ ему дорогу, сойдя въ грязь. Какой-то мальчишка-офицеръ кричалъ на другого товарища, за якобы небрежное отданіе чести. Мы помѣщались въ комнатахъ надъ комендатурой, адъютантъ коменданта зашелъ неожиданно къ товарищу въ комнату и, конечно, не снимая фуражки, коротко заявилъ: «Вонъ». Тотъ спрашиваетъ почему, и куда. «Намъ нужна эта комната—переселяйтесь къ своимъ»,—былъ отвѣтъ. Всѣхъ примѣровъ грубаго глумленія надъ нами привести конечно, невозможно, такъ какъ это случалось ежедневно. Наши жалобы коменданту не приводили ни къ чему, а послѣ случая съ товарищемъ изъ-за «небрежнаго» отданія чести, комендантъ выстроилъ насъ, кричалъ на насъ и заявилъ, что мы обязаны отдавать честь нѣмецкимъ начальствующимъ лицамъ. Мы столовались на унтеръ-офицерской кухнѣ и, пока мы получали жалованье сто марокъ въ мѣсяцъ, съ насъ за обѣдъ удерживали 1 марку 25 пфен. Отъ ужина мы должны были отказаться, такъ какъ нечѣмъ было платить. Когда намъ прибавили жалованья и стали платить 335 марокъ, и то не всѣмъ, то за тотъ же обѣдъ стали удерживать 2 марки 50 пф. вообще эти вычеты изъ жалованья носили характеръ полнаго произвола. Точно такъ же способы уплачиванія жалованья доходили до смѣшного. Я не могу даже перечислить всѣхъ тѣхъ варіантовъ этой особой, очевидно, спеціально для плѣнныхъ русскихъ врачей, придуманной нѣмцами бухгалтеріи, конечный результатъ которой былъ всегда одинъ и тотъ же: мы аккуратно ежемѣсячно расписывались въ полученіи 335 мар. чуть ли не въ десяти какихъ-то вѣдомостяхъ, а въ результатѣ въ карманѣ у насъ было пусто. Мы не имѣли права никуда за проволоку уходить. Намъ было только разрѣшено черезъ нѣмецкаго солдата покупать кое-что въ городѣ, но намъ пришлось скоро отъ этого отказаться, такъ какъ счетовъ онъ никогда не приносилъ, а цѣны придумывалъ такія, которыя превосходили всякую фантазію. Только черезъ годъ намъ разрѣшили съ караульнымъ ходить два раза въ недѣлю въ городъ и на прогулку, но для этого мы должны были каждый разъ наканунѣ нашего выступленія за проволоку писать особую записку въ комендатуру. Возвращаться мы должны были не позже пяти часовъ вечера. Этимъ правомъ выходить за колючую изгородь мы пользовались полъ года, а затѣмъ намъ опять было запрещено ходить въ городъ. Въ лагерь изъ лазарета мы ходили свободно. Избіенія

въ лагерѣ были массовыя, немало было раненыхъ штыками, такъ, напримѣръ, послѣ обѣда плѣнныхъ гнали на работу въ два часа дня, но однажды нѣмцу почему-то вздумалось поднять ихъ въ 1 ч. 30 м. Зайдя въ баракъ онъ засталъ большую часть плѣнныхъ спящими и, не говоря ни слова, перекололъ штыкомъ 12 человѣкъ. Мы заявили объ этомъ шефу лазарета, но безрезультатно. Вообще шефъ занимался только тѣмъ, что урѣзывалъ всюду, гдѣ только могъ— въ пищѣ, медикаментахъ, бѣльѣ и персоналѣ. Всѣ часовые въ лагерѣ ходили съ палками и въ первый періодъ войны, когда они были опьянены побѣдами и были увѣрены, что сотрутъ своимъ могучимъ кулакомъ все съ лица земли, отношеніе къ плѣннымъ было гораздо хуже, чѣмъ къ животнымъ. Недалеко отъ лабораторіи, гдѣ я работалъ, былъ застѣнокъ, и тамъ цѣлые дни раздавались душу раздирающіе крики несчастныхъ истязуемыхъ. Вернулись времена, казалось, давно позабытые, времена средневѣковыхъ пытокъ. Даже пріѣхавшая сестра Самсонова застала подвѣшенныхъ къ столбамъ. Мы же ей сообщили объ одномъ плѣнномъ, который былъ найденъ въ арестантскомъ отдѣленіи повѣшеннымъ со связанными назадъ руками и пробитой головой. Повѣшеннаго вскрывали студентъ Гречаниновъ и врачи-нѣмцы Мессершмидтъ и Грюнбаумъ. Ни судебныя власти, ни спеціалистъ врачъ—судебный медикъ при вскрытіи не присутствовали, и дѣло было предано забвенію. Сестра Самсонова, когда мы ей разсказали объ этомъ случаѣ, очевидно, пріѣхавъ въ Берлинъ, опять возбудила это дѣло, но все-таки вопросъ, кто убилъ плѣннаго и издѣвался надъ его трупомъ, остался невыясненнымъ. Плѣнныхъ настолько плохо кормили, что они, имѣя тайное общеніе съ больными, находившимися въ лазаретѣ, покупали у холерныхъ за 10—15 пф. ихъ испражненія и выдавали ихъ за свои, чтобы только попасть въ холерный баракъ, такъ какъ тамъ кормили нѣсколько лучше, чѣмъ въ лагерѣ. Въ лагерь почему-то было свезено до 62 дѣтей, отчасти изъ занятыхъ областей, отчасти изъ такъ называемыхъ «добровольцевъ», бѣжавшихъ изъ дому на фронтъ и попавшихъ въ плѣнъ. Для нихъ мы устроили школу, гдѣ преподаваніе вели учителя изъ солдатъ и мы, врачи. Нѣмцы устранили насъ отъ завѣдыванія школой и приняли ее въ свое вѣдѣніе. Солдаты-учителя приходили и разсказывали, что фактически школа перестала существовать, такъ какъ нѣмцы никакихъ учебныхъ пособій для школы не даютъ, дѣти никого не слушаются и ничего не дѣлаютъ. Между прочимъ, когда еще школа была въ нашихъ рукахъ, то туда зашелъ адъютантъ коменданта, осмотрѣлъ школу и спросилъ: «А гдѣ же палка?»

Когда мы, удивленные, спросили, зачѣмъ палка, онъ намъ на это отвѣтилъ: «А какъ же вы безъ палки можете учить?» Всѣ дѣти были изолированы въ одномъ блокѣ. Они не имѣли бѣлья, одежды, ходили оборванные и спали на голыхъ нарахъ. Среди нихъ были порочные дѣти, дурно влiявшiе на другихъ. Смотрѣть за ними было приставлено нѣсколько нѣмецкихъ и русскихъ солдатъ. Все ихъ занятiе заключалось въ легкихъ полевыхъ работахъ. Среди дѣтей былъ мальчикъ Коля Гурскiй, лѣтъ 15, сынъ севастопольскаго моряка, его тоже гоняли на работу. Однажды конвойный нѣмецъ, карауливщiй дѣтей на работахъ по уборкѣ картофеля, сталъ избивать палкой какого-то мальчика. Нѣмецъ былъ полный инвалидъ. Коля вырвалъ у него палку и сломалъ ее. Проходившiй мимо адъютантъ генерала сбилъ Колю съ ногъ и уже лежачему съ ожесточенiемъ наносилъ удары, послѣ чего Колю пришлось отправить въ лазаретъ. Въ лазаретѣ Коля попросилъ у насъ занять ему 5 мар., что мы и сдѣлали. Объ этомъ было донесено нѣмцамъ, очевидно, совершенно въ искаженномъ видѣ, такъ какъ насъ вызвалъ комендантъ, сдѣлалъ строжайшiй выговоръ, будто мы поощряемъ преступленiе противъ дисциплины и помогаемъ русскимъ при побѣгахъ. Онъ грозилъ намъ, что, если что нибудь подобное еще разъ повторится, то онъ отдастъ насъ подъ судъ, а пока запрещаетъ всякое общенiе съ плѣнными. Я уже говорилъ вамъ, что мы жили во второмъ этажѣ того же дома, гдѣ помѣщалась и комендатура. Туда по цѣлымъ днямъ приводили нашихъ плѣнныхъ для всякихъ опросовъ и допросовъ, и если никого изъ нѣмцевъ не было, то они просили у насъ хлѣба и если у насъ былъ таковой, мы охотно давали. Это и было намъ поставлено въ вину, причемъ доносчиками было все изображено въ такомъ видѣ, будто мы помогаемъ бѣглецамъ. Вообще въ лагерѣ шпiонажъ и доносъ процвѣталъ, поощряемый нѣмцами всѣми мѣрами. Достаточно было, чтобы кто-либо донесъ въ комендатуру, оклеветавъ насъ, какъ сейчасъ же врача, на котораго былъ сдѣланъ доносъ, предавали суду, высылали изъ лагеря, а иногда и просто садили въ тюрьму. Такъ, напримѣръ, у насъ ставилась въ театрѣ одна изъ вещицъ Аверченко. Главную роль исполнялъ еврей, другiе евреи въ лагерѣ обидѣлись почему-то и грозили избить его. Артистъ обратился къ доктору Абрамсону, прося у него защиты. Тотъ вызвалъ грозившихъ и накричалъ на нихъ, тогда кто-то изъ нихъ донесъ на Амбрасона въ комендатуру. У него былъ произведенъ обыскъ, онъ отданъ былъ подъ судъ, но еще до суда его выслали изъ лагеря. Въ другой разъ доносчики наклеветали на доктора Францмана, будто бы онъ грозилъ имъ довести

до свѣдѣнія русскаго правительства объ ихъ дѣйствіяхъ. Францманъ былъ отданъ подъ судъ, но до суда тоже высланъ въ какой-то другой лагерь, такъ что и въ этомъ случаѣ мнѣ неизвѣстно, чѣмъ кончилось его судебное дѣло. Къ намъ въ лагерь былъ привезенъ врачъ изъ лагеря Поблацъ по фамиліи, кажется, Михей, его обвиняли въ томъ, что онъ хотѣлъ поднять бунтъ среди плѣнныхъ. На самомъ же дѣлѣ онъ открылъ кражи, производившiяся въ Поблацѣ на кухнѣ, въ которыхъ участвовали доносчики. Этотъ врачъ былъ тяжело боленъ туберкулезомъ, онъ лежалъ у насъ съ мѣсяцъ съ частыми повышеніями температуры до 40 градусовъ. Отъ насъ онъ былъ отправленъ въ Данцигъ, гдѣ и заключенъ былъ въ тюрьму. Я слышалъ, что въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ нѣсколько недѣль и только послѣ этого былъ допрошенъ слѣдователемъ, который въ виду явной абсурдности обвиненія отпустилъ его. Тѣ же доносчики у насъ въ лагерѣ клеветали и на нѣкоторыхъ другихъ моихъ товарищей. Послѣдніе подвергались немедленному обыску, отдавались подъ судъ, но обыкновенно до суда высылались изъ лагеря. До лѣта 1916 года нѣмцы, отправляя нашихъ плѣнныхъ на тѣ или другія работы, производили имъ передъ отправкой хоть какой-нибудь отмотръ и больныхъ оставляли въ лагерѣ, но съ середины лѣта 1916 года они стали отправлять массами, совершенно не считаясь съ трудоспособностью людей. Въ лагерѣ оставались только тѣ, кто или не могъ совсѣмъ ходить, или былъ явнымъ калѣкой. Такъ какъ мое здоровье подъ вліяніемъ всего видѣннаго и ежедневно переживаемаго окончательно пошатнулось, я послѣ освидѣтельствованія былъ отправленъ въ лагерь . . . . для обмѣна».

Докторъ Дьячковъ, Александръ Ефимовичъ, дивизіонный врачъ 53 пѣхотной дивизіи, сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Я былъ взятъ въ плѣнъ 8-го февраля 1915 года у мѣстечка Млынекъ близъ города Гродно, въ Августовскихъ лѣсахъ, при окруженіи германцами 20-го армейскаго корпуса. Какъ только насъ захватили, сейчасъ же отобрали оружіе и повели насъ на Августово. Когда мы проходили черезъ деревни, занятыя германскими солдатами, послѣдніе набрасывались на насъ и пытались грабить, снимая сумки, пальто и т. д. На наши крики являлись офицеры—начальники нашихъ карауловъ и останавливали грабежъ. При попыткахъ ограбленія они не стѣснялись рангомъ офицеровъ: такъ одинъ солдатъ пытался снять непромокаемое пальто съ генерала Беймельбурга. Первый переходъ былъ въ 30 верстъ; всѣ шли пѣшкомъ, только нѣкоторымъ генераламъ были предложены верхо-

выя лошади. Я лихорадилъ, не доходя одной-двухъ верстъ до дер. Красное, перваго мѣста ночлега, я отъ усталости и лихорадки упалъ и не могъ больше итти. Тогда отставшій со мной нѣмецкій солдатъ замахнулся на меня прикладомъ и закричалъ: «Живо, врачъ». Подбѣжавшіе двое нашихъ офицеровъ взяли меня подъ руки и довели до деревни. Здѣсь насъ помѣстили въ крестьянской хатѣ отдѣльно отъ нижнихъ чиновъ. Хозяева хаты (бѣлоруссы) очень хорошо относились къ намъ: они дали намъ поѣсть, дали возможность обсушиться и соломы для подстилки. На слѣдующій день 9 февраля, въ 6 час. утра, насъ повели тѣмъ же порядкомъ въ Августово, переходъ въ 25 верстъ. Въ верстахъ 4-хъ, не доходя Августова, насъ встрѣтили автомобили, которые забрали генераловъ и меня, и въ тотъ же день вечеромъ доставили въ Сувалки.

«Въ то время въ Сувалкахъ было уже много русскихъ раненыхъ и при нихъ работали русскіе врачи: Булычовъ, Гедройцъ и Алянчиковъ. 10-го февраля вечеромъ я присоединился къ нимъ. Раненые были просто свалены въ двухэтажномъ частномъ домѣ на Петроградской улицѣ, гдѣ и нашли ихъ упомянутые врачи дня за два—три до моего пріѣзда. Тяжело раненые лежали просто на полу, безъ всякой подстилки, почти вплотную одинъ къ другому, въ своей до нельзя грязной послѣ боевъ одеждѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова поѣдаемые вшами. Вся площадь пола обоихъ этажей дома и его пристроекъ на дворѣ была занята такими ранеными и ходить можно было только съ трудомъ переступая черезъ нихъ. Легко раненые, напримѣръ, въ руку, устраивались полусидя между тяжело ранеными, частью помѣщались въ наружныхъ холодныхъ корридорахъ, или же проводили время просто на улицѣ. Многіе съ тяжелыми переломами бедеръ не имѣли неподвижной повязки. Первичныя повязки были пропитаны гноемъ и почти у всѣхъ издавали страшное зловоніе. Врачебный и санитарный персоналъ нѣмецкій здѣсь совершенно отсутствовалъ. Домъ охранялся лишь часовыми съ винтовками, съ примкнутыми штыками, да изрѣдка показывался какой-нибудь нѣмецкій санитаръ изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ лазаретовъ. Изъ низшаго санитарнаго персонала всѣхъ этихъ раненыхъ обслуживалъ только одинъ русскій. Какихъ-либо приспособленій для отправленія естественныхъ надобностей не было, и тяжело раненые или отправляли ихъ подъ себя, или же съ помощью болѣе легко раненыхъ выползали во дворъ. Воздухъ въ помѣщеніяхъ былъ невозможный. Тяжело раненыхъ, требующихъ неотложной операціи, по распоряженію германскихъ врачебныхъ властей, перево-

дили для этого въ нѣмецкій лазаретъ, но дней черезъ 8—12 эти раненые были возвращены къ намъ съ тѣми же повязками. Ихъ тамъ даже не смотрѣли. Раненыхъ совершенно не кормили. Нѣмцы возложили питаніе русскихъ раненыхъ на мѣстный магистратъ, но такъ какъ въ городѣ всѣ продукты были реквизированы германскими властями, магистратъ не могъ выполнить этой задачи. Мѣстные жители, особенно поляки, сердечно относились къ нашимъ раненымъ: они изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣляли все, что могли, и въ черепкахъ и ведрахъ носили имъ пищу, но пищи было недостаточно, раненые сильно голодали и томились отъ жажды, такъ какъ не во что было взять запаса простой сырой воды. Нѣмцы совершенно не отпускали перевязочнаго матеріала, инструментовъ не было, нечѣмъ было помыть какъ слѣдуетъ рукъ передъ тѣмъ, какъ начать перевязывать раненыхъ. Нѣсколько еврейскихъ дѣвушекъ въ качествѣ добровольныхъ сестеръ и добровольная сестра милосердія—полька, мѣстная домовладѣлица, Елена Михайловна Крассовская помогали намъ, врачамъ, въ работѣ; послѣдняя особенно много сдѣлала и до конца являлась добрымъ геніемъ для нашихъ раненыхъ. Ею былъ оборудованъ комитетъ изъ мѣстныхъ жителей для помощи русскимъ раненымъ. Эти сестры приносили перевязочный матеріалъ. Отчасти матеріалъ пріобрѣтался изъ мѣстныхъ аптекъ на собственныя средства врачей. Намъ много помогъ въ этомъ отношеніи мѣстный владѣлецъ аптеки—провизоръ Завадскій, который отпускалъ перевязочный матеріалъ безплатно. Перевязывали мы прямо на полу, на мѣстѣ, гдѣ лежалъ раненый, такъ какъ столовъ для этого не было, да не куда было бы ихъ и поставить. Помѣщеніе вечеромъ и ночью совершеннно не освѣщалось, и если мы на свои средства не могли достать свѣчей, то перевязывали раненыхъ при свѣтѣ уличнаго фонаря, свѣтившаго черезъ окно.

«Посуды для пищи не было, и раненые ѣли кто изъ чего могъ: изъ различныхъ жестянокъ, банокъ, чайниковъ, различныхъ черепковъ и даже изъ бывшихъ въ употребленіи ночныхъ горшковъ.

«Всѣ наши просьбы, завленія и требованія объ улучшеніи участи нашихъ раненыхъ оставались безрезультатными. Нѣмецкія власти просили неоднократно, чтобы мы имъ указали какія помѣщенія мы находимъ для раненыхъ наиболѣе подходящими, но когда такіе зданія указывались нами (ихъ было очень много), то нѣмцы занимали эти помѣщенія какими-либо своими учрежденіями. Раненые офицеры находились не въ лучшемъ положеніи, они были разбросаны по разнымъ домамъ, но къ нимъ насъ, врачей, допускали только съ особаго разрѣшенія германскихъ властей.

«Въ такомъ положенiи наши раненые находились въ продолженiе двухъ недѣль, число ихъ съ каждымъ днемъ прибывало, наконецъ, прiѣхали еще три русскихъ врача: доктора Голубъ, Юдинъ и Тартаковскiй. Къ этому времени число раненыхъ превысило тысячу человѣкъ, и они безъ всякаго призора разбрасывались по разнымъ домамъ города. Наконецъ, всѣ раненые нижнiе чины и офицеры были переведены въ артиллерiйскiя казармы, состоявшiя изъ нѣсколькихъ зданiй. Помѣщенiе сравнительно съ прежнимъ было лучше: оно было просторнѣе и свѣтлѣе, но также совершенно не было подготовлено для размѣщенiя раненыхъ. Дворъ былъ сплошь заваленъ навозомъ и человѣческими экскрементами, отхожихъ мѣстъ не было. Раненые, которые могли ходить, отправляли свои естественныя надобности на дворѣ, гдѣ не было для этого вырыто даже простыхъ ямъ. Для тяжело раненыхъ, которые могли съ помощью другихъ кое-какъ передвигаться, въ нижнемъ этажѣ было приспособлено нѣмцами отхожее мѣсто: была отгорожена досчатой перегородкой небольшая часть холоднаго корридора, гдѣ было поставлено три деревянныя кадки, а надъ ними устроены козлы. Такъ какъ рабочихъ рукъ для уборки не хватало, кадки переполнялись и сплошь и рядомъ полъ былъ залитъ цѣлыми озерами экскрементовъ. Тяжело раненые верхняго этажа, которые не могли совершенно выходить, выползали на площадку лѣстницы и тамъ отправляли свои естественныя надобности, такъ какъ подкладныхъ и переносныхъ суденъ не доставало, а до отхожаго мѣста добраться они не были въ состоянiи. Вся эта грязь приносилась на ногахъ въ помѣщенiе, гдѣ по-прежнему на полу въ своей одеждѣ и бѣльѣ, по прежнему, съѣдаемые насѣкомыми, лежали раненые, съ тою только разницею, что они имѣли здѣсь въ качествѣ подстилки немного мелкой соломы, да были расположены рядами, между которыми для прохода оставались небольшiе промежутки. Въ нѣкоторыхъ помѣщенiяхъ совершенно не было рамъ въ окнахъ, и раненые страдали отъ холода. Пищу попрежнему приносили мѣстные жители, нѣмецкiя же власти о питанiи раненыхъ совершенно не заботились. Только спустя приблизительно полтора мѣсяца послѣ перехода раненыхъ въ казармы, нѣмецкая администрацiя устроила здѣсь кухню. Ежедневно на нее доставлялось: одна или двѣ бычачьихъ головы, пуда полтора грудины и пудъ или полтора черной муки, перемѣшанной съ горохомъ. Изъ этого количества варился супъ на цѣлый день приблизительно на 1.250 человѣкъ. Тогда же стали давать хлѣбъ, не болѣе полуфунта на человѣка въ день. Раненые голодали.

«Благодаря заботамъ Е. М. Крассовской удавалось хотя самымъ тяжелымъ раненымъ кое-какъ мѣнять бѣлье. Она и еще нѣсколько дамъ мѣстнаго польскаго общества приносили бѣлье, грязное же лично забирали съ собой и отправляли его въ стирку. Онѣ собирали грязныя портянки, мыли ихъ и шили изъ нихъ бѣлье. Несмотря на то, что плѣнныхъ въ Сувалкахъ были тысячи, намъ только съ грѣхомъ пополамъ удалось выпросить у нѣмцевъ человѣкъ 20 или 30 нашихъ нижнихъ чиновъ въ качествѣ санитаровъ для ухода за ранеными и для уборки. Кромѣ того, мы нашли двухъ фельдшеровъ, Чичерина и Спирина, которые затѣмъ съ большимъ самоотверженіемъ все время служили нашими помощниками. Первый изъ нихъ былъ раненъ, и самъ еще нуждался въ перевязкахъ. Нѣмецкая администрація требовала, чтобы этотъ, какъ они называли, «русскій лазаретъ» обслуживался самими ранеными, здоровыхъ же плѣнныхъ они посылали на различныя свои работы. Лазаретъ имѣлъ примитивно оборудованныя перевязочныя и операціонную комнату. Эти комнаты не были даже побѣлены, и потолки ихъ были темны отъ грязи и копоти. Стѣны были покрыты оборванными грязными обоями, въ операціонной работалъ кто-либо изъ нѣмецкихъ хирурговъ, которые часто мѣнялись, со своими помощниками. Въ перевязочной работали только русскіе врачи. Какъ ни плоха была перевязочная, все-таки въ ней перевязывать было удобнѣе, чѣмъ въ старомъ помѣщеніи: перевязки производились на стоявшемъ посрединѣ комнаты громадномъ столѣ, на который можно было класть сразу четырехъ раненыхъ. Можно было хоть кое-какъ помыть руки и обмыть рану, удобнѣе было наложить неподвижныя повязки. Хотя насъ было 7 врачей, два фельдшера и 5—6 доброволицъ-сестеръ, мы не успѣвали справиться съ перевязками: раненыхъ было свыше 1.200 человѣкъ, большинство изъ нихъ были тяжело раненые, раны ихъ были сильно запущены, и каждая такая перевязка отнимала много времени. Время работы было ограничено нѣмецкой администраціей. Намъ разрѣшалось работать съ 9 час. утра до 9 час. вечера, съ перерывомъ для обѣда отъ 2 до 4 час. дня. На ночь оставлялся дежурный врачъ. Кромѣ того, утромъ и послѣ обѣда не менѣе двухъ врачей должны были, по распоряженію нѣмецкихъ властей, ходить для амбулаторнаго пріема, одинъ въ городской магистратъ для пріема мѣстнаго гражданскаго населенія, другой—для пріема русскихъ плѣнныхъ на сборномъ пунктѣ. Медицинскую помощь приходилось подавать гражданскому населенію и на квартирахъ въ городѣ. Вскорѣ послѣ перехода раненыхъ въ казармы (точно времени не помню) изъ Вержболова при-

было еще 4 врача, во главѣ съ докторомъ Бѣлоголововымъ, съ однимъ классным фельдшеромъ, съ двумя или тремя чиновниками и 8 сестрами милосердія. Послѣ цѣлаго ряда настойчивыхъ требованій удалось имъ отвоевать у нѣмцевъ сравнительно большой домъ, рядомъ съ тѣмъ дворомъ, гдѣ жили мы, 7 врачей, туда же удалось перетащить изъ казармы и раненыхъ офицеровъ. Для болѣе удобнаго обслуживанія раненыхъ нижнихъ чиновъ въ казармахъ мы разсортировали раненыхъ по тяжести раненія, и сами разбились на группы для обслуживанія по отдѣльнымъ зданіямъ и этажамъ и, вопреки протестамъ нѣмцевъ, каждая группа устроила себѣ свою перевязочную. Чтобы хоть сколько-нибудь сдѣлать чище помѣщеніе, мы собственными силами наскоро устроили всюду нары. Только теперь помѣщенія стали чище, врачебная помощь пошла болѣе правильно, уходъ за ранеными сталъ лучше, но раненые и больные попрежнему голодали, тюфяковъ, постельнаго и носильнаго бѣлья не было. Только во второй половинѣ марта впервые начали выдавать тюфячныя наволочки и носильное бѣлье, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Вслѣдствіе столь антисанитарныхъ условій и голоданія среди раненыхъ свирѣпствовалъ сепсисъ, и смертность среди нихъ была очень велика; почти ежедневно умирало 4—5 тяжело раненыхъ. Почти всѣ оперированные умирали, но на освобождающіяся мѣста ложились живые, изъ вновь поступающихъ раненыхъ, чтобы пойти вслѣдъ за своими предшественниками.

Около половины марта раненыхъ начали эвакуировать внутрь Германіи. Эвакуація производилась на поѣздахъ, партіями въ 200, 300 человѣкъ. Для сопровожденія ихъ назначались по два врача изъ числа работавшихъ въ Сувалкахъ. Эти врачи уже больше въ Сувалки не возвращались. Во все время пребыванія моего въ Сувалкахъ отношеніе нѣмецкихъ высшихъ и низшихъ чиновъ къ раненымъ, да и вообще къ русскимъ было грубо-презрительное, какъ высшей расы къ низшей. То и дѣло слышались крики: «Вшивыя русскія свиньи».

«Отношеніе къ врачамъ было такое же, даже со стороны нѣмецкихъ врачей, и чѣмъ они были моложе, тѣмъ относились они къ намъ грубѣе. Они кричали на насъ, что лазаретъ нашъ «латрина» (отхожее мѣсто), но не давали намъ ни средствъ, ни права для улучшенія положенія раненыхъ и лишь постоянно угрожали намъ наказаніями, мѣшая намъ самимъ улучшать положеніе раненыхъ. Одинъ молодой врачъ накричалъ на нашего товарища только за то, что онъ на время помѣстилъ въ дежурную комнату, за полнымъ отсутствіемъ мѣстъ, нѣсколькихъ раненыхъ солдатъ. Мнѣ говорили

товарищи и раненые офицеры, что одинъ изъ хирурговъ-нѣмцевъ, работавшій въ нашемъ «лазаретѣ», профессоръ, потребовалъ съ раненаго нашего офицера за операцію 100 руб.; такъ какъ у послѣдняго денегъ не оказалось, то требуемую сумму собрали для него товарищи между собою, и только послѣ этого этотъ профессоръ сдѣлалъ ему операцію, но затѣмъ черезъ нѣсколько дней онъ возвратилъ эти деньги и потребовалъ свою расписку, которую офицеры взяли съ него, когда платили ему деньги за операцію. Я самъ не присутствовалъ при этомъ, такъ какъ лежалъ въ это время больной дома. Одинъ нѣмецкій солдатъ, не говорившій все время по-русски ни слова, и приставленный къ намъ наблюдать за нами и сопровождать насъ въ лазареты и обратно, однажды, безъ всякаго съ моей стороны повода, обругалъ меня площадной бранью, къ нашему общему удивленію, на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ. Все время нашего пребыванія въ Сувалкахъ мы находились подъ надзоромъ часового съ винтовкой и штыкомъ, и когда мы жили въ гостиницѣ, то этотъ часовой сопровождалъ насъ каждый разъ въ отхожее мѣсто, находившееся тутъ же въ корридорѣ. Ежедневно въ точно опредѣленное время часовые водили насъ въ лазаретъ и обратно домой. При этомъ мы должны были итти сразу всѣ вмѣстѣ. Кормились мы изъ ближайшей кухмистерской за собственный счетъ, когда же мы перешли на частную квартиру, то обѣдъ намъ готовила жившая во дворѣ женщина-полька. Вообще, все мѣстное населеніе, особенно поляки, относились къ намъ очень хорошо.

«25-го марта 1915 года докторъ Голубъ, докторъ Гедройцъ, сестра милосердія Баранова, фельдшера Спиринъ, Чичеринъ и я, вмѣстѣ съ транспортомъ раненыхъ, были отправлены въ Гольдапъ.

«Когда мы пріѣхали въ Гольдапъ, тамъ было три «русскихъ лазарета»: такъ они назывались, потому что тамъ лежали исключительно русскіе раненые и больные. До насъ русскихъ врачей тамъ не было, и каждымъ лазаретомъ завѣдывалъ нѣмецкій врачъ. Сначала всѣхъ насъ помѣстили въ лазаретъ № 2, а черезъ нѣсколько недѣль нѣмецкіе врачи куда-то уѣхали, и намъ дали каждому по лазарету. Лазареты эти были расположены въ разныхъ мѣстахъ города. Мы должны были лечить только больныхъ, совершенно не вмѣшиваясь въ хозяйственную и административную власть лазарета, которой завѣдывали спеціально для этого поставленные нѣмецкіе унтеръ-офицера и санитары, которые всѣми мѣрами старались причинить намъ и больнымъ какія-либо непріятности. До 1-го іюня 1915 года во всѣхъ трехъ лазаретахъ раненые и больные лежали на полу, на тюфякахъ изъ тонкаго слоя соломы, безъ

постельнаго бѣлья и въ той же самой одеждѣ и бѣльѣ, въ которой они попали въ плѣнъ; вшей были милліарды. Нѣмцы пытались вывести ихъ обкуриваніемъ одежды и бѣлья какимъ-то составомъ, имѣющимъ запахъ сѣры, но, конечно, ничего изъ этого не выходило. Бань и ваннъ не было. Бѣлье, хотя и мылось самими нижними чинами, но вымывалось оно плохо, такъ какъ не было котла для выварки бѣлья и не было мыла. Ѣда состояла въ слѣдующемъ: въ 8 час. утра давалось кофе или какао; въ 12 час. дня обѣдъ, состоящій изъ одного супа, въ которомъ были малюсенькіе кусочки мяса, въ 4 час. дня опять кофе или какао и въ 6 час. вечера ужинъ изъ супа безъ мяса. Хлѣба на день отпускалось въ первое время 600 граммъ. Перевязочнаго матеріала отпускали достаточно. Въ общемъ, хотя условія содержанія раненыхъ и больныхъ оставляли желать очень многаго, но въ сравненіи съ Сувалками они были несоизмѣримо лучше. Раненые, конечно, голодали и здѣсь, такъ какъ пищи было мало, къ тому же она была малопитательна. Въ маѣ мѣсяцѣ появились случаи заболѣванія возвратнымъ тифомъ. Благодаря тѣсному размѣщенію раненыхъ и больныхъ и громадному количеству вшей, эпидемія быстро разнеслась по лагерю и перенеслась за предѣлы лагеря въ рабочія команды, обслуживавшія окрестности Гольдапа. При появленіи первыхъ же случаевъ тифа, я неоднократно доносилъ объ этомъ нѣмецкому врачу—шефу лазарета, заявляя, что появились заболѣванія, весьма подозрительныя на возвратный тифъ, и что необходимо немедленное изслѣдованіе крови больныхъ, но онъ относился къ этому индифферентно, подтрунивалъ надъ моими діагнозами, хотя я ему показывалъ самихъ больныхъ. Наконецъ, когда эпидемія приняла грозные размѣры, очевидно, захвативъ и мирное населеніе окрестностей Гольдапа, пріѣхалъ профессоръ Матесъ, изслѣдовалъ кровь и согласился съ моимъ діагнозомъ, но было уже поздно, такъ какъ эпидемія свирѣпствовала во всю. Только тогда нѣмцы начали принимать кое-какія мѣры; они стали давать кровати, постельное и носильное бѣлье, стали устраивать ванны и души. И только послѣ этого намъ было предоставлено устраивать лазареты и вводить въ нихъ тѣ или другіе порядки, но это право было уступлено намъ только потому, что нѣмецкій санитарный персоналъ старался какъ можно рѣже показываться въ лазаретахъ, боясь заразиться. И вотъ въ 3—4 дня грязная казарма кавалерійскаго полка, на полу которой были свалены наши раненые, и больные безъ разбора по родамъ болѣзни, была превращена нами въ настоящій лазаретъ, въ которомъ можно было работать при болѣе или менѣе сносныхъ условіяхъ. Больныхъ

возвратнымъ тифомъ мы изолировали въ палаткахъ-шатрахъ. Мы, конечно, не могли устранить главнаго недостатка—голода, такъ какъ продуктовъ отпускалось мало. Мы старались, гдѣ могли, черезъ вторыя и третьи руки покупать провизію на свой счетъ и подкармливать больныхъ. Отношеніе нѣмецкихъ врачей къ намъ и въ этомъ лагерѣ было или грубо-надменное, или надменно-снисходительное.

«Когда я работалъ въ лазаретѣ № 3 до появленія эпидеміи, мнѣ было приказано отобрать среди раненыхъ и больныхъ, инвалидовъ для отправки въ Россію. Таковыхъ мною было намѣчено 40 человѣкъ. Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ 9, когда было уже темно, пріѣхалъ адъютантъ директора лазаретовъ—молодой врачъ. Въ продолженіе четверти часа онъ со свѣчей обошелъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ и забраковалъ всѣхъ, намѣтивъ только пять человѣкъ которыхъ, между прочимъ, я представилъ какъ не могущихъ вынести транспортъ, они настолько были тяжело больны. Дѣйствительно, одинъ изъ нихъ умеръ черезъ день отъ піо-пневматоракса. Со мной этотъ врачъ не сказалъ ни слова, считая, очевидно, унизительнымъ для себя спрашивать мнѣніе или выслушивать какого-то плѣннаго. Къ намъ пріѣзжалъ нѣмецъ-хирургъ Летценъ, уже старый врачъ. Онъ былъ очень грубъ съ ранеными и настолько грязенъ, что распространилъ среди раненыхъ рожу, которая унесла въ могилу не мало жертвъ. На мои заявленія и требованія, что нельзя на общемъ перевязочномъ столѣ перевязывать рожистыхъ, онъ утверждалъ, что это не та рожа, которая заразительна. По счастью, онъ пробылъ въ Гольдапѣ не больше двухъ недѣль. Съ отъѣздомъ его прекратилась и эпидемія рожи. Плѣнные въ лагерѣ и на работахъ избивались безпощадно, безъ всякой съ ихъ стороны вины. Такъ, напримѣръ, былъ доставленъ избитый палками литвинъ за то, что онъ не понималъ нѣмецкаго языка и не зналъ, что отъ него требуютъ нѣмцы. Вся голова его и туловище было покрыто большими кровоподтеками.

«Въ лагерѣ Гольдапъ изъ лазарета насъ не пускали къ солдатамъ въ лагерь. Оттуда только приводили къ намъ на осмотръ больныхъ, а равно къ намъ поступали и больные съ различныхъ работъ. Между прочимъ, нашихъ плѣнныхъ нѣмцы употребляютъ для такихъ работъ, которыя являются опасными для жизни. Къ намъ, напримѣръ, была прислана партія солдатъ, человѣкъ въ 10—12, на обязанности которыхъ было зарывать издохшихъ отъ сапа лошадей. Они работали тамъ безъ всякихъ предосторожностей: ни перчатокъ, ни масокъ у нихъ не было, наоборотъ, на ногахъ у нихъ

были рваные опорки, всѣ руки ихъ были покрыты ссадинами. Въ другой разъ намъ было доставлено нѣсколько раненыхъ русскихъ нижнихъ чиновъ, которые до нашего прибытія лежали въ гор. Гольдапѣ въ резервномъ нѣмецкомъ лазаретѣ. Повязки ихъ имѣли ужасный видъ; онѣ были сплошь покрыты гноемъ и, очевидно, не мѣнялись цѣлыми недѣлями. Раны были очень запущены. Въ нашемъ лазаретѣ отъ раненыхъ и больныхъ требовалось, чтобы тѣ изъ нихъ, которые могли стоять на ногахъ, при входѣ въ лазаретъ какого-нибудь нѣмецкаго врача или вообще начальства, должны были вскакивать съ кровати и стоять у ножного конца послѣдней, вытянувшись въ струнку, хотя бы даже въ одной рубахѣ. Тѣ же, которые вставать не могли, должны были вытягиваться подъ одѣяломъ, держа руки по швамъ, а глазами смотрѣть «на начальство». Нѣмецкіе санитары обучали раненыхъ этому, и передъ пріѣздомъ начальства цѣлые дни продѣлывали репетиціи. 5-го сентября 1915 года, когда лазаретъ въ Гольдапѣ упразднили, я былъ отправленъ въ офицерскій лагерь Штральзундъ-Дэнгольмъ. Въ дорогѣ я ѣхалъ въ отдѣльномъ купэ подъ конвоемъ часового съ винтовкой и штыкомъ. На станціяхъ меня не пускали въ залъ, только на одной, во время пересадки, часовой завелъ меня въ III классъ, такъ какъ я хотѣлъ пообѣдать, но туда зашелъ какой-то унтеръ-офицеръ или фельдфебель-лейтенантъ и выгналъ меня оттуда. За всю дорогу была масса пересадокъ, во время которыхъ мнѣ обыкновенно приходилось или сидѣть въ грязныхъ комнатахъ, при караульномъ постѣ, вмѣстѣ съ нѣмецкими солдатами, или же стоять на перронѣ, гдѣ вокругъ меня тотчасъ же собиралась толпа народа, смотрѣвшая на меня, какъ на дикаго звѣря. Когда въ 1915 году насъ преслѣдовалъ цѣлый рядъ неудачъ: паденіе Варшавы, крѣпостей и занятіе всего царства Польскаго, въ Гольдапѣ каждый разъ устраивались патріотическія манифестаціи. Въ этихъ манифестаціяхъ участвовали сотни дѣтей школьнаго возраста подъ руководствомъ учителей. Эти дѣти во главѣ съ учителями ходили по городу съ флагами или фонариками. Они каждый разъ направлялись къ нашему лагерю, останавливались противъ лазарета № 1, подъ самымъ его проволочнымъ заборомъ, впередъ выступали учителя и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ подъ ихъ управленіемъ дѣти пѣли свои патріотическія побѣдныя пѣсни, кричали «ура» и затѣмъ уходили. Какъ разъ въ этомъ лазаретѣ лежали тяжело раненые, которые попали сюда, какъ жертвы своего долга передъ родиной.

«Офицерскій лагерь Штральзундъ славится своимъ необыкновенно грубымъ комендантомъ, майоромъ фонъ-Буссе, и тѣмъ тю-

ремнымъ режимомъ, который установленъ имъ. Такъ какъ вамъ хорошо извѣстна жизнь лагеря, то я укажу вамъ только нѣсколько примѣровъ изъ этой жизни, которые касаются того времени, когда васъ еще не было въ этомъ лагерѣ. Все время врачи содержались тамъ на томъ же положенiи, что и плѣнные офицеры. Когда въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1915 года прiѣзжала къ намъ въ лагерь русская сестра милосердiя Казембекъ, врачи, находившiеся тамъ, сдѣлали ей, между прочимъ, заявленiе, что прививки тифа, оспы и холеры производятся лагернымъ нѣмецкимъ врачемъ очень грязно, и просили ея содѣйствiя, чтобы эти прививки было имъ разрѣшено сдѣлать другъ другу. Послѣ ея отъѣзда, спустя нѣсколько дней, комендантъ лагеря вызвалъ на плацъ къ казармѣ № 6 всѣхъ русскихъ врачей, находившихся тогда въ лагерѣ (всего человѣкъ 50) и форменно накричалъ на нихъ, обвиняя ихъ въ оскорбленiи германскихъ врачей, причемъ на будущее время обѣщалъ предавать ихъ суду, но уже за оскорбленiе Германiи. Въ концѣ 1915 года опять собирали врачей, но уже по другому поводу. Ихъ убѣждали ѣхать на службу въ занятую нѣмцами Польшу, обѣщая, что такiе врачи будутъ тамъ пользоваться полной свободой. Врачи отказались. Тогда нѣкоторые изъ нихъ были посланы туда принудительно. Уже при васъ весной 1917 года по просьбѣ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ доктора Игнатьевъ, Кухтевичъ, Яблонскiй и я вычислили калорiйную питательность офицерскаго лагернаго стола, которая въ результатѣ при максимальныхъ цифрахъ дала всего—1138 калорiй въ сутки. На основанiи этого старшимъ по лагерю изъ плѣнныхъ офицеровъ, генераломъ Усачевымъ, старшимъ изъ англичанъ и старшимъ изъ румынъ было подано въ военное министерство черезъ коменданта лагеря соотвѣтствующее заявленiе. Комендантъ узнавъ, кто изъ врачей вычислялъ калорiи, вызвалъ насъ на утренней повѣркѣ, приказалъ арестовать насъ по отдѣльнымъ комнатамъ, такъ что мы были заперты въ нихъ, а снаружи у двери стояли часовые съ ружьями, и было произведено формальное дознанiе, какъ будто мы какiе-то преступники, совершившiе, по меньшей мѣрѣ, уголовное преступленiе. Арестованными мы пробыли нѣсколько часовъ. Получая, много времени спустя, на почтѣ посылку, я былъ возмущенъ тѣмъ варварскимъ способомъ вскрыванiя этой посылки, какой практикуется въ послѣднее время у нѣмцевъ. Объ этомъ, очевидно, было доложено коменданту, который на слѣдующiй день вызвалъ меня, сдѣлалъ мнѣ выговоръ и угрожалъ арестомъ. При этомъ онъ не забылъ мнѣ напомнить, что я участвовалъ въ комиссiи, вычислявшей калорiи».

Богатовъ Иванъ Кузьмичъ, Кексгольмскаго полка, Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, Михайловской волости, село Федоровка, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ я 1 марта 1915 г. подъ Праснышемъ. Насъ повели куда-то въ тылъ, причемъ на дорогу выдали одинъ буханокъ хлѣба на 2 дня на 4 человѣка, а затѣмъ по прошествіи этихъ двухъ дней дали на 3 дня на 5 человѣкъ еще по одному буханку. Шли мы нѣсколько дней и затѣмъ на одной изъ станцій, какой, я не помню, насъ посадили въ товарные вагоны по 60 челов., заперли и куда-то повезли. Ѣхали мы двое сутокъ, во всю дорогу насъ никто не отпиралъ и никто не заходилъ. Мы не имѣли даже воды, чтобы напиться. Естественныя надобности отправляли тамъ же въ вагонѣ. Въ вагонѣ было такъ душно, что мы почти задыхались. На третьи сутки насъ привезли въ лагерь Гамерштейнъ. Отъ насъ отобрали всѣ сапоги и дали деревянныя «клумбы». Кормили насъ слѣдующимъ образомъ; утромъ кофе безъ ничего, въ обѣдъ немного нечищенной картофели и какая-то похлебка. Мы видѣли, что на кухню привозили мясо, но въ похлебкѣ мяса мы никогда не находили. Ужинъ—вода съ мукой, но очень похожей на песокъ, она вся осѣдала на дно, и никто изъ насъ не зналъ, что это за мука. Кромѣ того на день выдавали полфунта хлѣба. Хлѣбъ мокрый и очень тяжелый, какъ камень. Въ немъ попадались цѣлые куски картошки. По воскресеньямъ давали только кофе и обѣдъ, ужина не полагалось. Намъ говорили, что воскресенье мы не работаемъ, а потому и не должны ѣсть такъ много, какъ въ будніе дни. Въ лагерѣ насъ немилосрдно избивали безъ всякой вины. Оттуда я попалъ на работы, гдѣ сразу же сильно заболѣлъ животомъ, и меня отправили къ вамъ въ лазаретъ».

Куницынъ, въ лагерѣ Пруссишъ-Голландъ, прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, описывая жизнь въ лагерѣ Брандербургъ, сообщаетъ, что въ ноябрѣ—декабрѣ 1915 года умирало по 35—40 челов. въ день и объясняетъ: «и это происходило благодаря воздушныхъ покоевъ и доброкачественной пищѣ, каковой хуже не можетъ быть».

Докторъ Корнаковскій, дивизіонный врачъ 6-й пѣх. дивизіи (гор. Ровно, Волынской губ., собственный домъ), разсказалъ мнѣ:

«Въ плѣнъ я попалъ осенью 1914 года. Я стоялъ въ линейкѣ Краснаго креста. Ко мнѣ подбѣжалъ нѣмецкій фельдфебель. Несмотря на мой Красный Крестъ и старость, онъ крикнулъ мнѣ:

«руссише швайнъ» и грубо сталъ срывать съ меня аммуницію. Нѣсколько верстъ до желѣзнодорожной станціи мы шли пѣшкомъ, а затѣмъ насъ, врачей, и нѣкоторыхъ офицеровъ помѣстили въ вагоны III класса, а остальныхъ офицеровъ помѣстили вмѣстѣ съ нижними чинами въ товарный вагонъ, причемъ они были тамъ заперты. Ихъ не выпускали оттуда и для отправленія своихъ естественныхъ надобностей; они пользовались сохранившимся кое у кого котелками и другой посудой. Насъ должны были везти въ лагерь Нейсе, но, очевидно, для показа насъ возили по различнымъ городамъ Восточной Германіи, прежде чѣмъ завезли въ этотъ лагерь. Въ Нейсѣ мы пробыли нѣсколько дней и внезапно были отправлены въ Крейфельдъ. Послѣ мы узнали, что внезапность нашей отправки была связана съ наступленіемъ русскихъ войскъ. Насъ опять повезли не прямымъ путемъ, а окольными, причемъ на станціяхъ, даже второстепенныхъ, они умышленно долго задерживали насъ и распространяли слухъ, что пріѣхала «свѣжая» партія плѣнныхъ, и приглашали жителей посмотрѣть на насъ. Народъ сходился къ вагонамъ и издѣвался надъ нами. Насъ ругали: «русская сволочь», «русскія свинья», грозили намъ кулаками. Они проводили рукой по своему горлу, желая, очевидно, показать, что насъ нужно рѣзать и что насъ, очевидно, ждетъ эта участь. Когда насъ привезли въ Крейфельдъ, то насъ окружила толпа солдатъ, несмотря на присутствіе конвоя, и потрясая кулаками передъ самымъ нашимъ лицомъ, ругала насъ, кто какъ умѣлъ. Мы, врачи, не пользовались тамъ никакой свободой. Только въ 3-хъ лагеряхъ изъ тѣхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось побывать во время плѣна, мнѣ разрѣшалось выходить за проволоку и то съ часовымъ, несмотря на мой преклонный возрастъ. Въ остальныхъ же лагеряхъ держали взаперти. Поэтому я за 2 года 8 мѣс. плѣна гулялъ внѣ проволоки не болѣе 10 разъ. Плѣнныхъ почти во всѣхъ лагеряхъ неистово избивали. Особымъ истязаніямъ подвергались казаки. Ихъ обыкновенно отбирали отдѣльно, гнали ихъ всегда въ хвостѣ колонны отдѣльной группой, снимали съ нихъ все, кромѣ рубахи, и, несмотря ни на какую погоду, ихъ гнали въ такомъ видѣ. Въ пути ихъ избивали нагайками, прикладами и штыками. За 2 года плѣна я, несмотря на свой преклонный возрастъ и на болѣзнь, былъ много разъ пересылаемъ изъ лагеря въ лагерь. Мнѣ пришлось побывать: въ Нейсѣ, Крейфельдѣ, Пардеборнѣ, Гутерсло, Брандербургѣ на Гавелѣ, Блянкенбургѣ и наконецъ, Штральзундѣ. Возили меня всегда III классомъ и съ громаднымъ количествомъ пересадокъ, которыя случались и днемъ,

и ночью. Такъ что я послѣ такихъ переѣздовъ пріѣзжалъ въ новый лагерь совершенно разбитымъ. Въ лагерѣ Нейсѣ намъ, врачамъ, совершенно не позволяли лечить, мы не располагали никакими лечебными средствами, а такъ какъ наши офицеры обращались къ намъ за помощью, то мы собрали среди нихъ 100 р. и на эти деньги купили въ городѣ въ аптекѣ различныхъ лекарствъ. Объ этомъ узналъ лагерный докторъ Вильке, забралъ всѣ наши лекарства и заперъ ихъ въ шкафъ. Въ Брандербургѣ мы были помѣщены въ одной комнатѣ съ деньщиками. Мы вмѣстѣ съ ними спали, вмѣстѣ обѣдали за однимъ столомъ. Комната, въ которой я жилъ, была вся въ щеляхъ и настолько сырая, что изъ щелей въ полу выросла рожь. Мой тюфякъ и подушка были набиты мелкими древесными опилками, которые невозможно было ни перебить, ни подослать удобно. Такъ что я спалъ $4^1/_2$ мѣсяца на какихъ-то буграхъ, причемъ холодъ былъ настолько силенъ, что я болѣе 2-хъ мѣсяцевъ долженъ былъ спать, не раздѣваясь,—я снималъ только сапоги. Вообще, со стороны не только нѣмцевъ, но и нѣмецкихъ врачей я за все время не видѣлъ, не говоря уже о тѣни товарищескихъ отношеній, даже простой корректности. Высшая мѣра любезности было обѣщаніе, никогда не исполнявшееся. Нѣмецкіе врачи отличались въ большинствѣ случаевъ невѣроятной грубостью. Упомянутый выше врачъ Вильке въ своей грубости не считался ни съ возрастомъ, ни съ рангомъ. Такъ, напр., во время прививокъ генер. Мартосъ, задумавшись о чемъ-то, немного отсталъ отъ очереди. Вильке грубо дернулъ его за рукавъ и закричалъ на него. Деньги изъ жалованья вычитались за все, за что только могли. Такъ, напр., въ комнатѣ, въ которой жило насъ 17 врачей, съ меня брали 20 марокъ въ мѣсяцъ яко бы за помѣщеніе. Но, несмотря на это, когда я пріѣхалъ въ лагерь Блянкендорфъ, то съ меня опять вычли за жилище, которымъ я пользовался во всѣхъ предыдущихъ лагеряхъ. Въ лагерѣ Брандербургъ, послѣ эпидеміи тифа, появилось колоссальное количество больныхъ съ отеками ногъ. Докторъ Выгановскій, хирургъ изъ Варшавы, разсказывалъ мнѣ, что у цѣлой массы плѣнныхъ русскихъ появились гангрены ногъ и ему приходилось ихъ ампутировать. На фабрикахъ калѣчили людей сотнями. Пострадавшихъ заставляли скрывать причины. Бѣглецовъ избивали немилосердно. Зимой нашихъ плѣнныхъ почти голыхъ, ослабѣвшихъ послѣ тифа, заставляли вывозить нечистоты по песчаной немощенной дорогѣ, приблизительно за 2—3 версты отъ лагеря, въ спеціальныхъ желѣзныхъ бочкахъ. Весной же, когда дорога была исправлена и вымощена, то эти же

нечистоты стали возить на лошадяхъ. Комната, въ которой я жилъ въ Брандербургѣ, кромѣ всѣхъ своихъ качествъ обладала еще удивительной дверью. Эта дверь не открывалась какъ всѣ двери, а висѣла, причемъ петли были сверху, такъ что когда вы выходили, то должны были руками и головой поднимать эту дверь вверхъ, а когда вы входили въ комнату, то закрываясь, дверь толкала васъ въ плечи и въ спину. Конечно, вы можете судить, настолько плотно прикрывалась эта дверь. Къ тому же она выходила прямо на дворъ. Въ Штральзундѣ, когда мы отказались ходить въ столовую по утрамъ пить кофе, если на дворѣ стояла ненастная погода, то фельдфебель изъ барака «А» на повѣркѣ отъ имени коменданта сказалъ: «мнѣ будетъ безразлично, ходятъ ли русскіе офицеры ѣсть или нѣтъ, но въ столовую ходить я заставлю». Въ Брандербургѣ свирѣпствовала эпидемія сыпного тифа. Вести какую-нибудь статистику было невозможно, такъ какъ, съ одной стороны, мы были заняты съ утра до поздней ночи, съ другой — нѣмцы строго слѣдили, чтобы мы ничего не писали и ничего не записывали. Если они узнавали о томъ, что мы ведемъ какія-либо записи, то записки эти немедленно отбирались. Поэтому мнѣ удалось только на клочкахъ бумажекъ отмѣчать число гробовъ, которые проносились по дорогѣ на кладбище передъ моимъ окномъ. Но я совершенно не могу сказать, помѣщался ли въ гробу одинъ покойникъ, или были случаи, когда изъ-за экономіи въ гробъ клали по 2—3 покойника. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя были собраны мною путемъ этой тайной записи пронесенныхъ мимо меня гробовъ.

Февраль:

Число мѣсяца.	Число гробовъ.	Число мѣсяца.	Число гробовъ,
5	8 гробовъ.	17	5 гробовъ.
6	9 »	18	6 »
7	6 »	19	5 »
8	11 »	20	5 »
9	5 »	21	3 »
10	9 »	22	7 »
11	13 »	23	4 »
12	8 »	24	4 »
13	7 »	25	5 »
14	5 »	26	4 »
15	8 »	27	7 »
16	3 »	28	4 »

Итого—151 гробъ.

Мартъ:

Число мѣсяца.	Число гробовъ.	Число мѣсяца.	Число гробовъ.
1	3 гроба	16	9 гробовъ.
2	1 »	17	11 »
3	8 »	18	9 »
4	9 »	19	7 »
5	4 »	20	14 »
6	8 »	21	8 »
7	2 »	22	6 »
8	3 »	23	8 »
9	3 »	24	4 »
10	5 »	25	9 »
11	5 »	26	7 »
12	5 »	27	8 »
13	6 »	28	5 »
14	7 »	29	5 »
15	7 »	30	3 »
		31	11 »

Итого 200 гробовъ.

Апрѣль.

Число мѣсяца.	Число гробовъ.	Число мѣсяца.	Число гробовъ.
1	9 гробовъ.	16	7 гробовъ.
2	7 »	17	7 »
3	7 »	18	4 »
4	4 »	19	9 »
5	9 »	20	9 »
6	11 »	21	12 »
7	9 »	22	5 »
8	7 »	23	3 »
9	10 »	24	0 »
10	2 »	25	7 »
11	3 »	26	4 »
12	2 »	27	9 »
13	9 »	28	0 »
14	8 »	29	4 »
15	2 »	30	7 »

Итого 186 гробовъ.

Май.

Число мѣсяца.	Число гробовъ.	Число мѣсяца.	Число гробовъ.
1	0 гробовъ.	16	0 гробовъ.
2	7 »	17	6 »
3	6 »	18	3 »
4	3 »	19	9 »
5	1 »	20	2 »
6	7 »	21	2 »
7	3 »	22	3 »
8	5 »	23	9 »
9	8 »	24	7 »
10	2 »	25	5 »
11	3 »	26	3 »
12	2 »	27	2 »
13	7 »	28	8 »
14	4 »	29	5 »
15	5 »	30	2 »
		31	4 »

Итого 133 гроба.

Іюнь.

Число мѣсяца.	Число гробовъ.	Число мѣсяца.	Число гробовъ.
1	0 гробовъ.	3	4 гробовъ.
2	0 »	4	1 »
		5	7 »

Итого 12 гробовъ.

А всего мимо моего окна за 121 день было пронесено гробовъ 682.

6 іюня уѣхалъ я, а потому продолжать свои записи не могъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ случайно я получилъ записочку черезъ солдата отъ фельдшера изъ лагеря Брандербурга, что всего съ начала эпидеміи и до ея окончанія умерло около 900 человѣкъ. У меня было много другихъ интересныхъ записей, но такъ какъ я при переѣздѣ изъ лагеря въ лагерь почти постоянно подвергался обыскамъ, то всѣ мои записки изъ боязни, что нѣмцы посадятъ меня въ тюрьму, что они продѣлывали со многими изъ врачей, у которыхъ находили какія-либо записки, не говорящія въ ихъ пользу, я всѣ свои записки уничтожилъ, и только эту, случайно сохранившуюся, я передаю вамъ для опубликованія ея въ Россіи, если вамъ суждено будетъ туда вернуться. Меня прислали сюда въ ла-

геръ Штральзундъ для обмѣна, котораго я жду уже нѣсколько мѣсяцевъ. Мѣстный комендантъ майоръ фонъ-Буссе отличается неимовѣрной грубостью, выдающейся даже среди нѣмцевъ. Такъ, напр., генер. Беймельбургъ получилъ какую-то открытку отъ жены; цензура усмотрѣла въ этой открыткѣ что-то непріятное для нѣмцевъ. Буссе вызвалъ Беймельбурга, кричалъ и ругалъ его. Кормили насъ въ этомъ офицерскомъ лагерѣ такъ, что если бы не посылки родныхъ, которые тратили почти все свое содержаніе на посылку намъ пищевыхъ продуктовъ, ибо до 50% ихъ гдѣ-то пропадало по пути, мы бы безусловно хронически голодали. Была среди насъ устроена комиссія, въ которую, между прочимъ, вошли докторъ Яблонскій и докторъ Кухтевичъ, и этой комиссіи было поручено съ возможной точностью установить, сколько мы получаемъ въ недѣлю провизіи и какому количеству калорій соотвѣтствуетъ эта пища. Насколько я помню цифру, въ сутки на человѣка по самому максимальному подсчету приходилось около 1.400 калорій. Тогда былъ составленъ актъ, подписанный старшимъ въ лагерѣ ген. Усачевымъ, причемъ къ этому акту присоединились находившіеся въ этомъ же лагерѣ англичане и румыны, и мы подали эту бумагу Буссе для препровожденія ея въ Берлинъ въ военное министерство,а копію съ нея, если не ошибаюсь, въ испанское посольство. Какъ только генер. Усачевъ принесъ эту бумагу коменданту, то врачи, участвовавшіе въ опредѣленіи калорій, немедленно были арестованы, разсажены по отдѣльнымъ комнатамъ подъ карауломъ нѣмецкихъ солдатъ съ винтовками, какъ преступники, и были подвергнуты допросу. Черезъ нѣсколько часовъ они были выпущены. По отношенію же англичанъ и румынъ никакихъ репрессій Буссе не предпринялъ. Русскихъ офицеровъ, не стѣсняясь, избивали. Такъ, напр., бѣжалъ одинъ полковникъ. Онъ былъ сейчасъ же пойманъ и на глазахъ у русскихъ офицеровъ, а также англичанъ былъ безпощадно избитъ нѣмецкими солдатами тутъ же въ лагерѣ. Избіеніе продолжалось еще въ караульномъ помѣщеніи, куда его увели для допроса. Два другихъ офицера съ цѣлью побѣга вышли черезъ ворота, они были задержаны и тоже избиты. Бараки, въ которыхъ помѣщались русскіе офицеры и врачи, были до невѣроятія грязны, съ нскрашенными полами, вымыть которыя было невозможно. Въ баракахъ было очень холодно. Угля не давали иногда по нѣсколько дней, такъ что нерѣдко было, что вода въ плевательницѣ, стоявшей на полу, утромъ замерзала. Врачи въ этомъ лагерѣ держались на положеніи плѣннаго офицера. Мы должны были вставать въ 8 часовъ, здоровые должны были ходить

въ конюшню, которая была приспособлена подъ нашу столовую, и тамъ пили какую-то бурду, называемую кофе. Въ 9 час. утра, несмотря ни на какую погоду, всѣ здоровые врачи должны были выстраиваться на маленькомъ плацу передъ баракомъ для повѣрки, причемъ нѣмецкій фельдфебель считалъ насъ. Въ 1 часъ дня былъ обѣдъ, если можно было только назвать обѣдомъ какую-то жижу, въ которой была совершенно неопредѣленная крупа, похожая не то на манную, не то на тертый каштанъ, безъ всякаго признака жира, и на второе никогда несмѣняемая сплошь и рядомъ гнилая, вареная кормовая брюква. Къ этой брюквѣ иногда добавлялось минимальное количество картофеля, микроскопическіе кусочки какихъ-то органовъ отъ какихъ-то животныхъ, иногда котлеты изъ чего-то, которое по наружному виду напоминало мясо, но котлеты эти имѣли резистенцію резины. Затѣмъ намъ давали еще колбасу, которая можетъ служить гордостью офицерскаго лагеря въ Штральзундѣ. Она называлась колбасой, очевидно, только потому, что была въ кишкѣ, но содержимое этой кишки было трава съ гвоздикой. Нѣкоторые изъ врачей размѣшивали эту колбасу въ водѣ, и тогда ясно было, что кромѣ травы и очевидно мелко сѣченной соломы въ этой колбасѣ абсолютно ничего не было. Нѣкоторые изъ насъ, не теряя надежды на скорый обмѣнъ, хранили эту колбасу многія недѣли для того, чтобы привезти её въ Россію и показать, какой только колбасой нѣмецъ можетъ питать русскаго офицера, и до какой виртуозности доходитъ его изобрѣтательность въ этомъ направленіи. Эта колбаса лежала въ комнатѣ, какъ я уже сказалъ, многія недѣли, но она не проявляла никакой наклонности портиться. Въ этомъ, очевидно, и заключалось ея достоинство. Другой достопримѣчательностью нашего стола былъ сыръ. Мы долго бились надъ тѣмъ, чтобы опредѣлить, изъ чего онъ былъ сдѣланъ, и такъ эта тайна осталась для насъ не открытой. Мы только по слухамъ узнали, что сыръ этотъ приготовлялся изъ копытъ лошадей, путемъ продолжительной и долгой ихъ варки. Это была совершенно компактная масса сѣроватаго цвѣта, издающая запахъ копыта. И, конечно, какъ непремѣнная часть всѣхъ нашихъ кушаній, въ этой компактной массѣ имѣлась коегдѣ гдоздика. На ужинъ намъ полагался супъ того же состава, что и на обѣдъ. Кромѣ того намъ выдавалось въ недѣлю 19 хлѣбныхъ карточекъ каждая на 100 граммъ хлѣба, по которымъ мы должны покупать булочки въ имѣющихся при лагеряхъ лавочкахъ за собственный счетъ. Точно взвѣсивъ не одинъ десятокъ булочекъ, мы ни одной изъ нихъ не нашли болѣе 82 граммъ. Обыкновенно же

вѣсъ булочки колебался между 70 и 80 граммами. Далѣе, намъ выдавали на недѣлю приблизительно 2½ столовыя ложки грязнаго сахара-песку. Зимой въ 6 час. вечера мы должны были опять выстраиваться на повѣрку, въ 8 час. вечера насъ запирали въ баракахъ на замокъ, и вокругъ барака разставлялись часовые, несмотря на то, что часовые стояли у проволочной изгороди, охватывающей весь лагерь. Въ 10 ч. вечера тушилось электричество и никто не имѣлъ права зажечь свѣтъ, хотя бы свѣчи вы купили на собственныя деньги. Въ такихъ условіяхъ и жили мы, ожидая обмѣна».

Докторъ Бридицкій, разсказъ котораго я приводилъ выше, сообщилъ мнѣ еще слѣдующее:

«Когда уѣхали вы (докторъ Базилевичъ), то нашъ лагерь остался безъ хирурга, искалѣченные же на работахъ на заводахъ, наши плѣнные прибывали массами, какъ и при васъ, и зачастую требовались серьезныя и сложныя операціи. Комендатура стала хлопотать о присылкѣ спеціалиста-хирурга. И вотъ изъ лагеря Меве былъ присланъ докторъ Григеръ изъ Варшавы. Онъ разсказывалъ мнѣ, что въ лагерѣ Постровъ, когда проѣзжала сестра изъ Россіи, то для того, чтобы онъ не могъ разсказать ей о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые продѣлывались въ этомъ лагерѣ съ нашими плѣнными, онъ былъ запертъ на замокъ въ комнатѣ, къ которой былъ приставленъ часовой. Его продержали арестованнымъ въ этой комнатѣ, пока не уѣхала сестра. А затѣмъ его выслали въ лагерь Меве, гдѣ и держали какъ арестанта. Вмѣстѣ съ нимъ на положеніи арестантовъ находилось тамъ еще 6 русскихъ врачей, въ томъ числѣ докторъ Разумовъ, служившій до войны въ главномъ военно-санитарномъ управленіи. Д-ръ Григеръ попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Самсоновской арміей и работалъ въ лагерѣ Бюстровъ. Тамъ былъ только околодокъ, причемъ нѣмецъ-врачъ требовалъ, чтобы плѣнные осматривались при немъ, и самъ назначалъ больнымъ леченіе. Онъ абсолютно всѣмъ, заявлявшимъ какую-либо жалобу на болѣзнь, приказывалъ выпить стаканъ англійской горькой соли; послѣдняя для этой цѣли держалась въ околоткѣ чуть ли не въ ведерной посудѣ. На этой почвѣ и произошелъ инцидентъ между докторомъ Григеромъ и нѣмцемъ, и Григеръ, какъ человѣкъ вспыльчивый, наговорилъ нѣмцу много непріятнаго, за что и былъ немедленно высланъ изъ лагеря, причемъ ему было объявлено, что ожидается обмѣнъ врачами между Россіей и Германіей, но что въ наказаніе онъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ обмѣненъ и, дѣйствительно, онъ до сихъ поръ находится въ Германіи. Изъ

Меве его везли къ намъ, въ лагерь Пруссишъ-Голландъ, какъ арестанта, въ сопровожденіи 2-хъ конвойныхъ солдатъ съ винтовками и штыками. Какъ характеристику отношеній нѣмцевъ къ плѣннымъ, я могу привести слѣдующій случай: когда прибыли въ лагерь румыны, о которыхъ я говорилъ раньше, и послѣ того, какъ было точно установлено, что 50 человѣкъ изъ нихъ умерло голодной смертью, то корпуснымъ врачемъ, пріѣхавшимъ разслѣдовать этотъ случай, былъ отданъ приказъ, чтобы несчастные румыны, оставшіеся въ живыхъ, получали бы особо питательную пищу. И вотъ лагерный офицеръ Миллеръ, получивъ это приказаніе, выражалъ свое неудовольствіе и громко говорилъ въ лагерѣ, что начальство отнимаетъ пищу отъ нашихъ дѣтей, чтобы кормить эту «сволочь». Въ началѣ 1917 года изъ знакомыхъ вамъ рабочихъ командъ Морунгенъ и Мисвальденъ стали привозить плѣнныхъ въ ужасающемъ видѣ. Они были истощены до послѣдней крайности, съ громадными отеками ногъ. Не лишнимъ будетъ сообщить вамъ, какъ относится нѣмецкое правительство къ своимъ же, но «подозрительнымъ» врачамъ. Такъ, напр., къ намъ въ лагерь былъ присланъ докторъ . . . . (фамилія его мнѣ извѣстна). Онъ уроженецъ Эльзасъ-Лотарингіи, женатъ на француженкѣ и ничего нѣмецкаго въ немъ нѣтъ. Какъ только началась война, онъ со всей семьей былъ высланъ изъ Страсбурга въ Восточную Пруссію. Его старики родные остались въ Страсбургѣ; кто-то изъ нихъ тяжело заболѣлъ и онъ просилъ, чтобы его женѣ разрѣшили проѣхать въ Страсбургъ навѣстить родныхъ. Ему было отказано въ этомъ. Въ Восточной Пруссіи въ глухой болотистой мѣстности строилась желѣзная дорога, недалеко отъ мѣстечка Мисвальденъ. Тамъ было на этой постройкѣ до 10—15 тысячъ плѣнныхъ, и его заслали въ эту глушь завѣдывать въ санитарномъ отношеніи нашими плѣнными. Онъ всѣми мѣрами старался облегчить ужасное положеніе русскихъ солдатъ, и по возможности освобождалъ ихъ отъ работъ. На него послѣдовали доносы, онъ немедленно былъ оттуда удаленъ, и на его мѣсто былъ присланъ нѣмецъ, который изъ освобожденныхъ имъ отъ работъ 80% призналъ годными къ работѣ. Его отослали въ гор. Эльбингъ, гдѣ на заводѣ Шихау работаетъ около 5.000 русскихъ плѣнныхъ надъ изготовленіемъ боевыхъ припасовъ для нѣмецкой арміи. Онъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и помогалъ русскимъ. Администрація завода послала доносъ, и его изъ этого завода выслали къ намъ въ лагерь. Надъ нимъ производится слѣдствіе. Я не знаю чѣмъ оно закончилось, такъ какъ самъ былъ высланъ къ этому времени въ лагерь Штральзундъ. Онъ говорилъ намъ, что послѣ

всего что онъ видѣлъ, онъ считаетъ позоромъ для себя быть германскимъ подданнымъ, а въ разговорѣ о созданномъ нѣмцами королевствѣ Польскомъ сказалъ, что онъ радъ, что русская Польша хоть на время попалась въ руки нѣмцевъ, ибо теперь поляки будутъ хорошо знать, что такое нѣмецъ и нѣмецкій деспотизмъ и что ничего кромѣ глубокой ненависти поляки теперь къ Германіи питать не будутъ».

Докторъ . . . (Фамилію и адресъ его не печатаю, такъ какъ онъ остался въ плѣну), разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ я попалъ 30 августа 1914 г. подъ Тильзитомъ, откуда былъ переведенъ въ лагерь Тухель. Этотъ лагерь состоялъ, собственно изъ двухъ лагерей, разсчитанныхъ каждый на 5,000 челов., но когда я прибылъ туда, то лагерь этотъ былъ ни что иное, какъ порядочная площадь земли, обнесенная проволочнымъ загражденіемъ, высотою до 3—4 аршинъ, при чемъ этотъ проволочный заборъ былъ въ 3 ряда. Плѣнные жили подъ открытымъ небомъ; имъ было приказано вырыть норы въ землѣ, но никакихъ инструментовъ для рытья не было дано, такъ что плѣнные копали землю руками и котелками, у кого они сохранились. Послѣ долгихъ хлопотъ мнѣ удалось достать отъ комендатуры 50 лопатъ. Такимъ образомъ наши солдаты вырывали себѣ ямы глубиною до 2 арш. и такой величины, что въ ней могли вмѣститься отъ 2 до 4 человѣкъ. Никакой соломы не было дано. Солдаты залѣзали въ эти ямы, и каждому изъ нихъ полагалось только 2 одѣяла. Если въ ямѣ жило 3 человѣка, то они имѣли 6 одѣялъ, изъ которыхъ 2—3 ложили подъ себя, а остальными укрывались. Дождь, а позже снѣгъ постоянно попадали въ яму, такъ что сухими плѣнные никогда не были. Когда начались изморозки, а въ ноябрѣ—декабрѣ и настоящіе морозы, то одѣяла превращались въ ледъ, и подъ этой корой льда спали наши солдаты. Были случаи, когда проснувшіеся товарищи находили своего сожителя по ямѣ замерзшимъ. Плѣнныхъ кормили такъ, что лишь бы они не умерли отъ голода. Ихъ избивали безъ всякаго повода и жестоко. Кромѣ меня въ этомъ лагерѣ были доктора Баженовъ и Херасковъ, который затѣмъ умеръ, когда появилась эпидемія тифа. Мы подавали постоянно жалобы коменданту на истязанія нашихъ плѣнныхъ и на невозможное ихъ положеніе. Комендантъ ограничился тѣмъ, что отдалъ приказъ, чтобы избивали прикладами, но только лѣнивыхъ. Послѣ долгихъ хлопотъ было привезено 2 воза соломы. Эту солому свалили сейчасъ же за проволокой внѣ лагеря подлѣ калитки. Не помню, по

какому-то дѣлу я зашелъ къ лагерному офицеру и вмѣстѣ съ нимъ направлялся къ лагерю. На нашихъ глазахъ толпа плѣнныхъ вышла за проволочное загражденіе и стала брать солому. Тутъ же стояли часовые. Лагерный офицеръ поднялъ дикій крикъ, возмущаясь, какъ это часовые посмѣли выпустить плѣнныхъ за проволоку, и отдалъ приказъ загнать ихъ назадъ. Часовые открыли изъ ружей огонь по плѣннымъ, при чемъ нѣсколько человѣкъ среди нихъ было ранено и убито, прежде чѣмъ я успѣлъ закричать, чтобы прекратили стрѣльбу. Въ этомъ же лагерѣ находился офицеръ Штальгутъ, завѣдывающій частью плѣнныхъ, который отличался особымъ звѣрствомъ. Онъ не ограничивался тѣмъ, что собственноручно безпощадно избивалъ плѣнныхъ, но приходя въ бѣшенство, сыпалъ имъ въ глаза песокъ. Отсюда меня перевели въ лагерь Альтдамъ. Это громадный лагерь, гдѣ сортируются плѣнные на нѣсколько категорій, которые помѣщаются въ отдѣльныхъ лагеряхъ, и здѣсь же отбираются инвалиды, подлежащіе отправкѣ въ Россію. Сперва я былъ при лазаретѣ, гдѣ шефомъ состоялъ нѣмецъ-врачъ, отличающійся грубостью и полнымъ невѣжествомъ. Такъ, напр., онъ требовалъ, чтобы мы сопровождали его при обходахъ лазарета. Діагнозы онъ ставилъ на ходу, никогда не осматривая больныхъ, а также на ходу отмѣнялъ наше леченіе и назначалъ свое. Онъ, напр., приказалъ больному дать какъ слабительное каломель 0,2 три раза въ день. Эти его назначенія намъ удавалось обходить тѣмъ, что мы просили нѣмецкаго санитара, работавшаго въ аптекѣ, не выдавать тѣхъ лекарствъ, которыя значились по рецептамъ шефа, но когда узналъ объ этомъ шефъ, то, конечно, немедленно прогналъ санитара. Во время одного изъ такихъ обходовъ, нашъ товарищъ, завѣдывавшій хирургическимъ отдѣленіемъ, ушелъ изъ барака, такъ какъ шефъ окончилъ осмотръ его отдѣленія, и мы были въ это время въ баракѣ съ внутренними больными. Замѣтивъ выходящаго товарища, онъ поднялъ страшный крикъ и бранилъ его, какъ онъ смѣлъ уйти изъ барака, не спросивъ на то разрѣшенія его. Изъ лазарета меня перевели въ такъ называемый «обмѣнный лагерь». Тамъ царствовалъ тотъ же порядокъ. Нѣмецъ-хирургъ Гетце былъ абсолютный невѣжда, каждую рану онъ зондировалъ, больныхъ гнойнымъ плевритомъ онъ не оперировалъ, а прокалывалъ гнойникъ троакаромъ. Когда же я ему сказалъ, что это не поможетъ больному, что нужно сдѣлать резекцію ребра, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Какая разница, все равно умреть». Его любимымъ инструментомъ была острая ложка, которой въ сущности онъ и производилъ всѣ операціи. Такъ, напр., ракъ,

губы онъ выскабливалъ этой ложкой. Всякія свищи, на днѣ которыхъ находились обломки костей, онъ не раскрывалъ, а скоблилъ этой же ложкой, причемъ работалъ ею настолько энергично, что забрызгивалъ кровью не только столъ и стѣны, но зачастую и потолокъ. Большимъ зломъ являлись такъ называемые инспектора, т. е. смотрители лазаретовъ. Это въ большинствѣ случаевъ были унтеръ-офицеры, назначенные на эти должности во время войны. Они старались всѣми силами и мѣрами отправить намъ и безъ того не отрадную нашу жизнь. Такъ, напр., когда меня изъ лазарета перевели въ обмѣнный лагерь, то одинъ изъ инспекторовъ отвелъ мнѣ комнату, бывшую кладовку, при какомъ-то сараѣ. Это была совершенно сырая, темная, каменная комнатка, всѣ стѣны ея были въ громадныхъ дырьяхъ, такъ какъ тамъ раньше были большія полки. Величина комнаты была 2×4 метра. И мнѣ стоило большого труда и многихъ непріятностей, чтобы эту комнату нѣмцы привели бы въ болѣе или менѣе сносный видъ. Эпидемія въ Тухелѣ развилась слѣдующимъ образомъ: съ самаго же начала тамъ появились холерныя заболѣванія, но они носили больше спорадическій характеръ, вскорѣ же появились отдѣльные случаи сыпного тифа. Я немедленно же доложилъ объ этомъ нѣмцу врачу и коменданту. Они не обратили ровно никакого вниманія, а нѣмецъ врачъ даже подтрунивалъ надо мной. Когда заболѣванія стали усиливаться (повторяю, что я безпрестанно и настоятельно указывалъ на грозную опасность развитія эпидеміи), прислали доктора Оккера—земскаго врача изъ гор. Тухеля. Онъ осмотрѣлъ больныхъ и сказалъ: «Глупости, это не сыпной тифъ, а краковская лихорадка». Какъ я ни просилъ его объяснить мнѣ, что это за мудреная такая «краковская лихорадка», о которой я никогда не слыхалъ и нигдѣ въ литературѣ не читалъ, объяснить онъ мнѣ не могъ. Наконецъ, эпидемія быстро захватила оба лагеря, и такъ какъ они были совершенно не устроены, то больные валялись буквально всюду, даже въ мертвецкой. Нѣмцы спохватились, выписали русскихъ врачей, стали строить лагерь, стали принимать мѣры. Но мѣры эти заключались въ изоляціи насъ отъ внѣшняго міра и предоставленіи намъ полной свободы умирать отъ страшной болѣзни. Въ началѣ эпидеміи и позже, когда она заканчивалась, нѣмцы занимались подлогами; они не писали, что умеръ кто-либо изъ плѣнныхъ отъ сыпного тифа или холеры; а ставили самые различные діагнозы: больные у нихъ умирали отъ воспаленія легкаго, отъ воспаленія почекъ, отъ порока сердца, однимъ словомъ отъ всего, чего угодно, но только не отъ тифа и холеры. Въ виду полнаго го-

лоданія больные были ослаблены настолько, что послѣ этой эпидеміи появилась, съ одной стороны масса трубекулезныхъ, съ другой стороны масса больныхъ съ отеками ногъ. Никакихъ улучшеній въ ихъ питаніи не предпринималось. Звѣрское обращеніе съ ними оставалось то же. Они жили въ норахъ, о которыхъ я раньше вамъ сказалъ, почти до марта мѣсяца 1915 г., ибо лагерь былъ окончательно устроенъ только въ серединѣ мая 1915 г.

Съ декабря 1914 г. по іюнь 1915 г. заболѣваемость и смертность выразились въ слѣдующихъ цифрахъ. Разсчетъ сдѣланъ на 5.000 человѣкъ, ибо я работалъ только въ одномъ лагерѣ, другими же завѣдывали мои товарищи.

		Холера.	Сып. тифъ.	Дизентерія.	Поносъ.	Скорбутъ.	Почки.	Другія.	Сумма.
1914 г. Декабрь.	Заболѣло.	162	0	67	6	0	0	71	306
	%	3,2	0	1,3	0,12	0	0	1,4	6,1
	Умерло.	15	0	2	0	0	0	2	19
	%	9,2	0	3	0	0	0	2,8	6,2
1915 г. Январь.	Заболѣло.	184	1	53	37	0	23	102	400
	%	3,7	0	1,1	0,74	0	0,4	2,0	8,0
	Умерло.	36	0	10	2	0	4	7	59
	%	1,9	0	18,8	5,4	0	17,4	7,8	14,7
Февраль.	Заболѣло.	0	168	49	37	0	20	48	322
	%	0	3,3	0,9	0,7	0	0,4	0,9	6,4
	Умерло.	1	8	10	5	0	0	2	26
	%	—	4,7	20,0	1,7	0	0	4,2	8,1

		Холера.	Сып. тифъ.	Дизентерія.	Поносъ.	Скорбутъ.	Почки.	Другія.	Сумма.
Мартъ.	Заболѣло.	0	276	31	124	46	22	46	545
	%	0	5,5	0,6	2,5	0,9	0,4	0,9	10,9
	Умерло.	0	26	17	17	22	8	5	95
	%	0	9,4	54,8	13,7	47,8	36,3	1,1	17,0
Апрѣль.	Заболѣло.	0	164	11	82	69	38	93	457
	%	0	3,3	0,2	1,6	1,3	0,8	1,8	9,1
	Умерло.	0	24	6	9	20	5	3	67
	%	0	14,6	54,5	10,9	29,0	13,1	3,2	14,6
Май.	Заболѣло.	0	71	0	67	32	0	79	249
	%	0	1,4	0	1,3	0,6	—	1,6	4,9
	Умерло.	0	0	4	15	11	2	2	34
	%	—	—	—	22,4	34,3	—	2,5	13,6

Такимъ образомъ, за всѣ эти 6 мѣсяцевъ заболѣваемость и смертность выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Холера.	Сыпной тифъ.	Дизентерія.	Поносъ.	Скорбутъ.	Почки.	Другія.	Сумма.
Заболѣло.	346	680	211	353	147	103	439	2.279
%	6,9	13,6	4,2	7,1	2,9	2,1	8,8	45,6
Умерло.	52	58	49	48	53	19	21	300
%	15,0	8,5	23,0	13,6	36,0	18,4	4,8	13,2

Хализовъ, Леонидъ, 290 полка, Нижегородской губ., гор. Ардатовъ, сел. Ломовка, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 29-го августа 1915 года подъ Двинскомъ. Гнали насъ трое сутокъ, совершенно ничего не давая ѣсть. Пригнали въ Шавли, гдѣ выдали по одному буханку хлѣба на 6 человѣкъ. Тамъ мы пробыли два дня, отсюда погнали къ Тильзиту. Кормить регулярно стали только съ 20-го дня плѣна, а то все время давали одинъ только хлѣбъ, но не каждый день. Когда прибыла партія въ Тильзитъ, то не менѣе 300 человѣкъ было совершенно больныхъ. Раненыхъ и тяжело больныхъ перевозили на грузовикѣ, при чемъ на грузовикъ впихивали по 50 человѣкъ, такъ что сидѣть не было возможности, и раненые стояли. Грузовикъ во время дороги сильно толкалъ и дергалъ, такъ что кругомъ стоялъ стонъ; у раненыхъ въ грудь хлынула горломъ кровь, и въ дорогѣ двое умерло».

Докторъ Ходоровскій, Владиміръ Клементьевичъ, помощникъ врачебнаго инспектора въ гор. Смоленскѣ, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 16-го августа 1914 года. Я былъ главнымъ врачемъ корпусного обоза, на который напала нѣмецкая кавалерія. На моихъ глазахъ нѣмецкіе кавалеристы убивали безоружныхъ обозныхъ. Насъ пѣшкомъ погнали въ Виленбергъ. Не доходя до города Виленберга, офицеровъ и солдатъ по неизвѣстной причинѣ заставили провести цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ въ полѣ, причемъ на полѣ они положили въ видѣ круга какую-то бѣлую ленту и приказали, чтобы никто не смѣлъ выходить за эту ленту. Кругомъ были разставлены часовые. Подполковникъ, завѣдывающій хозяйствомъ Капорскаго полка (фамиліи я не помню), человѣкъ уже старый, желая оправиться, подошелъ къ бѣлой лентѣ, и когда хотѣлъ переступить черезъ нее, то на глазахъ у всѣхъ былъ проколотъ штыкомъ въ грудь подбѣжавшимъ нѣмцемъ. Онъ долго болѣлъ и умеръ отъ нанесенной раны. Въ Виленбергѣ насъ собралось до 20 врачей, и тамъ мы пробыли до 2 недѣль. Насъ почти не кормили, относились невѣроятно грубо. Къ намъ пріѣзжало всевозможное нѣмецкое начальство, и не имѣя возможности ругать насъ по-русски, они вызывали для этой цѣли переводчиковъ и заставляли ихъ переводить намъ ругательства. Жители, къ удовольствію сторожившихъ насъ часовыхъ, не отставали въ ругательствахъ отъ другихъ и осыпали насъ площадной бранью. Съ одного изъ офицеровъ стали снимать насильно шпоры. Онъ по-русски сказалъ то-

варищу, что это грабежъ, тогда изъ толпы, стоявшихъ тутъ же нѣмецкихъ солдатъ, вышелъ одинъ и на прекрасномъ русскомъ языкѣ сказалъ: «Я тебѣ какъ дамъ въ морду, то ты и своихъ не узнаешь. Это тебѣ не Россія». Изъ Виленберга насъ повезли IV классомъ въ Нейсе. Всю дорогу мы были заперты, и ѣсть намъ совершенно не давали. Одного 60-ти лѣтняго дивизіоннаго врача за то, что онъ недостаточно скоро выходилъ изъ вагона при пересадкѣ, часовой ударилъ прикладомъ. Въ Гютерслоу какой-то провокаторъ солдатъ-нѣмецъ донесъ въ комендатуру, будто бы докторъ Бекманъ обругалъ пріѣзжавшаго генерала «сволочью». И только за этотъ доносъ, не имѣя никакихъ другихъ доказательствъ, Бекманъ былъ преданъ суду. Въ январѣ мѣсяцѣ 1915 года меня выслали въ лагерь Коттбусъ. Я уже изъ нѣмецкихъ газетъ зналъ, что тамъ свирѣпствуетъ эпидемія сыпного тифа. Когда я пріѣхалъ туда, то изъ 40 врачей въ тифу лежало 25. Мы никогда не знали, куда и зачѣмъ насъ везутъ. Обыкновенно это дѣлалось такимъ образомъ, что къ вамъ являлся часовой и заявлялъ вамъ, чтобы вы складывали свои вещи, такъ какъ черезъ часъ, много черезъ два, вы должны съ нимъ ѣхать, при чемъ если вы его спрашивали, куда ѣхать, онъ прямо заявлялъ, что сказать этого не можетъ. И вотъ, васъ привозили къ какому-то забору, въ заборѣ отворялась дверь, васъ проталкивали за этотъ заборъ, и дверь за вами запиралась. Вы попадали въ русскій лагерь, гдѣ свирѣпствовалъ сыпной тифъ. Когда я пріѣхалъ въ Коттбусъ, лазарета тамъ не было. Больные лежали въ баракахъ въ 3 яруса одинъ надъ другимъ. Пища была ужасная. Масса плѣнныхъ была съ отеками ногъ. Солдаты ходили почти голые, покрываясь мѣшками отъ тюфяковъ. Вши буквально заѣдали людей. Ни одного нѣмца въ лагерѣ не было видно. Работали тамъ только русскіе и французскіе врачи. Эпидемія продолжалась съ ноября 1914 года по май мѣсяцъ 1915 года включительно. Мы были совершенно предоставлены на волю судьбы и изолированы отъ внѣшняго міра. Мы не смѣли переписываться, пищу намъ передавали по качающемуся желобу. Изъ Коттбуса меня повезли въ Эрфуртъ, но работы тамъ не было никакой, а потому черезъ нѣсколько дней меня повезли въ Кассель, гдѣ было 20.000 плѣнныхъ. Я засталъ тамъ 50 французскихъ врачей и 29 русскихъ. Сыпной тифъ тамъ былъ въ полномъ разгарѣ. Къ моему пріѣзду тамъ лежало уже около 5.000 сыпно-тифозныхъ больныхъ. Смертность среди французскихъ плѣнныхъ была 16%, среди русскихъ—6—8%. Лагерь и здѣсь былъ неустроенъ и въ хаотическомъ состояніи. Мы и здѣсь работали совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ лагерѣ Коттбусъ. При-

ходилось все создавать самимъ. Эпидемія здѣсь перебросилась и на нѣмцевъ, и немало нѣмецкихъ солдатъ умерло отъ тифа. Умерло и два офицера. Переполохъ среди нѣмцевъ былъ невѣроятный. А въ январѣ къ ихъ ужасу вспыхнула еще и холера. Однако, мы быстро съ ней справились, и у насъ заболѣло только 100 человѣкъ, давъ 50% смертности. У нѣмцевъ поднялась такая паника, что они дѣлали буквально все, что бы мы имъ ни приказали. Врачи, при которыхъ началась эпидемія, разсказывали мнѣ, что при первыхъ же случаяхъ сыпняка они докладывали объ этомъ нѣмцамъ и указывали на грозящую опастность. Тѣ смѣялись надъ ихъ діагнозами и не обращали ровно никакого вниманія на предупрежденія. Когда кончилась эпидемія, приблизительно 30-го іюля 1915 года, меня вывезли якобы для обмѣна въ лагерь Бетенгеймъ съ тѣмъ, что оттуда я долженъ буду уѣхать въ Россію. Условія жизни въ этомъ лагерѣ были отвратительны, кормили насъ ужасно, спать мы должны были на тюфякахъ, набитыхъ старыми газетами. Гулять нельзя было. Намъ разрѣшалось ходить только по дорожкѣ среди туберкулезныхъ бараковъ, которая была сплошь заплевана этими больными. Тамъ насъ собрали 15 врачей, и въ октябрѣ мѣсяцѣ насъ вмѣсто обмѣна выслали въ лагерь Ордруфъ, въ которомъ условія жизни были нисколько не лучше только что описаннаго лагеря. Какъ особую достопримѣчательность этого лагеря могу указать вамъ на отвратительнаго нѣмецкаго врача по фамиліи Штернъ. Это невѣроятно грубый человѣкъ, полный невѣжда, мнившій себя хирургомъ и зарѣзавшій десятки нашихъ несчастныхъ больныхъ. Оттуда я былъ высланъ въ лагерь Раштадтъ, о которомъ я вамъ ничего говорить не буду, такъ какъ вы сами хорошо знаете его».

Докторъ Шалабутовъ, Константинъ Васильевичъ, Петроградъ Широкая, 15, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ я попалъ 17-го августа 1914 года. Нѣмецкіе солдаты срывали съ насъ значки и погоны. Казенное имущество и наше личное подверглось полному разграбленію. Врачъ-нѣмецъ отнялъ у меня врачебную сумку и вмѣсто нея сунулъ мнѣ какой-то пустой футляръ. Казаковъ на нашихъ глазахъ убивали. Передъ взятіемъ въ плѣнъ мы открыли перевязочный пунктъ въ деревнѣ Улешенъ, въ какой-то хатѣ. Во время завязавшагося боя шальная пуля залетѣла въ хату и убила хозяина ея. Когда нѣмцы вошли въ хату и забрали насъ, то къ намъ было предъявлено обвиненіе въ его убійствѣ. Насъ, двухъ врачей и 10 офицеровъ, бывшихъ съ нами въ хатѣ, хотѣли сейчасъ же растрѣлять, но почему-то передумали. Хату

окружили карауломъ, толпы солдатъ подходили къ нашимъ окнамъ, грозили кулаками, штыками и ножами. Они требовали, чтобы имъ разрѣшили убить насъ тутъ же. Насъ цѣлыя сутки продержали въ ожиданіи смерти. Ни на какой судъ или допросъ насъ не водили, но на другой день намъ заявили, что дѣло выяснилось и мы не виноваты. Насъ еще продержали дня четыре, совершенно не кормили и отправили пѣшкомъ верстъ за 20 въ Нейдебургъ, гдѣ помѣстили въ лазаретъ. Всѣхъ врачей тамъ собралось до 50 человѣкъ. Отсюда насъ отправили въ вагонахъ IVкласса въ лагерь Нейсе. Всю дорогу мы были заперты, и только одинъ разъ, въ 3 часа ночи, на какой-то изъ станцій намъ дали поѣсть какой-то каши, а утромъ совершенно гнилой колбасы, которую изъ насъ никто не ѣлъ. Въ Нейсе насъ помѣстили въ казармѣ и брали 45 марокъ за отвратительный обѣдъ. Мы всегда были голодны. Въ ноябрѣ меня переслали въ Ламсдорфъ, гдѣ я 2 недѣли жилъ въ комнатѣ при солдатскомъ баракѣ, отдѣленной отъ помѣщенія плѣнныхъ тонкой шелевочной перегородкой. Кругомъ были громадныя щели. Было очень холодно и была масса вшей, которыя переползали изъ сосѣдняго солдатскаго помѣщенія въ нашу комнату. Отсюда меня перевели въ лагерь Альтенграбовъ. Тамъ было около 30.000 плѣнныхъ, среди которыхъ въ это время свирѣпствовали сыпной тифъ и холера. Переболѣло не менѣе 15.000 плѣнныхъ. Условія работы были ужасающія. Больные лежали среди здоровыхъ какъ дрова. Тамъ работало насъ 15 русскихъ врачей и нѣсколько французовъ; поголовно всѣ мы голодали, такъ какъ купить ничего нельзя было. Въ концѣ декабря меня перевезли въ лагерь Виттенбергъ, гдѣ я нашелъ 8 русскихъ врачей и 15 французовъ. Плѣнныхъ было до 15.000. Въ январѣ тамъ начались отдѣльные заболѣванія тифомъ. Мы сейчасъ же доложили объ этомъ, но нѣмцы не обращали никакого вниманія. Затѣмъ къ намъ пріѣхалъ какой-то корпусный врачъ, выслушалъ насъ, осмотрѣлъ больныхъ и сталъ смѣяться надъ нашимъ діагнозомъ. Мы требовали принять самыя энергичныя мѣры. Эпидемія съ каждымъ днемъ принимала все болѣе и болѣе грозный характеръ, наконецъ, нѣмцы должны были повѣрить намъ. Всѣ мѣры борьбы съ ихъ стороны ограничились только тѣмъ, что они прислали 6 англійскихъ и 6 русскихъ врачей, отгородили насъ помимо колючей проволоки еще заборомъ, заперли и предоставили на волю судебъ. 5 мѣсяцевъ мы были лишены какого бы то ни было общенія съ внѣшнимъ міромъ. Сказать, сколько переболѣло плѣнныхъ, я не могу, такъ какъ самъ заболѣлъ. Но по нашему подсчету постоянно больныхъ въ лагерѣ лежало

не менѣе 4.000 человѣкъ, а судя потому, что эпидемія продолжалась 5 мѣсяцевъ, нужно думать, что переболѣли поголовно всѣ, кромѣ тѣхъ, кто вообще по тѣмъ или инымъ причинамъ былъ не воспріимчивъ къ сыпному тифу. При лагерѣ существовалъ самый примитивный лазаретъ, который, конечно, не могъ обслужить и тысячной доли всѣхъ больныхъ. Больные валялись по всѣмъ баракамъ. Въ день умирали проблизительно 7 французовъ, 3 англичанина и 1 русскій, но не нужно забывать, что по количеству плѣнные шли въ обратномъ порядкѣ: больше всего было русскихъ, меньше французовъ и очень мало англичанъ, такъ что процентъ смертности былъ приблизительно слѣдующій: у русскихъ—6—8%, у французовъ 35%, у англичанъ—60—65%, всего за эпидемію умерло около 800 человѣкъ, но сказать точно цифры я не могу. Среди врачей умерло 2 русскихъ и 4 француза. Отсюда я уѣхалъ въ лагерь Раштадтъ, о которомъ вы сами знаете, такъ какъ жили тамъ».

Дозоринъ, Павелъ Зиновьевичъ, гор. Саратовъ, улица Голая, собственный домъ, № 76, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ 29-го августа 1915 года подлѣ мѣстечка Скидль (Гродненской губ.). Въ первый день намъ дали по черпаку какой-то неопредѣленной жидкости, а затѣмъ двое сутокъ ничего ѣсть не давали. Около Гродно мы буквально паслись на растущей въ полѣ капустѣ и картошкѣ. Мы срывали капустныя листья, вырывали картошку и ѣли ихъ сырыми. Передъ Гродно съ меня сняли сапоги, отобрали сахаръ, перочинный ножъ и палатку. Въ Гродно мы заявили жалобу на грабежи какому-то нѣмецкому офицеру. Онъ что-то сказалъ стоявшимъ тутъ нѣмцамъ, и тѣ на глазахъ его избили насъ. На восьмыя сутки насъ пригнали въ лагерь Арисъ. Объ этомъ лагерѣ я не буду разсказывать, такъ какъ вы сами видѣли, какъ мы тамъ жили. Могу только сказать, что отъ всѣхъ ужасовъ, которые тамъ были, мы, плѣнные, старались спастись, записываясь на работы. Я тоже записался на эти работы, и въ октябрѣ 1915 года меня привезли въ лагерь Пруссишъ-Голландъ. Люди до того отощали, что не могли выходить изъ вагоновъ: это были тѣни людей, многіе не могли стоять и падали. Насъ везли по 50 человѣкъ въ товарномъ вагонѣ и ничего не давали ѣсть. Совершенно случайно конвойными къ намъ попали нѣмецкіе поляки. Они купили 3 хлѣба и раздавали намъ изъ жалости по кусочку. Часть изъ насъ попала на работы на заводъ Шихау въ Эльбингъ. Это громадный заводъ, гдѣ строятся подводныя лодки и миноносцы. Плѣнные, когда узнали, что ихъ при-

везли на военный заводъ, отказались работать, тогда ихъ стали избивать желѣзными прутьями, а тѣхъ, которые упорствовали, заставляли ногтями счищать асфальтовый полъ заводскаго зданія. Если же они отказывались это дѣлать, то имъ на руку сыпали горящія уголья изъ заводскихъ печей. Многіе плѣнные, чтобы избавиться отъ этой работы противъ своихъ же братьевъ, отрубали себѣ пальцы на рукахъ и попадали къ вамъ въ лазаретъ. Я слышалъ, что точно такимъ же истязаніямъ подвергались наши плѣнные въ Инстенбургѣ, подъ Кенигсбергомъ. Позже, когда сталъ приходить изъ Россіи дарственный хлѣбъ, нѣмцы его намъ не выдавали, они забирали его себѣ и затѣмъ открывали торговлю, продавая этотъ хлѣбъ по маркѣ за небольшой кусокъ».

Докторъ Мещерскій, Иванъ Максимовичъ, земскій врачъ Черниговской губ., Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, сообщилъ слѣдующее: «Въ плѣнъ попалъ 29-го января 1915 года въ мѣстечкѣ Ваштынецъ. На площади этого мѣстечка стояли обозы лазарета съ красными крестами на повозкахъ. Нѣмцы, несмотря на красные кресты, открыли огонь по обозу. Медицинскій персоналъ лазарета и санитары укрылись въ мѣстной аптекѣ. Нѣмецкіе солдаты, выстроившись передъ аптекой, продолжали обстрѣлъ уже самой аптеки. Мы спаслись отъ смерти только тѣмъ, что догадались упасть на полъ. На насъ сыпались стекла и штукатурка съ потолка. Но все-таки былъ убитъ солдатъ 1-го лазарета 27 пѣх. дивизіи Дарулисъ, а двое другихъ ранены. Насъ вывели на площадь и солдаты на глазахъ у офицеровъ стали срывать съ насъ аммуницію, ощупывали наши руки; у кого были кольца, снимали ихъ. Насъ всѣхъ вмѣстѣ съ солдатами отвели въ небольшую кирку, гдѣ и заперли на всю ночь. Въ церкви набилось до 5.000 человѣкъ, не было никакой возможности сѣсть, люди едва стояли. Уже черезъ часъ—два было трудно дышать. Какъ мы пережили эту ночь, я не знаю. Насъ совершенно не кормили, но на нашихъ глазахъ, когда нѣмцы собирали насъ на плацу, офицеры и солдаты откупоривали разграбленныя банки съ консервами и ѣли ихъ. На другой день насъ пѣшкомъ погнали въ Сталюпененъ, верстъ 25. Дорогой помощникъ смотрителя 1-го лазарета 27 пѣх. дивизіи, вѣроятно, отъ усталости, немного вышелъ изъ строя (насъ вели по четверо). Кавалеристъ конвойный подскочилъ и ударилъ его копьемъ по головѣ, отчего тотъ упалъ. Встрѣчающіеся на дорогѣ жители осыпали насъ бранью, подбѣгали и плевали на насъ, а какой-то штатскій нѣмецъ бросился на смотрителя 1-го лазарета съ палкой, намѣреваясь ударить его, но только

благодаря тому, что тотъ прекрасно говорилъ по-нѣмецки, и крикнулъ ему что-то, ударъ былъ предотвращенъ. Конвой все это видѣлъ и смѣялся. Когда насъ привели въ Сталюпененъ, насъ окружила толпа нѣмецкихъ солдатъ, которые ругали насъ русскими собаками, русскими свиньями, а одинъ изъ нихъ, подойдя къ врачу дивизіоннаго лазарета 27 пѣх. дивизіи, ударилъ его кулакомъ по головѣ. Конвойные относились ко всему этому не только безучастно, но одобрительно. Всю дорогу они занимались только тѣмъ, что вымогали у плѣнныхъ офицеровъ и врачей папиросы. Въ Сталюпененѣ насъ опять заперли въ церкви; здѣсь скопилось опять до 5—6.000 плѣнныхъ. Церковь была нѣсколько больше, а потому можно было хоть сидѣть на голомъ каменномъ полу. Днемъ мы имѣли право ходить по церковному двору, а на ночь насъ запирали въ церковь. Такъ мы прожили около недѣли. Подстелить подъ себя ничего не было, такъ какъ все было ограблено нѣмцами. Мы просили пріѣхавшаго нѣмецкаго генерала, чтобы насъ куда-либо отправили, на что онъ намъ отвѣтилъ дословно: «Не безпокойтесь, свиней поведутъ и запрутъ куда надо». Солдатамъ и здѣсь первые дня 2 ничего не давали ѣсть. Несчастные подходили къ намъ и просили: «дайте, докторъ, что нибудь пожевать». Дня черезъ 2 стали кормить, но слѣдующимъ образомъ: въ ограду церкви входило нѣсколько офицеровъ съ нѣмецкими дамами, а солдаты за ними несли 2—3 ведра сваренной нечищенной картошки. Картофель этотъ ставился посреди двора передъ толпой голодныхъ плѣнныхъ и нѣмецъ, умѣвшій говорить по-русски, кричалъ: «Берите скорѣй, кто хочетъ». Такъ какъ этой картошки, если бы ее раздѣлить поровну для всѣхъ, не хватило бы и по десятой части картофелины на человѣка, то, конечно, голодные солдаты набрасывались на эти ведра, сбивали другъ-друга съ ногъ, и каждый старался захватить хоть что-нибудь. Этимъ зрѣлищемъ забавлялись нѣмецкія дамы, а офицеры, указывая хлыстомъ на плѣнныхъ, говорили громогласно: «и съ этой сволочью мы должны сражаться». Вообще все это пребываніе въ Выштинцѣ и Сталюпененѣ—сплошной кошмаръ. Уже прошло 2 года и до сихъ поръ мнѣ по ночамъ слышатся эти ужасные голоса: «Докторъ, дайте что-нибудь пожевать».

«Наконецъ насъ отправили въ офицерскій лагерь Штральзундъ, гдѣ послѣ разнаго рода прививокъ: оспы, тифа, холеры, слѣдовавшихъ быстро одна за другой, меня перевели въ лагерь Тухель въ Западную Пруссію. Видъ солдатъ, которыхъ я встрѣтилъ въ этомъ лагерѣ, не поддается никакому описанію: темный землистый цвѣтъ лица, опухшія ноги, отвислый животъ, сгорбленные, какъ старики

тяжелая волочащая походка, вмѣсто одежды, какія-то рубища. На амбулаторный пріемъ ко мнѣ приходило по 200—300 человѣкъ, и ни одного изъ нихъ я, какъ врачъ, не могъ бы назвать здоровымъ. Это все были цынготные, туберкулезные, съ кровавыми поносами, съ малокровіемъ въ самой рѣзкой степени и многіе съ сыпнымъ тифомъ. Ежедневно съ сыпнымъ тифомъ приходило 10—20 человѣкъ. О какомъ-нибудь леченіи не могло быть и рѣчи, такъ какъ ни лекарствъ, ни какой-нибудь добавочной пищи нѣмцы не давали. Вся моя функція заключалась только въ томъ, что я могъ освобождать нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ работъ. Больные валялись въ землянкахъ и земляныхъ ямахъ. При нашемъ пріѣздѣ нѣмецкій главный врачъ лазарета заявилъ намъ, что мы можемъ особо слабымъ больнымъ выписывать усиленную пищу: яйца, молоко, завѣдывающіе хозяйственной частью лазарета, почти исключительно нѣмецкіе нижніе чины, произведенные во время войны во всевозможныхъ смотрителей и казначеевъ, не удовлетворяли нашихъ требованій и никогда не отпускали этихъ добавочныхъ порцій. Наше требованіе валялось въ канцеляріи, а больной получалъ ту же пищу, что и въ лагерѣ. Когда вы спрашивали кого-либо изъ больныхъ о его здоровьѣ, вы всегда слышали одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Кушать хочется, ваше благородіе». Вскорѣ я самъ заразился тифомъ и слегъ, такъ что дальнѣйшее описаніе жизни въ лагерѣ я могъ бы сдѣлать только со словъ товарищей-врачей. Я могу только указать, что передъ самой моей болѣзнью нѣмцы, въ видѣ наказанія, распяли у стѣны на кольцахъ 5 нашихъ солдатъ. Мы, врачи, одѣвъ халаты, вызвали генерала, коменданта лагеря, и заявили ему, что распятіе, какъ наказаніе, мы считаемъ не только чрезмѣрной жестокостью, но это есть издѣвательство надъ нашими религіозными убѣжденіями, и потребовали, чтобы распятые были сняты съ колецъ, и чтобы впредь этому наказанію солдаты бы не подвергались, въ противномъ случаѣ мы отказываемся отъ работы и пишемъ объ этомъ мотивированное заявленіе испанскому послу. Генералъ приказалъ снять распятыхъ, но черезъ нѣкоторое время прислалъ намъ на подпись приказъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго нашего вмѣшательства «не въ свои дѣла» мы будемъ немедленно преданы военному суду. Избіенія въ лагерѣ были массовыя, кромѣ того ко мнѣ на амбулаторный пріемъ очень часто приходили со штыковыми раненіями. Солдатамъ жилось настолько тяжело, что они предпочитали быструю смерть всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, въ конечномъ результатѣ которыхъ являлась та же смерть, но только болѣе мучительная. Эти несчастные страдальцы нарочно днемъ лѣзли на проволоку на

глазахъ у часового, симулируя побѣгъ. Нѣмцы прибѣгали къ оружію по всякому поводу; достаточно, чтобы русскій солдатъ не понялъ окрика, чтобы по немъ открылась стрѣльба или его закололи штыкомъ. Убійства душевно-больныхъ случались сплошь и рядомъ. Однажды привезли въ лагерь возъ картофеля, русскій солдатъ взялъ съ воза нѣсколько картофелинъ, конвойный, стоявшій тутъ же, вскинулъ ружье, выстрѣлилъ и убилъ его наповалъ. Лагерное начальство не только не останавливало этого звѣрства, но, наоборотъ, оно выражало въ приказахъ одобреніе конвойнымъ. Я проболѣлъ до ноября мѣсяца 1915 года, болѣзнь оставила послѣ себя тяжелое разстройство нервной системы и глухоту, и я былъ отправленъ, какъ инвалидъ, въ ноябрѣ 1915 года для обмѣна въ Россію. Вотъ уже апрѣль мѣсяцъ 1917 года, а я все еще продолжаю ждать обмѣна».

Я считаю не лишнимъ привести здѣсь выдержку изъ книги: «Въ борьбѣ противъ Россіи», написанной Вильгелмомъ Конрадомъ Гоммола, военнымъ репортеромъ главной квартиры Восточнаго отдѣла, изданной въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ въ 1916 году, для того, чтобы вы видѣли, какъ нѣмецкіе писатели описываютъ положеніе нашихъ плѣнныхъ и какъ они смотрятъ на нихъ. Копія съ подлинника на нѣмецкомъ языкѣ находится въ приложеніяхъ моей работѣ.

46 стр., гл. IX. «Русскіе плѣнные въ Ловичѣ».

«17-го декабря наши войска вступили въ Ловичъ. Нѣсколько времени спустя, Ловичъ былъ указанъ мнѣ какъ мѣстожительство. Отведенную мнѣ квартиру я долженъ былъ очистить и привести въ порядокъ съ помощью русскихъ военноплѣнныхъ. Прошло немало времени, пока мнѣ, путемъ необходимыхъ реквизицій, удалось превратить голыя стѣны, среди которыхъ я долженъ былъ жить, въ болѣе или менѣе сносное помѣщеніе. Посреди старой площади, бывшаго рынка Ловича, стоитъ главный костелъ города съ двумя башнями. Этотъ, окруженный высокой стѣной, Божій домъ, долженъ былъ стать мѣстомъ сбора русскихъ плѣнныхъ и временами довольно значительно возростающаго числа арестованныхъ по подозрѣнію въ шпіонажѣ. До 4.000 людей въ теченіе одного дня должны были быть интернированы тамъ. Костелъ этотъ, естественно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ массовой квартирой для плѣнныхъ, къ сожалѣнію, сильно пострадалъ.

Однажды тамъ даже случился пожаръ внутри колокольной башни отъ загорѣвшейся соломы. Къ счастью, пожаръ удалось во время потушить и этимъ спасти органъ, который былъ уже въ опасности. Холодныя морозныя ночи со своими суровыми восточными вѣтрами стали особенно жестоки; дровъ не было, а потому отрывалось и доставалось отовсюду все горючее, и что русскіе начнутъ разрушать—разрушалось до конца. Это случилось и тутъ. Старыя, художественно исполненныя ворота передъ главнымъ алтаремъ стали пищей для костровъ, которые поддерживались плѣнными на холодныхъ плитахъ костела. Въ одну изъ январскихъ ночей, я однажды опять входилъ въ этотъ костелъ. Снѣжинки кружились вокругъ меня, пока я шелъ по улицѣ «Сдунска», переименнованной теперь въ улицу «Гинденбурга», и я шелъ съ мыслями, далекими отъ войны, съ мыслями о родинѣ, ибо такія мысли часто тѣснятся въ голову людямъ въ подобныя ночи—я шелъ по направленію къ старой площади. Величественно и великолѣпно въ своемъ зимнемъ украшеніи стоялъ, осыпанный снѣгомъ, Божій храмъ посреди широкаго рынка, а извнутри, черезъ высокія окна безъ стеколъ, свѣтили красныя зарева русскихъ костровъ. Медленно шелъ я черезъ рынокъ къ главнымъ воротамъ костельнаго собора. Черезъ тихій дворъ я прошелъ въ храмъ. Фантастически, какъ въ разсказахъ Гофмана, мелькали мимо люди и вещи. Кисть безсмертнаго Адольфа фонъ-Менцеля нашла бы въ этой картинѣ достойный себѣ мотивъ для творчества. Это было какое-то шуршаніе, не то кипѣніе, безпрерывное передвиженіе туда и сюда, цѣлый рой голосовъ и цвѣтовъ. Острый запахъ будто гнилой кожи, спертый воздухъ, испаренія пота и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелая вонь отъ загрязненной соломы проникали въ носъ, задерживали дыханіе, тяжело стѣсняли грудь. Болѣе 20 костровъ подымались въ ночныхъ сумеркахъ и кругомъ этихъ костровъ лежали, стояли на колѣняхъ и сидѣли на корточкахъ плѣнные, число которыхъ въ эту ночь превышало 2.300. Я смотрѣлъ въ безмѣрную даль. Голоса непонятные кипѣли и переливались тяжело и странно. И это были люди, которые на подобіе животныхъ, на подобіе первобытныхъ людей толпились около высокихъ костровъ. Одичалыя существа, покрытыя слоемъ противной сѣро-черной грязи. Грязныя, кровавыя, засохшія буро-краснымъ цвѣтомъ перевязки на головахъ, рукахъ и ногахъ. Тутъ и тамъ у стѣнъ костела съ кучекъ соломы несутся болѣзненные стоны. Я шелъ сквозь эту дикую толпу. Въ углахъ, скорчившись въ клубки, спали плѣнные на каменныхъ плитахъ. Они лежали въ углубленіяхъ алтарей, даже на алтаряхъ, такъ какъ деревянная доска алтаря

не была такъ тверда и холодна, какъ полъ костела. Не одному сибиряку высокая барашковая шапка-папаха служила подстилкой для головы. Особенно дико и странно было смотрѣть на нѣсколькихъ казаковъ, которые, раненые и завернутые въ изорванныя шинели сидѣли въ сторонѣ между бессарабскими солдатами. Подъ мохнатыми высокими барашковыми шапками свисали густые чрезвычайно грязные волосы и было трудно различить, гвѣ кончались человѣческіе волосы и начинался волосъ шапки. Когда я, наконецъ, вышелъ опять на свѣжій зимній воздухъ, я свободно вздохнулъ, какъ будто бы я самъ былъ освобожденъ изъ суроваго плѣна. На другой день съ самаго ранняго утра они уже сидѣли на костельномъ валу, тѣснились за желѣзными рѣшетками и крича просили: «Хлѣба, хлѣба». Часто я долженъ былъ отъ всего сердца смѣяться, когда они, перегибаясь черезъ стѣну, старались перекричать другъ друга, желая умилостивить ловичскихъ купцовъ: «Ты, жидъ! Я тоже жидъ! Я голоденъ, иди, возьми деньги, дай хлѣба,» И единовѣрцы приходили и приносили имъ то, чего они хотѣли. Но сперва деньги, такъ какъ хлѣбъ былъ дорогъ, и «гешефтъ» былъ «гешефтъ».

Докторъ Рукинъ, Левъ Николаевичъ, Москва, Владиміро-Долгоруковская, д. № 7, кв. 125, сообщилъ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ въ крѣпости Ново-Георгіевскъ, пѣшкомъ вели около 70 верстъ. Вещи, какія сохранились, тащили на себѣ, ѣсть не давали, кормились тѣмъ, что могли достать по пути у мѣстныхъ жителей. Вся партія состояла изъ 20.000 солдатъ и многихъ офицеровъ. Затѣмъ насъ посадили въ вагоны III класса, заперли и 5 сутокъ везли въ Штральзундъ. За все время ѣзды въ поѣздѣ намъ дали два раза поѣсть: въ Штетинѣ дали по 2 тоненькихъ бутерброда и по стакану какой-то бурды подъ видомъ кофе, и гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ — супъ-воду безъ хлѣба. Въ Штральзундѣ насъ заперли въ карантинъ, всѣхъ было около 400 человѣкъ. Половина изъ насъ размѣстилась въ баракѣ на полу, на соломѣ, другая половина, за неимѣніемъ мѣста, подъ открытымъ небомъ. Здѣсь давали слѣдующее: утромъ бурда, именуемая кофе, въ обѣдъ—болтушка съ микроскопическими кусочками мяса и то же кофе, ужина не было. Вмѣсто хлѣба выдали по 21 карточкѣ на недѣлю на человѣка, гдѣ было сказано, что на каждую карточку мы можемъ купить булочку вѣсомъ въ 100 граммъ. Булочки продавались въ имѣющейся лавочкѣ, стоили 5 пфениговъ штука, но ни одна изъ нихъ не вѣсила 100 граммъ. Гулять намъ разрѣшали

въ маленькомъ дворѣ карантина, обнесенномъ высокой колючей изгородью. Дезинфекція, которой подвергли насъ, носила характеръ не то насмѣшки, не то издѣвательства, зато обыскъ былъ произведенъ основательный: всѣ деньги у насъ отобрали. Грязь въ карантинѣ была неимовѣрная. Онъ скорѣй походилъ на плохо содержащуюся конюшню, нежели на зданіе, гдѣ офицеры и врачи должны были подвергаться дезинфекціи. Тамъ было, насколько я помню, 6 ваннъ, причемъ воды въ этихъ ваннахъ не было. Туда наливалось ея не больше какъ на четверть, и вотъ въ этой водѣ мы должны были мыться. Въ такомъ же духѣ шла и остальная дезинфекція. Наконецъ, 31 сентября докторовъ: Кардо-Сысоева, Александрова, Варгина, Рубцова и меня отправили въ лагерь Ормсъ. Тамъ мы встрѣтили нѣмецкаго доктора Розенбаума. Это—грубый невѣжда. При первой же встрѣчѣ онъ сталъ смѣяться надъ нами, что не всѣ мы говоримъ по-нѣмецки. Онъ говорилъ,что интеллигентный человѣкъ долженъ владѣть минимумъ двумя языками. Про русскихъ врачей, вообще, онъ выражался такъ: «нигиль поссунтъ», «нигиль интеллигунъ». Позже мы узнали, что самъ-то онъ зналъ только одинъ нѣмецкій языкъ, а въ медицинѣ былъ полный неучъ. Онъ положительно не позволялъ намъ ничего дѣлать. Мы исполняли при немъ роль не то какихъ то фельдшеровъ, не то даже санитаровъ. Шефъ лазарета, если не ошибаюсь докторъ Гранау, былъ просто убожество. Онъ мнилъ себя хирургомъ и выдѣлывалъ съ плѣнными невѣроятныя вещи: резецируя ребро, онъ никогда не трудился опредѣлить, гдѣ находится гной. При резекціи надкостницы не отдѣлялъ. Французскаго офицера, раненаго въ поясницу, онъ до тѣхъ поръ ковырялъ зондомъ, пока не хлынула кровь и больной не погибъ на столѣ же. Кромѣ этихъ двухъ достойныхъ представителей нѣмецкаго врачебнаго сословія, тамъ работало еще 3 врача, нѣмца. Они ровно ни чѣмъ не отличались отъ своихъ товарищей. Неоднократно доктору Кардо-Сысоеву приходилось спасать отъ смерти нашихъ плѣнныхъ, послѣ операцій, которыя продѣлывали эти 5 нѣмцевъ-врачей. Я не помню, по какому случаю нужно было сдѣлать перевязку плечевой артеріи, потворяю, что насъ, и въ томъ числѣ Кардо-Сысоева, къ работѣ не допускали. Нѣмцы долго ковырялись, но перевязать артеріи не могли и, въ концѣ концовъ, Кардо-Сысоевъ кончилъ операцію. Аневризму одной изъ артерій голени они приняли за опухоль, разрѣзали ее, хлынула кровь, и операцію опять кончалъ Кардо-Сысоевъ. Одного раненаго въ лопатку съ раздробленіемъ кости они лечили такъ, что больной умеръ у нихъ на столѣ. Одинъ изъ упомянутыхъ врачей схватилъ фолькмановскую

ложку и настолько энергично сталъ чистить рану, что оттуда вылетали громадные куски костей и кровь забрызгала даже потолокъ. Больной поибъ отъ кровотеченія. Изъ-за экономіи въ спиртѣ при стеризаціи матеріала аутоклавъ доводился невыше какъ до 35—40°. Рожа свирѣпствовала. Въ баракахъ съ 50-ю больными, пораженныхъ рожей было 35. Въ маѣ мѣсяцѣ привезли человѣкъ 100 русскихъ плѣнныхъ, пораненыхъ гдѣ-то на работахъ. Ихъ заперли въ отдѣльномъ блокѣ и никого туда не пускали. Намъ удалось узнать, что и плѣнные работали на французскомъ фронтѣ въ огневой полосѣ нашихъ союзниковъ и были переранены шрапнелью и гранатами французовъ и англичанъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ нашего лагеря забрали человѣкъ 300 на работы въ крѣпость Мецъ. За все время нашей работы намъ разрѣшили только 3 раза выйти гулять, подъ конвоемъ нѣмецкихъ солдатъ съ ружьями, за проволоку. Все остальное время мы гуляли только въ предѣлахъ лазарета. Общеніе съ плѣнными въ лагерѣ было запрещено. Плѣнные голодали и подвергались всевозможнымъ истязаніямъ. Въ декабрѣ 1916 г. я былъ высланъ въ лагерь Раштадтъ, гдѣ и встрѣтился съ вами».

Докторъ Соковниковъ, Евгеній Васильевичъ, Пятигорскъ, Дворянская улица, 15, сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Въ плѣнъ попалъ вмѣстѣ съ арміей Самсонова 17 октября 1914 года. Наша артиллерія продолжала еще обстрѣливать нѣмцевъ. Тогда они приказали намъ и бывшимъ здѣсь нашимъ солдатамъ, здоровымъ и раненымъ, лечь впереди и между нѣмецкими пушками, и продержали насъ подъ огнемъ нашей же шрапнели нѣсколько часовъ. Въ результатѣ многіе изъ нашихъ солдатъ были ранены. Когда прекратилась перестрѣлка, насъ погнали въ ближайшую деревню. Жители этой деревни грабили съ повозокъ имущество на глазахъ у нѣмецкихъ солдатъ, которые не препятствовали имъ въ этомъ. Дальше насъ погнали въ какой-то городокъ, гдѣ въ обшемъ собралось около 100 врачей. Работать никому изъ насъ не позволяли, хотя весь этотъ городокъ былъ заваленъ какъ русскими, такъ и нѣмецкими ранеными. Отсюда насъ заставили пройти верстъ 38 пѣшкомъ до какой-то желѣзнодорожной станціи и, посадивъ въ вагоны III касса, повезли на Нейсе. Намъ не только не давали ѣсть, но за всю дорогу не давали даже глотка воды. Въ пути старикъ корпусный врачъ Жигачевъ два раза былъ избитъ прикладами за то, что недостаточно быстро шелъ. Въ одномъ изъ вагоновъ въ нашемъ поѣздѣ въ отдѣльномъ купэ везли какого-то казака.

Этотъ несчастный былъ раздѣтъ почти до нага и связанъ веревками. На каждой станціи нѣмцы отворяли купэ и приглашали жителей посмотрѣть на «звѣря». Въ Нейсе мнѣ сказали, что на основаніи Женевской конвенціи я буду отправленъ въ Россію. И дѣйствительно, изъ бывшихъ тамъ приблизительно 80 челов. врачей нѣмцы стали высылать куда-то небольшими группами, при чемъ говорили, что эти товарищи уѣзжаютъ въ Россію. Наконецъ, въ концѣ декабря меня съ 9-ю товарищами тоже повезли въ Россію, но вмѣсто Россіи меня высадили на какой то станціи, подвели къ какому-то забору, отворили ворота и втолкнули за заборъ. Я очутился въ лагерѣ Бранденбургѣ на Гавелѣ. Тамъ было болѣе 10.000 плѣнныхъ, и среди нихъ свирѣпствовалъ сыпной тифъ. Лазарета никакого не было. Мы спали въ баракѣ на полу вмѣстѣ съ больными. Товарищи, которыхъ мы тамъ нашли, разсказывали намъ, что когда появились первые же случаи тифа, они немедленно заявили объ этомъ нѣмецкимъ врачамъ и требовали принять самыя серьезныя мѣры. Но нѣмцы смѣялись надъ ними. Они говорили, что русскимъ врачамъ, кажется, слѣдовало бы умѣть опознавать укусы блохъ и вшей. Сильно лихорадящихъ, т. е. съ температурой 39—40, они, за неимѣніемъ лагерной больницы, отправляли въ городскую больницу, а плѣнныхъ съ небольшой тепмературой—приказали нѣмецкимъ солдатамъ заставлять работать, и тѣ безпощадно избивали ихъ. Когда эпидемія приняла грозные размѣры, нѣмцы струсили и послали заявленіе въ Берлинъ. Оттуда былъ командированъ проф. Іохманъ—эпидеміологъ. Онъ подробно изслѣдовалъ больныхъ, взялъ кровь, мочу, фекальныя массы и уѣхалъ въ Берлинъ. Черезъ нѣсколько дней онъ присалъ діагнозъ: «паратифъ а». Но это не помѣшало ему, поставивъ діагнозъ паратифа, черезъ нѣсколько же дней самому умереть отъ настоящаго сыпняка. Переполохъ былъ ужасный. Лагерь былъ обнесенъ высокимъ заборомъ на большомъ разстояніи отъ изгороди изъ колючей проволоки. Всѣ нѣмцы были выведены изъ лагеря, за заборомъ разставлены густыя цѣпи часовыхъ. Мы были заперты, сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ было прекращено, и намъ была предоставлена полная свобода умирать. Пищу и кое-какіе медикаменты передавали по качающемуся жолобу, писать письма было запрещено. Постепенно туда свезли 43 русскихъ врача, изъ которыхъ только 5 не болѣло. Всѣ остальные переболѣли сыпнымъ тифомъ, а 5 умерло. Изъ плѣнныхъ переболѣло 9.400 человѣкъ. Умерло болѣе 1.000. Передаваемыя лекарства почти всѣ были «эрзасы» (замѣстители). Ни одинъ нѣмецъ не подходилъ даже близко къ лагерю. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ

набрался храбрости и пріѣхалъ въ это царство смерти проф. Корнетъ. Когда онъ вошелъ въ лагерь, мы сразу думали, что это водолазъ. Онъ весь былъ покрытъ сплошнымъ резиновымъ мѣшкомъ съ двумя стеклами вмѣсто глазъ. Онъ пробылъ въ лагерѣ нѣсколько минутъ, но не ушелъ отъ своей судьбы и раздѣлилъ участь своего коллеги эпидеміолога. Только 2 іюня 1915 г. кончилась эта страшная эпидемія, начавшись въ ноябрѣ 1914 г. Солдаты были положительно голы. Они были безъ сапогъ, безъ шинелей и безъ бѣлья. Вшей была такая масса, что онѣ буквально сыпались съ потолка. Послѣ эпидеміи нѣмецкіе врачи придумали особый способъ дезинфекціи: они подвозили къ бараку паровикъ, пробуравливали въ стѣнкахъ дырку, вставляли туда кишку, и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ пускали паръ, несмотря на очевидную абсурдность всего предпріятія, такъ какъ баракъ былъ великъ и весь въ громадныхъ щеляхъ. Вши послѣ такой паровой ванны еще съ большимъ ожесточеніемъ набрасывались на плѣнныхъ. Отсюда меня отправили въ Тильзитъ, гдѣ я содержался почти въ тюремномъ режимѣ. Я могъ гулять только по небольшому дворику, не болѣе 50 кв. саж. Тамъ былъ нѣмецъ хирургъ, если не ошибаюсь, по фамиліи Кенцеръ, онъ учился оперировать на нашихъ плѣнныхъ и люди послѣ его операцій умирали десятками. Въ Бранденбургѣ я самъ заболѣлъ тифомъ, оставившимъ тяжелыя осложненія сперва въ видѣ пареза лѣвой половины тѣла, а затѣмъ атрофіи лѣвой половины лица и лѣваго зрительнаго нерва, и меня, какъ инвалида, неспособнаго къ работѣ, 14 октября 1915 г. отправили въ лагерь Штральзундъ для отсылки въ Россію, и вотъ уже апрѣль мѣсяцъ 1917 г., а я все жду этой отправки».

Докторъ Кухтевичъ, Михей Денисовичъ, Екатеринославъ, Романовская, 48, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«При взятіи въ плѣнъ у меня было ограблено положительно все. Я заявилъ объ этомъ какому-то нѣмецкому врачу. Тотъ набросился на меня съ кулаками и кричалъ: «Я тебѣ покажу грабежъ. Нѣмецкіе солдаты не грабятъ». Меня вмѣстѣ съ другими плѣнными погнали въ Алленштейнъ. Уже и до того я страдалъ экземой и совершенно не могъ ходить. Я просилъ нѣмецкаго врача разрѣшить мнѣ ѣхать на повозкѣ, объяснивъ, что я не могу идти. Онъ грубо отказалъ мнѣ. Я попробовалъ было идти, но пройдя съ 1/4 версты, убѣдился, что идти не въ состояніи. Тогда я категорически заявилъ врачу, что хотя бы онъ приказалъ меня разстрѣлять, но дальше я идти не могу, и только послѣ этого онъ разрѣшилъ мнѣ сѣсть

на повозку съ ранеными. Когда мы проходили черезъ мѣстечко, а дальше и черезъ Алленштейнъ, жители ругали насъ, подбѣгали къ нашей колоннѣ и плевали въ насъ. Въ этомъ издѣвательствѣ надъ нами самое дѣятельное участіе принимали женщины и дѣти. Въ Алленштейнѣ собралось около 100 врачей и офицеровъ. Насъ загнали въ спеціальный скотскій загонъ, гдѣ и продержали нѣсколько часовъ. Затѣмъ посадили въ вагоны, заперли насъ и черезъ сутки привезли въ Гаммерштейнъ. Въ пути ничего ѣсть не давали. Въ Гаммерштейнѣ насъ высадили и заставили почевать въ конюшнѣ съ навозомъ. На другой день насъ повезли въ Цондорфъ. Везли двое сутокъ запертыми въ вагонахъ и абсолютно ничего въ дорогѣ ѣсть не давали. Цондорфъ—это штрафной лагерь съ тюремнымъ режимомъ. Спали мы тамъ на полу, на соломѣ, вставать должны были въ 5 ч. утра. Мы сами должны были ходить за обѣдомъ. Въ уборную насъ выпускали только группами по 10—20 человѣкъ, при конвойномъ. Для этого, желавшій пройти въ уборную, долженъ былъ выйти изъ комнаты въ корридоръ и ждать пока не соберется группа, человѣкъ въ 10, которую и велъ конвойный. Если у кого было разстройство желудка, то ему предоставлялось право поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Въ уборной разрѣшалось оставаться только опредѣленное время, послѣ чего часовые выгоняли насъ оттуда. Бѣлье мы мыли сами. Нѣмцы не вѣрили намъ, что мы врачи, и 25 сентября устроили намъ экзаменъ. Лагерь Цондорфъ есть собственно старые форты, и мы помѣщались въ казематахъ подъ землей. Гулять мы могли только въ канавѣ между казематомъ и землянымъ валомъ, окружавшемъ послѣдній. Сырость была пронизывающая. Отношеніе самое жестокое и грубое. Пища настолько ничтожная, что лишь бы не умерли съ голода. Въ половинѣ ноября меня послали на работы въ солдатскій лагерь Штаргардтъ, въ провинціи Поммернъ. Тамъ было болѣе 11.000 русскихъ и 1.000 французовъ плѣнныхъ. Лагерь былъ устроенъ, очевидно, на бывшемъ свалочномъ мѣстѣ. Бараки были построены прямо на землѣ, и сквозь щели въ полу во многихъ баракахъ просачивалась какая-то жижа. Наръ не было и люди спали на этомъ грязномъ полу. Полагалось ¾ аршина на человѣка. Въ баракѣ помѣщалось по 125 человѣкъ. Среди плѣнныхъ до 10% спало безъ тюфяковъ, 50% не имѣло ни рубахъ, ни кальсонъ, не менѣе 20% были безъ шинелей. Одежда—одни лохмотья, ноги обматывались тряпками или были совершенно босыя. Плѣнные ходили, покрываясь одѣялами. Въ это время морозы достигали 5—10°. Въ лагерѣ была такая масса вшей, что онѣ буквально съѣдали

людей. Былъ, напр., студентъ московскаго коммерческаго института Г. Громадный крѣпкій мужчина, котораго вши заѣли настолько, что онъ не могъ уже стоять на ногахъ. Все его тѣло было покрыто ранами и расчесами, мѣстами проникающими черезъ всю толщу кожи. Раны кровоточили. Его одѣяло, которымъ онъ былъ покрытъ, казалось двигалось отъ милліардовъ ползущихъ по немъ вшей. Я помню, что у проф. Левашева въ Петроградѣ для научной цѣли было поручено обойти ночлежные дома и собрать вшивую одежду. У одного изъ обитателей ночлежекъ былъ найденъ пиджакъ, за воротникомъ котораго былъ сплошной слой вшей. По порученію профессора пиджакъ этотъ былъ купленъ, воротникъ вмѣстѣ со вшами былъ вырѣзанъ и хранится въ музеѣ при институтѣ. Мы всѣ тогда ужасались, смотря на этотъ пиджакъ, но то страшное и невиданное, съ чѣмъ столкнула насъ судьба въ высококультурной Германіи, превосходило всякую, даже больную, фантазію. Это не лагери плѣнныхъ, это какіе то сады пытокъ. Мы взяли несчастнаго студента, сожгли все, что на немъ было, съ невѣроятными трудностями обрили его и несмотря на страшную боль вымыли его всего зеленымъ мыломъ и уложили на совершенно чистую кровать. Къ нашему ужасу на другой день онъ опять былъ покрытъ вшами и только послѣ повторныхъ обмываній и перекладываній каждый разъ на чистую кровать намъ удалось освободить его отъ этихъ ужасныхъ паразитовъ. Очевидно, онѣ гнѣздились очень глубоко въ ранахъ, которыми былъ покрытъ несчастный. Онъ поправился. Насколько это былъ сильный человѣкъ, можно судить, по тому что послѣ «вшивой болѣзни» онъ перенесъ: холеру, брюшной тифъ, сыпной тифъ и дизентерію, и во время всѣхъ этихъ болѣзней онъ выглядѣлъ куда лучше, чѣмъ когда его поѣдали вши. Такихъ случаевъ много. Въ баракахъ было настолько холодно, что плѣнные жались къ желѣзной печкѣ, которая изрѣдка топилась, и какъ всякая небольшая желѣзная печка, она быстро накаливалась почти докрасна и такъ же быстро потухла. Плѣнные ходили, какъ я уже сказалъ, почти голые и у насъ появились невиданные до тѣхъ поръ массовые ожоги нѣкоторой части тѣла. Это происходило потому, что задніе, желая протолпиться къ печкѣ, толкались, и передніе обжигались о раскаленную печь.

Въ лагерѣ существовалъ спеціальный застѣнокъ, куда ежедневно собирали провинившихся и избивали ихъ кускомъ электрическаго кабеля, давая отъ 8 до 50 ударовъ. Сперва они рѣзали для этого розги и сѣкли розгами, но затѣмъ рѣшили, что не стоитъ портить деревьевъ, такъ какъ все равно, чѣмъ бы ни бить, лишь

человѣкъ былъ побитъ. Помимо этого, каждый конвойный имѣлъ палку, которую онъ могъ пускать въ дѣло, когда только хотѣлъ, и это нисколько не считалось за наказаніе. Не было дня, чтобы не было штыковыхъ раненій, были и подстрѣленные. Было много случаевъ смерти отъ раненія въ грудь и въ животъ. Если избитый палками или прикладами не вставалъ, то его обыкновенно прикалывали. Въ очень широкихъ размѣрахъ практиковалось привязываніе къ деревьямъ, причемъ привязывали такъ, чтобы лишить человѣка малѣйшей возможности двигаться. Обыкновенно послѣ двухчасового висѣнія, человѣкъ впадалъ въ обморочное состояніе, но вѣшали иногда и на 4 часа. Подвѣшиваніе было на воздухѣ и такъ, что человѣкъ стоялъ ногами на землѣ. Кромѣ того вѣшали внизъ головой на время отъ 15 до 20 и болѣе минутъ. Доктора Михайлова солдатъ безъ всякой причины избилъ прикладомъ. На нашу жалобу, комендантъ заявилъ, что врачи ничѣмъ не лучше солдатъ, а чтобы запугать насъ и прекратить наши жалобы на истязанія плѣнныхъ, онъ грозилъ намъ, что сорветъ съ насъ погоны и будетъ сѣчь и привязывать насъ къ столбамъ, какъ солдатъ. Въ лазаретѣ, когда мы пріѣхали, было около 300 больныхъ. Лазаретъ—это тѣ же лагерные бараки, и ѣда та же, что и въ лагеряхъ. До нашего пріѣзда лазаретомъ завѣдывалъ нѣмецъ-врачъ Винеръ, шефомъ лазарета былъ д-ръ Риттеръ, ухаживали за больными только три еврея санитара. Больныхъ было приблизительно 100 хирургическихъ и 200 внутреннихъ. Послѣдніе лежали всѣ вмѣстѣ, т. е. холерные, тифозные и съ другими болѣзнями. Больные лежали на полу, на тощихъ соломенныхъ тюфячкахъ. Нѣмецкіе врачи не заглядывали въ лазаретъ по 7 и болѣе сутокъ. Имѣющіеся три санитара ни въ коемъ случаѣ не могли справиться съ 300 больныхъ. Когда мы вошли въ лазаретъ, то увидѣли картины, которыя не поддаются никакому описанію. Несчастные страдальцы, больные тифомъ и холерой, буквально плавали въ своихъ испражненіяхъ. Мы энергично потребовали приведеніе лазарета хоть въ приблизительный порядокъ и принятія хоть какихъ-нибудь санитарныхъ мѣръ для борьбы со вшами и возможной эпидеміей, и только послѣ долгихъ и упорныхъ настояній намъ удалось добиться, что были доставлены передвижныя дезинфекціонныя камеры, и кое-какъ началась борьба со вшами. Наши опасенія оправдались. Вскорѣ вспыхнула страшная эпидемія сыпного тифа. Лагерь былъ совершенно не подготовленъ къ этому, такъ какъ привезенная дезинфекціонная камера ни въ коемъ случаѣ не могла удовлетворить нуждъ лагеря. Бани не было—былъ маленькій баракъ,

гдѣ плѣнные мылись, но для этого они должны были раздѣться въ другомъ баракѣ, пробѣжать голыми шаговъ 200—250 прежде чѣмъ попасть въ такъ называемую «баню», и изъ нея опять голыми пробѣжать въ третье помѣщеніе, гдѣ и одѣвались. Какое количество переболѣло тифомъ и сколько изъ нихъ умерло, я, къ сожалѣнію, сказать не могу, но переболѣло, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ третей всѣхъ обитавшихъ въ лагерѣ. Послѣ тифа у насъ разыгралась такъ называемая «колбасная» трагедія: плѣнныхъ кормили очень плохо. Мы и до сихъ поръ не понимаемъ, чѣмъ они, собственно говоря, жили. И вотъ эти несчастные люди, поѣдаемые вшами и перенесшіе ужасной тифъ, до того ослабѣли, что многіе не могли стоять на ногахъ. Появилось громадное количество съ отеками ногъ. Люди ходили какъ тѣни. Я не могъ больше смотрѣть на нихъ и устроилъ голодный бунтъ: я собралъ болѣе 600 человѣкъ съ отеками, едва стоявшихъ на ногахъ скелетовъ, хотя ихъ въ лагерѣ было не менѣе 2.000, и повелъ ихъ къ зданію комендатуры. Потребовалъ коменданта. Онъ отказался выйти, сказавъ, что занятъ. Я заявилъ, что не уйду съ людьми до тѣхъ поръ пока комендантъ не выйдетъ. Комендантъ вышелъ, и этотъ звѣрь не выдержалъ и, увидавъ приведенныхъ мною людей, сказалъ по-нѣмецки стоявшимъ тутъ офицерамъ: «Да, это трупы». Но это не помѣшало ему тотчасъ же броситься на меня съ кулаками, которыми онъ потрясалъ передъ самымъ моимъ носомъ, грозилъ, что онъ запоретъ меня, что онъ отдастъ меня подъ судъ, такъ какъ я бунтую плѣнныхъ. Онъ кричалъ, что эта «сволочь» получаетъ достаточно пищи и хлѣба и голодаетъ только потому, что продаетъ свой хлѣбъ. Однако, онъ сказалъ, что приметъ мѣры, чтобы подкормить этихъ «мошенниковъ» и прикажетъ каждому выдавать по полфунта колбасы, но чтобы они не смѣли ее продавать, они должны будутъ ежедневно приходить вмѣстѣ со своимъ хлѣбомъ къ комендантурѣ, гдѣ будутъ получать колбасу и должны будутъ тутъ же ее съѣдать. Прошло нѣсколько дней, но колбаса не выдавалась. Мы заявили шефу лазарета, что если колбаса не будетъ выдана, то мы откажемся отъ работы. Шефъ обѣщался уладить, давалъ честное слово, что все будетъ сдѣлано, но все оказалось обманомъ: колбасу, дѣйствительно, начали выдавать, но не 600 человѣкамъ и не по полуфунта, а 300 и не болѣе четверти фунта. Послѣ эпидеміи сыпного тифа въ лагерѣ вспыхнула настоящая эпидемія туберкулеза, иначе назвать мы ее не можемъ. Люди заражались туберкулезомъ съ невѣроятной легкостью, такъ какъ они были до крайности истощены. Ежедневно отъ туберкулеза умирало по 3—5 человѣкъ. Въ маѣ 1915 г. затихъ

тифъ, и нѣмцы стали отбирать на работы плѣнныхъ. Изъ 12.000 человѣкъ 2.500 едва ходили на ногахъ, а способныхъ къ работѣ, съ нѣмецкой точки зрѣнія, едва набралось 6—7 тысячъ. Были очень часты дни, когда умирало по 8 человѣкъ. Наконецъ, всѣхъ неспособныхъ къ работѣ отправляли въ Пархимъ. Я забылъ еще сказать, что нѣмцами въ лагерѣ практиковалась особая забава—травля собаками. Дѣло въ томъ, что почти при каждомъ лагерѣ плѣнныхъ имѣются спеціально дрессированныя собаки для поимки бѣглецовъ. Эти собаки отличались своей свирѣпостью и по виду очень напоминали нашихъ небольшихъ степныхъ волковъ. Нѣмцы для забавы-ли или для дрессировки собакъ входили иногда въ блокъ съ 4 собаками и внезапно издавъ какой-то крикъ пускали ихъ. Собаки бросались на беззащитныхъ людей и рвали ихъ. Нѣмцы атукали и гоготали. Передъ нашими глазами воскресали картины изъ временъ Нерона. Въ лазаретъ постоянно поступали несчастные съ вырванными кусками мяса и покусанными лицами. Фамилія коменданта лагеря была Рейшъ или Репшъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ лагерь пріѣхала сестра Казенбекъ. Мы разсказали ей все. Въ результатѣ все осталось по старому. Оффиціальныя наказанія, которымъ подвергались наши плѣнные, очень часто, совершенно безъ всякой вины съ ихъ стороны, были слѣдующія: избіеніе резиной, битье прикладами, колотье штыками, перетаскиваніе съ мѣста на мѣсто опредѣленное число разъ кучи большихъ тяжелыхъ камней, заковываніе въ кандалы рукъ и ногъ съ непремѣннымъ условіемъ ходить скованнымъ по лагерю, заходить въ бараки скованные не смѣли, а равно не смѣли останавливаться, подвязываніе къ столбамъ съ ногами на землѣ, подвязываніе въ висячемъ видѣ на воздухѣ, подвязываніе внизъ головой, карцеръ и голодъ. Битье палками, какъ я уже сказалъ, не считалось за наказаніе. Въ концѣ марта 1915 г. у насъ скопилось въ лагерѣ довольно значительное количество русскихъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Сперва на нихъ не обращали никакого вниманія и посылали всѣхъ на работу, такъ что это были случайно оставшіеся по болѣзни и другимъ причинамъ. Теперь же ихъ почему-то позвали въ комендатуру и потребовали, чтобы они подписались въ томъ, что они желаютъ добровольно отправиться на работу. Причины не объяснили. Унтеръ-офицеры отвѣтили, что такое требованіе ихъ удивляетъ, такъ какъ они до сихъ поръ никогда отъ работъ не отказывались, и теперь, хотя и не отказываются отъ исполненій приказаній коменданта, но подписать бумагу не желаютъ. За отказъ отъ подписки начались истязанія. Съ 6 час. утра и до 6—7 час.

вечера ихъ подвергали «ученію», которое состояло въ томъ, что они должны были, по командѣ бѣжать, ложиться, вставать, опять бѣжать, итти шагомъ и т. д., причемъ тѣхъ, кто не исполнялъ быстро команды, немедленно избивали. Унтеръ-офицеры обратились ко мнѣ. Я написалъ бумагу на имя испанскаго посла и послалъ ее въ комендатуру. Комендантъ сказалъ, что въ бумагѣ я написалъ ложь, но, тѣмъ не менѣе, унтеръ-офицеровъ стали гонять, уже въ другомъ мѣстѣ, «чтобы врачи не видѣли», какъ сказалъ лейтенантъ. Въ это время пріѣзжали въ лагерь представители швейцарскаго правительства. Я при комендантѣ разсказалъ имъ все. Комендантъ заявилъ, что это ложь. Я предложилъ тогда спросить стоявшихъ тутъ же унтеръ-офицеровъ. Представители ничего на это не сказали. Вскорѣ большую часть унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей куда-то услали и въ лагерѣ оставили изъ нихъ человѣкъ 30, которыхъ гоняли еще недѣли двѣ. Сестра, уѣзжая изъ лагеря, оставила мнѣ 800 марокъ для выдачи въ видѣ вспомоществованія плѣннымъ, кромѣ того, стали приходить подарки. Я просилъ коменданта разрѣшить выбрать комиссію изъ плѣнныхъ. Онъ отказалъ и потребовалъ выдать деньги, сказавъ, что онъ самъ ихъ раздастъ. Я заявилъ ему, что деньги переданы мнѣ, а потому мною и будутъ розданы. Тогда онъ назначилъ комиссію изъ плѣнныхъ, близко стоявшихъ въ комендатурѣ. Я боролся съ этой комиссіей какъ могъ: задерживалъ раздачу подарковъ, протестовалъ, писалъ жалобы и т. д. Въ это время къ намъ пріѣхалъ пасторъ Николе изъ Бернскаго комитета, и я не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ удивительно сердечномъ и добромъ человѣкѣ. Мы всю жизнь не забудемъ его. Онъ въ высшей степени внимательно отнесся къ намъ, утѣшалъ и успокаивалъ насъ какъ могъ. Онъ принялъ въ насъ полное участіе, выслушалъ всѣ наши жалобы на истязательства и, благодаря его переговорамъ съ комендантомъ, замѣтно было временное улучшеніе въ положеніи плѣнныхъ, а мнѣ разрѣшено было выбрать комиссію, но не иначе, какъ изъ фельдфебелей и подпрапорщиковъ. Всякія увеселенія въ лагерѣ были воспрещены, хотя въ лагерѣ былъ полный русскій оркестръ съ инструментами, взятый въ плѣнъ. Онъ игралъ только одинъ разъ на Рождество 1916 г.; впрочемъ, намъ было не до развлеченій и музыки въ этомъ морѣ страданій. Къ концу 1916 г. намъ разрѣшили устроить театръ, но играть и смотрѣть было некому, такъ какъ въ лагерѣ оставались только калѣки, не болѣе 500—600 человѣкъ, все же способное не только работать, но просто ходить, было выслано на работу. Мной же въ лагерѣ была устроена школа.

Работы внѣ лагеря, по градаціямъ ихъ тяжести, можно раздѣлить на: 1) работы у крестьянъ, 2) у помѣщиковъ, 3) на фабрикахъ и заводахъ и 4) общественныхъ и казенныхъ работъ (осушка болотъ, проведеніе желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ). Общая характеристика такихъ работъ будетъ правильна, если я скажу, что тамъ процвѣталъ полнѣйшій произволъ, безконтрольное самоуправство нѣмецкихъ солдатъ, поставленныхъ надсмотрщиками за партіями плѣнныхъ, голодъ, отсутствіе посылокъ и подарковъ изъ Россіи, отсутствіе медицинской помощи, отвратительныя помѣщенія, сплошь и рядомъ темныя, холодныя и сырыя. Плѣнные работали почти всѣ въ деревянныхъ колодкахъ вмѣсто сапогъ. Поэтому очень часты были случаи отмороженія ногъ. Съ отмороженными конечностями плѣнные лежали по конюшнямъ, подваламъ и сараямъ на такихъ работахъ по 9 и болѣе сутокъ. Его избивали какъ симулянта и только послѣ всѣхъ этихъ истязаній привозили въ лазаретъ, гдѣ ему приходилось отрѣзать ноги. Хуже всего приходилось на такихъ работахъ нашимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. Надъ ними спеціально издѣвались. Я уже говорилъ, что когда мы пріѣхали въ лагерь и увидѣли, что тамъ дѣлается, то потребовали, чтобы, во-первыхъ, былъ приведенъ въ порядокъ лазаретъ, чтобы была хоть какая-нибудь возможность работать тамъ, во-вторыхъ, чтобы было прекращено избіеніе плѣнныхъ и въ третьихъ, чтобы была прекращена травля собаками. Мы заявили, что если эти наши требованія не будутъ исполнены, мы отказываемся отъ работы. Комендантъ отвѣтилъ—если мы будемъ вмѣшиваться въ дѣла насъ не касающіяся и не будемъ исполнять приказаній, то съ насъ снимутъ погоны и будутъ поступать какъ съ солдатами, т. е. привязывать къ столбу и сѣчь. Мы отвѣтили ему, что живыми не дадимся, и отказались отъ работъ. Пришелъ докторъ Рихтеръ и сталъ уговаривать насъ, давалъ чесное слово, что всѣ «недоразумѣнія» будутъ улажены. Жалѣя несчастныхъ солдатъ, мы соглашались на работу. Спустя нѣкоторое время произошло разсказанное мною, избіеніе д-ра Михайлова. Мы опять отказались отъ работъ, опять Рихтеръ уговаривалъ насъ и давалъ свое честное слово, но его честныя слова были сплошной гнусной ложью. Такихъ исторій было много. Мы на каждомъ шагу подвергались оскорбленію, глумленію и униженію. Всегда оскорбленія проходили совершенно безнаказанно для оскорбляющихъ насъ. Мы протестовали сколько могли, писали жалобы коменданту, въ Берлинъ, въ испанское посольство, но все это оставалось только гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ, и мы, жалѣя несчастныхъ плѣнныхъ, продолжали ра-

ботать подъ этимъ постояннымъ гнетомъ униженія всякаго нашего человѣческаго достоинства. Мнѣ, какъ старшему, влетало всегда больше всѣхъ. Комендантъ придумывалъ особые способы, чтобы, какъ казалось ему, еще больше унизить меня. Онъ выстраивалъ команды всего лагеря, вызывалъ меня къ нимъ и при нихъ ругалъ меня, грозилъ столбомъ и поркой, если буду вмѣшиваться «не въ свое дѣло». Конечно, это имѣло только обратное вліяніе. Комендантъ постоянно повторялъ мнѣ, что я обязанъ только лечить и исполнять приказанія. Былъ, напримѣръ, такой случай: изъ Берлина прислали ящикъ спеціально провокаціонной литературы. Объ этомъ мнѣ письменно сообщили солдаты. Я пошелъ въ комендатуру, не засталъ тамъ никого и, выйдя, сказалъ стоявшимъ тутъ же нѣсколькимъ русскимъ солдатамъ, чтобы они передали въ лагерь мой совѣтъ—книгъ этихъ пока не брать. На другой день былъ выстроенъ лагерь, причемъ комендантъ вызвалъ меня, ругалъ и грозилъ, что отдастъ меня подъ судъ. Три моихъ товарища и священникъ Милоглазовъ подали ему письменное заявленіе, что они просятъ и ихъ отдать подъ судъ, ибо я ничего не предпринимаю безъ ихъ вѣдома и одобренія. По этому поводу пріѣзжалъ нѣмецкій генералъ Гольцъ, много говорилъ и, въ концѣ концовъ, заявилъ, что на первый разъ онъ милостиво прощаетъ насъ. Я отвѣтилъ, что мы въ милости не нуждаемся, а требуемъ суда и справедливости. Гольцъ уѣхалъ, но подъ судъ насъ не отдали. Въ августѣ 1915 г. привезли изъ подъ Пултуска и Остроленки нашихъ раненыхъ. Эти несчастные по 30 сутокъ не перевязывались. Я раньше никогда не думалъ, чтобы черви въ ранахъ могли достигать такихъ громадныхъ размѣровъ. Ни одного плѣннаго не было безъ червей. Истощены они были до крайнихъ предѣловъ. Необходимыя операціи пришлось отложить, чтобы дать больнымъ возможность хоть немножко собраться съ силами. Я забылъ еще сказать, что въ лазаретѣ умершіе по нѣсколько дней лежали съ живыми.

«Въ концѣ 1916 года я обратился съ просьбой къ коменданту, чтобы вольноопредѣляющіеся и солдаты изъ интеллигенціи не посылались бы на тяжелыя работы, которыхъ они не знаютъ и къ нимъ не привыкли, а что если посылать ихъ, то на работы къ крестьянамъ. Комендантъ отвѣтилъ мнѣ, что министерство именно ихъ и приказало посылать на самыя тяжелыя работы. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Штральзундъ этотъ же комендантъ цинично говорилъ мнѣ: «Я, собственно, люблю русскихъ, но что подѣлаешь, министерство приказываетъ надавить, мы придавимъ, прикажетъ отпустить—мы отпустимъ. Мы—люди маленькіе». Деньги у насъ сыпались, какъ

изъ дыряваго мѣшка. Приходилось тайкомъ черезъ третьи и пятыя руки покупать провизію и подкармливать несчастныхъ больныхъ. Удавалось покупать яйца, молоко, маргаринъ за неимѣніемъ въ Германіи масла, и сахаръ. Все обходилось бѣшено дорого. Ту пищу, которую мы покупали, мы варили больнымъ сами, тайкомъ въ своихъ комнатахъ, а такъ какъ казеннаго угля у насъ не хватало, то за взятку мы покупали добавочный. Затѣмъ намъ удалось подкупить лазаретную кухарку, и варила она. Былъ нѣмецкій солдатъ, который заявилъ намъ, что онъ «соціалистъ», врагъ войны. Онъ много покупалъ намъ, хотя черезъ него покупки обходились намъ не дешевле, чѣмъ черезъ нѣмцевъ не «соціалистовъ», но все-таки онъ пользовался у насъ большимъ довѣріемъ, ибо не кралъ денегъ, какъ это дѣлали нѣкоторые другіе—взявъ деньги, гдѣ-то исчезали вмѣстѣ съ ними. Докторъ Прѣсновъ далъ какъ-то этому «соціалисту» 100 руб. (русскими деньгами) на покупки, такъ какъ не было мелочи, а нѣмецкаго жалованья у насъ никогда не хватало. «Соціалистъ» скрылся вмѣстѣ съ деньгами. Оказалось, что онъ бѣжалъ и былъ пойманъ уже на пароходѣ въ Штеттинѣ, намѣреваясь отплыть въ Швецію. Онъ былъ приведенъ назадъ въ лагерь, но мы, конечно, не могли заявить, что этотъ нѣмецкій «соціалистъ» похитилъ наши 100 р. Изъ жалованья нашего не только ничего не оставалось, но уходили всѣ наши русскія деньги—послѣднее наше жалованье на фронтѣ— у кого они не были ограблены при взятіи въ плѣнъ. Отсюда я былъ высланъ въ лагерь Штральзундъ для обмѣна въ Россію».

Для доказательства существовавшихъ порядковъ въ описанныхъ выше лагеряхъ я привожу два документа: 1) Приказъ комендатуры въ лагерѣ Шнейдемюле отъ 26 февраля 1915 года и 2) второй приказъ этой же комендатуры, отданный спеціально русскимъ врачамъ. Копія перваго приказа у меня имѣется на нѣмецкомъ языкѣ, и я привожу ее въ отдѣлѣ приложеній, а здѣсь сообщаю переводъ ея, дословно списанный съ подлинника, какъ онъ былъ присланъ изъ комендатуры въ лагерь русскимъ врачамъ для руководства. Отъ второго документа нѣмецкаго текста у меня нѣтъ, а имѣется только копія приказа на русскомъ языкѣ.

Первый документъ:

«Командирный наказъ 26/II/15.

«Для вынужденія въ лагерѣ нужной дисциплины далъ я дозволеніе русскимъ врачамъ и фельдфебрамъ по русскимъ обыкновенію палки или ханайки прислуживаться. Я хочу увидѣть не будетъ ли возможно безъ такихъ средствъ обойтиться, и наказываю теперь, чтобы

русскіе врачи и фельдфебры только въ такомъ случаѣ палки или ханайки прислуживались, чтобы опасаться отъ собственной напасти отъ плѣнныхъ. Въ случаѣ дисциплинарныхъ прекроченій плѣнныхъ должно отъ госп. лагерному офицеру или герм. лагернымъ фельдфебрамъ переведены быть. Упрямыя плѣнные могутъ отъ фельдфебровъ вязаны ведены быть. Я ожидаю что госп. фельдфебрамъ безъ палки возможно будетъ порядокъ въ ротахъ держать, особенно черезъ средство вязанія покорность добыть».

На документѣ подписи нѣтъ.

Повторяю, что переводъ этотъ прилагался при нѣмецкомъ текстѣ приказа и переписанъ мною дословно въ присутствіи многихъ изъ моихъ товарищей.

Второй документъ, который былъ присланъ, какъ я уже сказалъ, безъ нѣмецкаго текста, только на русскомъ языкѣ, заключалъ въ себѣ слѣдующее:

«Съ изумленіемъ я узналъ, что русскіе врачи неоднократно позволяли себѣ не отдавать чести герм. офицерамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего неоднократно тѣ первые отдавали имъ честь. Я ожидаю, что впредь русскіе врачи первые будутъ отдавать честь герм. должностнымъ лицамъ, къ коимъ относятся: герм. лагерные фельдфебеля и замѣстители офицерскихъ должностей, а равно и находящіеся на должности унтеръ-офицера, дабы мнѣ не пришлось прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, не совсѣмъ удобнымъ по отношенію къ врачамъ. Въ равной мѣрѣ врачи должны безпрекословно исполнять требованіе всѣхъ находящихся въ караульномъ нарядѣ нижнихъ чиновъ.

Комендантъ».

И на этомъ документѣ подписи нѣтъ.

Какъ нѣмецкія врачебныя власти въ научныхъ докладахъ и статьяхъ объясняли публикѣ вспыхнувшія въ лагеряхъ эпидеміи и распространеніе ихъ внѣ лагерей, можетъ служить доказательствомъ копія со слѣдующей статьи:

Статья завѣдующаго медицинскою частью военнаго министерства въ Берлинѣ, помѣщенная въ «Журналъ для усовершенствованія врачей». Органъ практической медицины, подъ ред. проф. С. Адамъ, въ Берлинѣ.

Въ этой статьѣ авторъ сперва говоритъ о транспортѣ, о борьбѣ съ газами и т. д., практикующимися въ германской арміи. Затѣмъ переходитъ къ вопросу о плѣнныхъ и пишетъ слѣдующее:

«Почти въ двухъ пятыхъ всѣхъ существующихъ лагерей мы имѣли эпидеміи холеры, сыпного тифа и возвратной лихорадки— оспы было всего 6 случаевъ. Я долженъ указать, что каждому прибывающему въ нашъ лагерь плѣнному дѣлаютъ прививки оспы, тифа и холеры. Въ нашихъ лагеряхъ устроены повсюду дезинфекціонныя камеры, а также очистительные души, подъ которыми еженедѣльно омываются плѣнные, причемъ вещи ихъ дезинфецируются въ вышеозначенныхъ камерахъ посредствомъ пара и горячаго воздуха. Съ тѣхъ поръ, какъ эта мѣра проводится строго, мы почти избавились отъ сыпного тифа. Я считаю большимъ успѣхомъ то, что сыпной тифъ изгнанъ изъ лагерей для военноплѣнныхъ. Къ сожалѣнію, при проведеніи этихъ мѣръ былъ рядъ случаевъ заболѣванія со смертельныхъ исходомъ среди санитаровъ и нѣмецкихъ врачей. Заболѣло 24 человѣка сыпнымъ тифомъ, изъ которыхъ 14 умерло, т. е. 55%. Бросается въ глаза, что смертность среди плѣнныхъ была значительно меньше, и что изъ русскихъ врачей, изъ которыхъ заболѣло шесть, умеръ только одинъ. Среди нѣмецкаго караула былъ тоже рядъ всевозможныхъ заболѣваній, а именно: одинъ случай холеры, 4 случая возвратной лихорадки, и что ужасно, 215 случаевъ сыпного тифа со смертностью 18, 1% смертельныхъ случаевъ противъ 7,8% у русскихъ. Чѣмъ объяснить такую разницу въ заболѣваніяхъ и смертности? Здѣсь надо имѣть въ виду условія лагерной жизни. Русскіе, соприкасаясь съ нѣмецкимъ карауломъ, легко сближались съ нимъ, подбрасывали имъ вещи, наполненныя вшами. Видѣли также, что плѣнные, наполняя пустыя гильзы отъ папиросъ вшами, выдували этихъ вшей изъ гильзъ на проходящихъ нѣмецкихъ солдатъ. Все это было наблюдаемо... То же самое можно сказать и о передачѣ заразы на германское населеніе. Насколько я могъ установить, среди населенія за это время было 42 случая холеры, 22 случая сыпного тифа, 1 случай возвратной лихорадки и 12 заболѣваній оспой. Я думаю, что и здѣсь были тѣ же условія передачи заразы, какъ и въ лагеряхъ».

Статья эта кончается восхваленіемъ нѣмецкой санитарной организаціи и энергіи нѣмецкихъ врачей, благодаря чему эпидеміи быстро прекратились.

Вотъ какимъ образомъ завѣдывающій медицинскимъ отдѣломъ при военномъ министерствѣ въ Берлинѣ объясняетъ сперва въ научномъ докладѣ, а затѣмъ въ печатной статьѣ медицинскаго журнала появленіе и распространеніе эпидемій въ лагеряхъ и переносъ этихъ эпидемій въ населеніе Германіи.

Списокъ русскихъ врачей, погибшихъ во время эпидеміи въ лагеряхъ плѣнныхъ въ Германіи.

Лагерь Бранденбургъ.

1. Скибневскій, Александръ Михайловичъ, Тула, Волкова ул., домъ Протопопова.
2. Ротвандъ, Стефанъ, Лодзь, 24-го пѣх. полка.
3. Снаровскій, Семенъ Александровичъ, старшій врачъ Кексгольмскаго полка.
4. Буйновскій, Алексѣй Алексѣевичъ.
5. Завадскій.

Лагерь Котбусъ.

6. Хоролъ, вольнопракт. врачъ въ гор. Кіевѣ.
7. Нейманъ.
8. Семеновъ, Василій Ивановичъ, врачъ-психіатръ Орловскаго земства.
9. Веревитиновъ.
10. Бриккеръ.

Лагерь Шнейдемюлэ.

11. *Дудичъ* *).
12. Таргуловъ, Гавріилъ Герасимовичъ, врачъ московской акушерской клиники проф. Черниховскаго.

Лагерь Виттенбергъ.

13. Платоновъ, старшій врачъ 21-го Муромскаго полка.
14. Богдановичъ, Вячеславъ, земскій врачъ Виленской губерніи.
15. Семеновичъ, земскій врачъ Московской губ.

Лагерь Тухель.

16. *Харламовъ* *).
17. Херасковъ, Константинъ Михайловичъ, членъ управы Брянскаго уѣзднаго земства.

Лагерь Герлицъ.

18. Грухольскій, гражданскій плѣнный, врачъ изъ занятыхъ областей.

---

*) Фамиліи подлѣ которыхъ стоятъ звѣздочки (*) не могли быть точно установлены мною, а потому прошу отнестись къ нимъ съ большой осторожностью.

Лагерь Лангельзальцъ.

19. Сивицкій, Леонидъ Прохоровичъ, млад. врачъ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка.

Въ занятыхъ нѣмцами областяхъ Царства Польскаго и Литвы.

20. Твердохлѣбовъ, Георгій Васильевичъ, сел. Шиповатое, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ.

21. Никольскій, Вячеславъ Александровичъ, военный врачъ крѣпости Ивангородъ.

22. Шабертъ, вольнопрактикующій врачъ изъ гор. Риги.

23. Яржинскій, старшій ординаторъ второго крѣпостного госпиталя крѣпости Ново-Герогіевскъ.

Лагерь Арисъ.

24. Шмеманъ, вольнопрактикующій врачъ гор. Петрограда.

Неизвѣстно гдѣ, по свѣдѣніямъ поручика Райковскаго, погибъ:

25. Козьминъ, Александръ Ивановичъ, старш. врачъ лейбъ-гвардіи стрѣлковаго полка.

Кромѣ того, въ лагерѣ Лангельзальцъ умерли отъ сыпного тифа:

1. Киманъ, Иванъ Яковлевичъ, смотритель лазарета 27-й пѣхотной дивизіи, родомъ изъ Риги.

2. Свеколникъ, чиновникъ санитарнаго вѣдомства.

При взятіи въ плѣнъ были убиты:

1. Микѣшинъ, старш. врачъ 1-го Невскаго полка.

2. *Арбузовъ*)*, Петръ Петровичъ, врачъ 85-го пол. подвижного госпиталя, въ бою при мѣстечкѣ Едвабно (Вост. Пруссія).

3. Неизвѣстный врачъ, очевидцемъ его смерти былъ корпусный врачъ Бутягинъ.

Въ лагерѣ Мерцдорфъ, въ маѣ 1915 года лишилъ себя жизни изъ-за безконечныхъ преслѣдованій нѣмцевъ, возводившихъ на него самыя невѣроятныя обвиненія, перерѣзавъ себѣ горло бритвой:

1. Дебольскій, Иванъ Дмитріевичъ, врачъ-психіатръ Преображенской больницы въ Москвѣ.

Въ борьбѣ съ эпидеміями заразились и болѣли слѣдующіе русскіе врачи:

Въ лагерѣ Бранденбургъ:

1. Ридель, Эмилій Вильгельмовичъ.
2. Скрыдловъ, Николай Николаевичъ.
3. Харитоновъ, Михаилъ Федоровичъ.
4. Винскій, Иванъ Мартыновичъ.
5. Лазовъ, Николай Григорьевичъ.
6. Михайловъ, Михаилъ Павловичъ.
7. Никифоровскій, Петръ Михайловичъ.
8. Евдокимовъ.
9. Саковниковъ, Евгеній Васильевичъ.
10. Ланзбергъ.
11. Быховскій, Лазарь.
12. Сатурновъ, Николай Михайловичъ.
13. Хлѣбниковъ, Борисъ Лаврентьевичъ.
14. Розенъ, Самуилъ.
15. Левитъ, Исаакъ.
16. Шмидтъ, Николай Густавовичъ.
17. Выгановскій, Янъ.
18. Заремба.
19. Мантрашекъ.
20. Ольшевскій, Леонъ-Воцлавъ Брониславовичъ
21. Юстманъ, Людвигъ Сигизмундовичъ.
22. Мишкинъ.
23. Гольдвассеръ.
24. Любчинскій.
25. Толеровъ, Николай.
26. Гордѣевъ, Михаилъ Васильевичъ.
27. Лоскутниковъ, Николай Николаевичъ.
28. Селезневъ, Алексѣй Владиміровичъ.
29. Станевичъ, Павелъ Эмериковичъ.
30. Файнбергъ.
31. Грабовскій, Стефанъ Александровичъ.
32. Цибульскій.
33. Баженовъ, Семенъ.

Въ лагерѣ Котбусъ:

34. Савенковъ, Викторъ Петровичъ.
35. Красновъ, Михаилъ Никитичъ.

36. Дорошевичъ, Николай Александровичъ.
37. Горкеръ.
38. Стерлингъ, Стефанъ Станиславовичъ.
39. Рыжковъ, Михаилъ Ивановичъ.
40. Іойлевъ, Иларій Гавриловичъ.
41. Кожевниковъ, Николай Васильевичъ.
42. Крыловъ, Николай Ивановичъ.
43 Анспахъ.
44. Дейбнеръ.
45. Зарифьянцъ, Эммануилъ Христофоровичъ.
46. Карлинскій.
47. Сцибіоръ, Александръ.
48. Рекляйтисъ, Петръ Мартыновичъ.
49. Цербржинсцій, Владиславъ Брониславовичъ.
50. Кудрявцевъ, Дмитрій Герасимовичъ.
51. Жабко-Потаповичъ.
52. Бутягинъ, Николай Васильевичъ (корпусный врачъ).

Въ лагерѣ Шнейдемюлэ:

53. Романцевъ, Николай Ивановичъ.
54. Азбелевъ, Викторъ Николаевичъ.
55. Блюменталь, Николай Леонтьевичъ.
56. Валуйскій, Тихонъ Мелитоновичъ.
57. Дмитріевъ, Александръ Аристарховичъ.
58. Годинъ, Сергѣй Григорьевичъ.
59. Маргулліисъ.
60. Покровскій, Владиміръ Васильевичъ.
61. Свиридовъ, Василій Никифоровичъ.
62. Теръ-Арутюновъ.
63. Абрамовичъ.
64. Дангуловъ, Моисей Григорьевичъ.
65. Ивановъ, Борисъ Михайловичъ.
66. *Дудичъ* *).
67. Пожарійскій.

68. Власовъ, зауР.-врачъ Юрьевскаго университета. Онъ былъ раненъ въ лагерѣ нѣмецкимъ солдатомъ въ ногу выстрѣломъ изъ ружья. Въ виду постоянныхъ преслѣдованій, онъ отказался отъ работы, за что нѣмцы лишили его покровительства Женевской конвенціи и держали какъ плѣннаго солдата, подвергая его всѣмъ репрессіямъ, которыя они примѣняютъ къ солдатамъ. Не будучи

въ силахъ вынести этихъ истязаній, онъ покушался на самоубійство. но во время былъ вынутъ изъ петли. Судьба его въ настоящее время намъ неизвѣстна.

Въ лагерѣ Лангельзальцъ:

69. Керсновскій, Витольдъ.
70. Коссовъ, Борисъ Павловичъ.
71. Ступель, Сергѣй.
72. Абрамовъ-Трапезонцевъ.
73. Разсказовъ Алексѣй Григорьевичъ.
74. Бекманъ.

Въ лагерѣ Кобринъ:

75. Селезневъ, Константинъ Зиновьевичъ.

Въ лагерѣ Тухель:

76. Мещерскій, Иванъ Максимовичъ.
77. Бутягинъ, Виталій Николаевичъ, 222-го Краснинскаго полка.
78. Дмитріевъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

Въ лагерѣ Виттенбергъ:

79. Березинъ, Тихонъ Сергѣевичъ.
80. Дудревичъ, Констаптинъ Львовичъ.
81. Шалабутовъ, Константинъ Васильевичъ.
82. Красновскій, Василій Антоновичъ.
83. Арнольдовъ, Евгеній.
84. Цивьянъ.
85. Лимпанъ, Максъ.

Въ лагерѣ Гарделегенъ:

86. Шафира, Эммануилъ.
87. Васильевъ, Василій.
88. Крейслеръ.

Въ лагерѣ Люгумъ-Клостеръ:

89. Мальчевскій, Евстафій Ивановичъ.
90. Разумовъ.

В лагерѣ Арис:

91. Липец.

В лагерѣ Пруссиш-Голланд:

92. Бридицкій, Цезарій Францевич.

В лагерѣ Альтдам:

93. Березкин, Дмитрій Петрович.

В лагерѣ Ортдруф:

94. Сербин, Евгеній Платонович.

В лагерѣ Штаргардт:

95. Прѣснов, Сергѣй Платонович.

В лагерѣ Неугамер:

96. Колоднер.
97. Пюрро (Піоро).

В лагерѣ Альтенграбов:

98. Поспѣлов, Давид Иванович.

В лагерѣ Гайльсберг:

99. Соколов, Петр Николаевич.

В мѣстностях Царства Польскаго, занятых нѣмцами.

Сувалки:

100. Онуфріев.
101. Бѣлоголовов, Николай Васильевич.
102. Гедройц, Алексѣй Каэтанович.
103. Базилевич, Михаил Петрович, послѣдніе три заразились при операціях (гнойным воспаленіем) в виду невозможных условій, при которых приходилось оперировать раненых.

В Вержболово:

104. Судакова, женщина-врач 189-го санитарн. поѣзда.

В Калишѣ:

105. *Арбузозев* *), Александр Леонтьевич.

Ранены при взятіи въ плѣнъ были слѣдующіе врачи:

1. Залкиндъ, Левъ Моисеевичъ (въ ягодицу).

2. Мирошниковъ, Степанъ Исидоровичъ (въ локоть пулей).

3. Исаакіанцъ, Гарегинъ Абрамовичъ, пулей въ животъ. Въ хату, гдѣ былъ перевязочный пунктъ (подлѣ гор. Танненбургъ), вошелъ нѣмецкій солдатъ, увидалъ доктора И. и потребовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ хаты, пригрозивъ, что въ противномъ случаѣ убьетъ его. Въ хатѣ были мѣстные жители. Докторъ И. вышелъ изъ хаты, но не успѣлъ переступить порога, какъ нѣмецъ выстрѣлилъ ему въ животъ. Онъ очень долго болѣлъ, оправился и былъ отосланъ нѣмцами въ лагерь Штральзундъ для обмѣна, но оставленъ ими въ Германіи.

Я долженъ замѣтить, что свѣдѣнія эти собирались мною среди 75 врачей, свезенныхъ нѣмцами въ мартѣ —маѣ 1917 года въ лагерь Штральзундъ, якобы для обмѣна. Они являются далеко не полными, такъ какъ обнимаютъ собой только 14 лагерей, въ то время какъ всѣхъ лагерей въ Германіи насчитывается около 150. По свѣдѣніямъ же завѣдывающаго медицинской частью при военномъ министерствѣ въ Берлинѣ, приведеннаго мною выше, эпидеміи захватили $^2/_5$ лагерей, т. е. не менѣе 60. Принимая на вѣру опубликованный германскимъ правительствомъ лѣтомъ 1916 года отчетъ о количествѣ русскихъ плѣнныхъ, дающій цифру 1.600.000 и допуская приблизительно равномѣрное распредѣленіе плѣнныхъ по лагерямъ (на самомъ дѣлѣ, эпидеміи захватили лагеря съ наибольшимъ населеніемъ), мы получимъ, что въ 60 лагеряхъ, гдѣ свирѣпствовали тифъ и холера, находилось 640.000 плѣнныхъ. Далѣе, принимая во вниманіе тѣ своеобразные способы борьбы съ эпидеміями въ лагеряхъ, къ которымъ прибѣгало нѣмецкое правительство и вѣдающая этимъ отдѣломъ высшая медицинская власть—полное изолированіе отъ внѣшняго міра здоровыхъ вмѣстѣ съ больными и предоставленіе ихъ на волю судьбы—нужно исчислять болѣвшихъ въ этихъ лагеряхъ минимумъ въ 400—500 тысячъ человѣкъ, а жертвъ, которыхъ потребовали эти эпидеміи минимумъ въ 75.000 человѣкъ, что вполнѣ согласуется съ показаніями врачей, пережившихъ всѣ ужасы этихъ эпидемій.

То же самое относится и къ русскому санитарному персоналу, задержанному нѣмцами въ плѣну. Всѣхъ врачей въ плѣну было 800, они, если опять-таки допустить приблизительно равномѣрное ихъ распредѣленіе (на самомъ дѣлѣ, въ лагеряхъ, гдѣ было больше плѣн-

пныхъ, и были эпидеміи, нѣмцы собирали и больше врачей), то нужно считать, что въ 60 лагеряхъ, захваченныхъ сыпнымъ тифомъ, находилось не менѣе 320 врачей (въ дѣйствительности ихъ нужно считать не менѣе 500 человѣкъ), а заболѣваемость среди нихъ, равняясь 50%, захватила не менѣе 160 человѣкъ, на самомъ же дѣлѣ, ихъ было гораздо больше. Смертность среди врачей равнялась 25—30%, слѣдовательно погибшихъ въ этой непосильной борьбѣ съ эпидеміей нужно считать не менѣе, какъ 100 человѣкъ.

Такимъ образомъ, цифры, приведенныя въ изложенной мною выше статьѣ, завѣдывающаго медицинскимъ отдѣломъ военнаго министерства въ Берлинѣ, а равно и цифры, приводимыя въ выдержкѣ изъ германской радіотелеграммы (см. приложеніе) невѣрны.

Не нужно забывать, что нѣмецкими профессорами и врачами былъ діагностированъ сыпной тифъ только тогда, когда онъ уносилъ въ могилу уже тысячи жертвъ, и когда нѣкоторые нѣмецкіе врачи и профессора заплатили собственной жизнью за увѣренность въ свою непогрѣшимость и въ невѣжество русскихъ врачей. Въ той же выдержкѣ изъ радіотелеграммы вы читаете: «Послѣ того, какъ было установлено, что платяная вошь переноситъ заразу, германскимъ изслѣдователямъ удалось быстро найти способъ борьбы съ сыпнымъ тифомъ». Другими словами, то, что обязанъ былъ знать каждый русскій студентъ-медикъ 2-го курса, «нѣмецкіе изслѣдователи» узнали только послѣ того, какъ тифъ косилъ тысячи жертвъ какъ въ лагеряхъ, такъ и среди нѣмецкаго населенія.

Нужно еще добавить, что въ нѣмецкихъ лазаретныхъ канцеляріяхъ при лагеряхъ въ широкихъ размѣрахъ практиковался подлогъ: діагнозы совершенно не соотвѣтствовали дѣйствительности; умиравшихъ отъ тифа еще долгое время показывали, какъ умершихъ отъ порока сердца, воспаленія почекъ и т. д.

Точно такъ же совершенно неправильны цифры, указанныя въ выдержкѣ изъ радіотелеграммы о болѣвшихъ туберкулезомъ. Ихъ нужно считать десятками тысячъ. Эпидеміи, голодъ и непосильная работа при полномъ моральномъ угнетеніи развили въ буквальномъ смыслѣ слова цѣлыя эпидеміи туберкулеза.

Я совершенно не касаюсь вопросовъ о смертности отъ остраго голоданія, отъ цынги, о самоубійствахъ и о душевно-больныхъ, о которыхъ я не могъ собрать точныхъ свѣдѣній ни среди плѣнныхъ, ни у товарищей, и о которыхъ мы, конечно, никогда не прочтемъ въ нѣмецкой статистикѣ.

Въ приведенномъ выше спискѣ болѣвшихъ и умершихъ товарищей я не могу поручиться за точность названія лагерей, ибо воз-

станавливать всѣ эти данныя приходилось исключительно по памяти, а потому вполнѣ понятны ошибки, которыя могутъ быть найдены въ сообщенныхъ мнѣ товарищами свѣдѣніяхъ. Не нужно удивляться забывчивости врачей, ибо тѣ, которые давали всѣ эти свѣдѣнія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами болѣли сыпнымъ тифомъ, который губительно отразился на ихъ организмахъ, ослабленныхъ физическими лишеніями и моральнымъ угнетеніемъ. Почти ни у одного изъ нихъ сыпной тифъ не прошелъ безъ тѣхъ или другихъ осложненій, выразившихся, въ большинствѣ случаевъ, полнымъ угнетеніемъ всей нервной системы, сопровождаясь въ болѣе рѣзкихъ случаяхъ длительными параличами, парезами, иногда полной потерей памяти. Кромѣ этого, заболѣвъ сами, они не могли уже знать, кто изъ товарищей раздѣлилъ ихъ участь.

Я долженъ еще замѣтить, что докторъ Вайнштейнъ (мл. врачъ 270 Гатчинскаго полка) говорилъ мнѣ, что въ лагерѣ Гарделегенъ изъ 14 русскихъ врачей сыпнымъ тифомъ болѣло 13, но фамилій ихъ не помнитъ.

Доктора Мещерскій и Селезневъ говорили, что въ одномъ изъ лагерей, названія котораго они не помнятъ, изъ 42 врачей сыпнымъ тифомъ болѣло 38 (очевидно, рѣчь идетъ о лагерѣ Бранденбургъ).

Докторъ Красновъ утверждаетъ, что въ лагерѣ Котбусъ сыпнымъ тифомъ болѣло 23 русскихъ врача. Уже отсюда можно вывести хоть нѣкоторое представленіе о процентѣ заболѣваемости среди врачей, работавшихъ въ лагеряхъ, захваченныхъ эпидеміями.

Фамиліи врачей, въ правильности которыхъ я сомнѣваюсь, напечатаны курсивомъ и отмѣчены звѣздочкой, а потому къ свѣдѣніямъ о нихъ нужно отнестись съ осторожностью.

Принудительныя работы унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей.

Въ сообщеніяхъ моихъ товарищей, приведенныхъ мною выше, уже не разъ приходилось встрѣчаться съ указаніемъ на то, что нашимъ унтеръ-офицерамъ, фельдфебелямъ и подпрапорщикамъ въ серединѣ лѣта 1916 г. давали на подпись какую-то бумагу, гдѣ требовалось ихъ согласіе добровольно идти на тѣ или другія работы. Я могу пояснить, въ чемъ тутъ заключалось дѣло.

Приблизительно въ іюлѣ мѣсяцѣ ко мнѣ поступила жалоба отъ унтеръ-офицеровъ лагеря Пруссишъ-Голландъ, что ихъ при-

нуждаютъ къ усиленной маршировкѣ по неизвѣстнымъ для нихъ причинамъ. Я отправился къ коменданту генералу Рейнгардту и попросилъ у него объясненія. Онъ далъ мнѣ прочесть приказъ, присланный ему изъ военнаго министерства. Къ сожалѣнію, номера приказа и числа, когда онъ былъ изданъ, я не помню, но приказъ гласилъ почти дословно слѣдующее: «Всѣ русскіе унтеръ-офицеры, фельдфебеля и подпрапорщики, если не желаютъ работать, могутъ не работать, но они обязаны обслуживать себя, т. е. убирать свой баракъ, площадь подлѣ барака, варить себѣ пищу и т. д. Для пользы ихъ здоровья имъ вмѣняются въ обязанность ежедневныя прогулки въ видѣ маршировокъ и вольныхъ гимнастическихъ движеній на воздухѣ. Они должны быть изолированы отъ другихъ плѣнныхъ въ отдѣльномъ блокѣ, не имѣютъ права ходить въ лагерную лавочку и посѣщать увеселенія, устраиваемыя въ лагерѣ. Кромѣ того, какъ не работающіе, они должны получать соотвѣтствующую пищу. Изъявившіе добровольное желаніе работать и давшіе въ этомъ подписку, не имѣютъ права отказаться отъ работы, въ случаѣ же отказа, они будутъ подвергнуты наказанію».

Въ нашемъ лагерѣ (Пруссишь-Голландъ) было, если не ошибаюсь, около 72 унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, они были заключены въ спеціальные бараки одного изъ блоковъ лагеря. Пища и безъ того скудная была почти на половину уменьшена, и ихъ заставляли маршировать не менѣе, какъ по 8-ми часовъ въ сутки. Причемъ каждый изъ проходившихъ нѣмецкихъ нижнихъ чиновъ считалъ своимъ долгомъ остановиться и поглумиться надъ марширующими. Блокомъ этимъ завѣдывалъ унтеръ-офицеръ, а построеніемъ и маршировкой командовалъ одинъ изъ русскихъ старшихъ солдатъ. Если нѣмецкому унтеръ-офицеру казалось, что люди маршируютъ плохо или просто не имѣютъ достаточно веселый и бравый видъ, онъ заставлялъ ихъ стоять «смирно», зачастую повернувъ лицомъ противъ солнца. Я изложилъ все вышеописанное коменданту и сказалъ, что, ознакомившись съ приказомъ военнаго министерства, я ни въ коемъ случаѣ не могу согласиться, чтобы восьмичасовыя безпрерывныя маршировки и гимнастическія упражненія могли служить кому-нибудь на пользу. Тогда комендантъ показалъ мнѣ спеціальный оттискъ какой-то нѣмецкой газеты, гдѣ говорилось, что кто-то, объѣзжая Англію, видѣлъ въ лагеряхъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, которые удивительно стройно, точно на парадѣ въ Берлинѣ, продѣлывали всякіе кунштюки, и это приводило его въ восторгъ. Комендантъ, указавъ мнѣ на эту статью, выражалъ свое удивленіе, почему русскіе такъ неохотно

занимаются военной гимнастикой. Я сказалъ ему, что думаю, русское правительство будетъ очень признательно ему за то, что онъ въ долгіе годы войны сдѣлаетъ изъ русскихъ плѣнныхъ прекрасныхъ гимнастовъ и отличныхъ строевыхъ солдатъ, но, къ сожалѣнію, всякая гимнастика требуетъ не уменьшенія, а увеличенія пищи, требуетъ не издѣвательства и насмѣшекъ, а очень внимательнаго къ себѣ отношенія и, продолжаясь безъ перерыва 8 часовъ, носитъ характеръ не гимнастики, а какого-то вынужденія у плѣнныхъ согласія идти на работы, что совершенно противорѣчитъ точному смыслу приказа военнаго министерства. Я долженъ сказать, что генералъ Рейнгардтъ представлялъ изъ себя исключительную рѣдкость среди всѣхъ комендантовъ лагерей плѣнныхъ. Онъ былъ—человѣкъ. Видя справедливость моихъ словъ, онъ перешелъ прямо въ разговоръ, высказывая мысль, что гораздо полезнѣе для самихъ плѣнныхъ не сидѣть въ запертомъ баракѣ, а идти на работы въ поле, и просилъ меня какимъ-либо способомъ повліять на плѣнныхъ согласиться на работы. Онъ не сказалъ мнѣ, но было ясно, что помимо этого офиціальнаго приказа, военнымъ министерствомъ былъ, очевидно, изданъ какой-то секретный приказъ такого свойства, что комендантъ предпочелъ лучше не говорить о немъ мнѣ. Это «ученіе» на вольномъ воздухѣ продолжалось еще нѣсколько дней, а затѣмъ постепенно какъ-то прекратилось, унтеръ-офицеры были предоставлены сами себѣ, но пища ихъ все время была гораздо хуже пищи остальныхъ плѣнныхъ, и часть изъ нихъ уѣхала на работы, но насколько мнѣ извѣстно, безъ всякихъ подписокъ. Въ другихъ же лагеряхъ система вынужденія этихъ подписокъ носила характеръ настоящихъ истязаній, о чемъ свидѣтельствуютъ разсказы, приведенные выше, и копія документа, переданная мнѣ однимъ поручикомъ. Этотъ документъ подписанъ былъ 60-ю фельдфебелями и подпрапорщиками, написанъ въ двухъ экземплярахъ, которые хранятся у двухъ офицеровъ, находящихся въ плѣну въ Германіи и послѣ войны эти документы будутъ привезены въ Россію.

Вотъ копія этого документа:

«Въ январѣ 1916 г. намъ, русскимъ плѣннымъ унтеръ-офицерамъ, объявлено какъ въ центральныхъ лагеряхъ, такъ и по работамъ, что согласно соглашенію всѣхъ воюющихъ державъ относительно русскихъ военноплѣнныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей, подпрапорщиковъ и зауряд-прапорщиковъ установлено, что могутъ лишь работать по своему желанію, а кто не желаетъ работать, тѣ будутъ отправлены въ особые лагеря. Мы, конечно, отка-

зались. Въ унтеръ-офицерскомъ лагерѣ Алленъ-Фалькенбергъ-Мооръ подъ Эльбой мы были отправлены въ концѣ января. Въ лагерѣ встрѣтилъ насъ комендантъ, помощникъ коменданта, два сержанта и двѣ роты конвойныхъ солдатъ. Комендантъ заявилъ, что этотъ лагерь спеціально приготовленъ для унтеръ-офицеровъ, и будутъ производить занятія отъ утра до вечерней зари, а если не хотите—идите на работу. Мы, конечно, согласились на занятія, а не на работу. Выходили заниматься на болото, сплошь покрытое водою съ 7 час. утра и до вечера съ часовымъ перерывомъ на обѣдъ. Черезъ 2—3 дня собрали насъ 1.300 чел. поднрапорщиковъ, фельдфебелей. Режимъ нажали. Пищу ухудшили до безобразія, мы терпимъ, что будетъ дальше. Въ день, если попадетъ прикладами человѣкамъ ста, и человѣкъ 40 поставятъ «смирно» съ лицомъ къ дождю и снѣгу, то это все мы не ставили въ счетъ. Въ кантину (лагерная лавочка) не пускали. Прошло полтора мѣсяца, день сталъ длинѣе, мученія на болотѣ увеличились. Режимъ совсѣмъ невыносимъ, но пока терпѣли. Которымъ не въ силу, устаютъ, ихъ били прикладами, пока не упадутъ въ болото, а потомъ ставили «смирно» лицами къ вѣтру. Кругомъ грязь, тина. Черезъ нѣкоторое время утомленный, голодный и избитый человѣкъ падаетъ въ грязь. Бьютъ и послѣ цѣлаго ряда истязаній, когда несчастный лишается чувствъ, его кладутъ на вагонетку и отправляютъ въ лагерь. Когда очнется вмѣсто обѣда привязываютъ къ будкѣ или оградѣ за руки и ноги, такъ что человѣкъ, виситъ и такое наказаніе получали человѣкъ 20 въ день одновременно. Рѣдко когда вѣшали меньше двѣнадцати человѣкъ. Въ концѣ марта режимъ еще ухудшился, занятій въ сутки 10 часовъ, погода сырая. Пища уменьшилась. Избіенія ужасныя. Изъ Комитета что вышлютъ не выдаютъ. Рѣшили помереть. Объявили голодовку. Выбросили, кто имѣлъ сухари, вышли на маршировку. День провели голодный. На другой день 10 человѣкъ принесли въ баракъ, не въ силахъ были стоять. Утромъ кто не въ силахъ былъ стоять, тотъ лежалъ, погода—дождь и снѣгъ, на 3, 4, 5 и 6 день лежали въ баракахъ кто на полу, кто на нарахъ. Пришли лейтенантъ, фельдфебель и конвой, стаскивали съ наръ, кого прямо бросали и на носилкахъ относили въ околодокъ. Тамъ примѣняли искусственное питаніе, но у нихъ что-то не вышло. Больныхъ оказалось болѣе 480 человѣкъ. На 8-й день пріѣхалъ генералъ Павловскій, что завѣдуетъ плѣнными Ганноверской провинціи. Опросилъ насъ, что мы хотимъ. Хорошо говорилъ по русски. Мы заявили, чобы не били и не привязывали на висѣлицу, а занятія будемъ исполнять. Онъ сказалъ: «Берите

пищу—занятія не убавлю, но бить и привязывать на висѣлицу не станемъ». Маршировать будете шагомъ, но еще добавлю, что мой совѣтъ—это итти на работу. Но мы категорически отказались отъ работы. Пасха. На третій день подпрапорщиковъ и фельдфебелей отправили въ Краснобрюхъ, а 300 человѣкъ унтеръ-офицеровъ въ Ухто-Мооръ. Въ лагерѣ Алленъ-Фалькенбергъ-Мооръ на 4-ый день Пасхи произошло слѣдующее: вывели насъ на плацъ и начали гонять: «бѣгомъ», «ложись», «вставай» и проч., выводили небольшими партіями, чтобы удобнѣе было бить прикладами, а фельдфебелю и унтеръ-офицерамъ палками, что у насъ поворачиваютъ пятивершковыя бревна. Избитыхъ и лишившихся чувствъ—стаскивали на середину плаца. Здѣсь фельдшеръ выслушивалъ пульсъ и срѣзалъ мозоли, набитые во время бѣготни деревянными колодками. Пузыри срѣзаны, человѣкъ пришелъ въ себя и опять маршъ въ строй. Захотѣлъ оправиться—въ штаны, и такая гонка продолжалась 10 часовъ. Кто упалъ, того на середину плаца стоять «смирно». Шелохнулся—прикладомъ во всю силу. Если сопротивляется—на висѣлицу и виси до тѣхъ поръ... . . . . (мною потерянъ одинъ листочекъ моей шифрованной записи)... взять и рѣшили разбить по лагерямъ въ виду того, что существовала тайная организація а узнали черезъ евреевъ и Романа Божечко (24 Сиб. полка учитель г. Вильно). Всѣ эти пытки продолжались до конца мая. Дальше нѣмцы стали производить намъ мученія по свистку. На плацу поставили два пулемета, предупредили: одинъ свистокъ—бѣгомъ; 2—ложись, 3—вставай; 4—шагомъ, но 4—не слышно, все 3, 2, 1. Не вынесешь—бьютъ прикладами, а челодѣкъ лишится чувствъ положатъ на вагонетку и отвезутъ въ околодокъ. А вечеромъ еще изобьютъ прикладами въ баракѣ. Наконецъ стали бить хоть и исполняешь все. Бьютъ и приговариваютъ—что, не будешь работать, доведутъ до того, что и въ Россіи работать не будешь. Терпѣть было уже невыносимо. Мы заявили: посылайте насъ на работу—мы пойдемъ. Но комендантъ отвѣтилъ: я не имѣю права васъ силой посылать. Вы должны сами согласиться и дать отъ себя роспись, что идете на работу по своему желанію, и зазаставилъ расписаться человѣкъ 600 на крестьянскія работы, на осушку болотъ, рыть окопы, на заводы, изготовлять военные припасы, съ оговоркой, что рыть окопы и работать на заводахъ хотя запрещено, но идетъ по своему желанію. Подписавшіеся сейчасъ же были отправлены въ особые рабочіе бараки. Черезъ мѣсяцъ прибыла новая партія изъ.. ...... (названіе лагеря въ моей записочкѣ затерлось). 1.100 человѣкъ.

Съ ними поступили сразу еще строже. Черезъ 3 дня прибыла еще партія изъ Сольдау—заурядъ-прапорщиковъ, подпрапорщиковъ и фельдфебелей въ количествѣ 130 человѣкъ. По прибытіи тотчасъ на занятія. Прибывшіе изъ Сольдау—отдѣльно. На плацу то и дѣло слышалась команда «ложись», «вставай», «бѣги». Кто не успѣвалъ—то прикладомъ, Крики, стоны на болотѣ. Возвращаясь съ этого ученія вели другъ друга подъ руки. Всѣ въ крови и въ грязи; у кого кровь течетъ изъ головы, у кого—съ лица. На другой день утромъ, когда баракъ былъ построенъ на ученіе, нѣмцы поступили такъ: отдѣлили заурядъ-прапорщиковъ и подпрапорщиковъ въ сторону для отправки въ Ухто-Мооръ, а фельдфебелей и унтеръ-офцеровъ хотѣли вести на болото. Фельдфебель подалъ команду «направо», никто не повернулся. Команда была отдана 3 раза, но мы рѣшили не выходить на болото, все равно гдѣ быть избитыми. Тогда фельдфебель приказалъ караулу и конвою, предназначенному для сопровожденія заурядъ-прапорщиковъ и подпрапорщиковъ бить прикладами. Сбили всѣхъ съ ногъ. Лежащихъ били. Стоны, крики были ужасные. Черезъ нѣсколько минутъ бить перестали. Мы поднялись и ведя другъ друга подъ руки пошли на плацъ. Комендантъ съ полдороги вернулъ насъ. Въ 12 час. дня подпрапорщики, прапорщики и фельдфебеля уѣхали въ Ухто-Мооръ. Теперь, что произошло съ Минденскими унтеръ-офицерами, когда избивали у другого барака прибывшихъ изъ Сольдау. Этихъ также били, свалили также на землю въ кучу и били прикладами. Было сломано 5 винтовъ. Не въ силахъ были люди стоять и лежали на землѣ болѣе 3-хъ часовъ и сами нѣмцы вносили ихъ въ бараки. Обѣда зато не дали. Въ одинъ часъ 30 мин. приказали строиться. Изъ бараковъ выходили, ведя другъ друга подъ руки. Пошли на плацъ. Были перебиты ноги. Пришли къ бараку самъ комендантъ, 2 помощника, 7 фельфебелей и болѣе 300 конвоя. Помощникъ коменданта скомандовалъ: «направо». Повернулись .«Шагомъ маршъ». Никто ни съ мѣста, ибо идти не могли съ перебитыми ногами. Многіе валились на землю. Комендантъ, его свита и конвой пьяные. комендантъ сказалъ: «бейте прикладами сильнѣе». Конвой, какъ звѣри набросились и началось великое избіеніе. Самъ комендантъ, помощники и фельдфебеля били шашками. Много солдатъ были поколоты. Всѣ были сметены въ кучу. Прикладами били съ плеча. Они то и дѣло ломались. Солдаты съ поломанными винтовками подходили къ коменданту. Тотъ улыбался говорилъ: «гутъ». Лилась ручьями кровь. Надъ проклятымъ Мооромъ цѣлый день раздавались крики и стоны. Наконецъ комендантъ прика-

залъ прекратить, но солдаты не унимались, такъ что фельдфебеля оттаскивали ихъ отъ живой кучи. Въ этотъ разъ сломали 19 прикладовъ. Но истязанія эти не кончились; комендантъ приказалъ привезти пожарную машину, рукавъ соединили съ водопроводомъ и нѣмцы поочерди стали качать. Рукавъ направляли въ упоръ, и вода заливала лица. Кто лежалъ внизъ лицомъ, того поворачивали. Вода текла по всѣмъ канавамъ и была окрашена кровью. Наконецъ комендантъ приказалъ прекратить заливать насъ водой, и лежавшихъ въ кучѣ стали растаскивать и класть по одному лицомъ кверху. Дальше стали осматривать. Ходилъ врачъ съ солдатами. Поднимутъ человѣка за голову и ноги на аршинъ и бросятъ объ землю, кто при этомъ не очнется, того на носилкахъ несли въ околотокъ, кто застонетъ—того въ баракъ. На нашихъ глазахъ было мертвыхъ 2 подпрапорщика, а сколько мертвыхъ въ околоткѣ—не знаю. Это безобразіе происходило 11 августа 1916 г. Въ лагерѣ Утхо-Мооръ происходило то же, но съ той разницей, что не поливали водой, а кололи мягкія части штыками и заставляли версты двѣ ползти въ околотокъ, подгоняя прикладами. Большую часть всѣхъ этихъ истязаній видѣлъ священникъ, принадлежавшій къ лагерю Гамелли».

Положеніе русскихъ офицеровъ въ плѣну въ Германіи.

Положеніе русскихъ офицеровъ въ плѣну въ Германіи было тоже тяжелое, безотрадное.

При взятіи въ плѣнъ и во время блужданій по всевозможнымъ этапамъ, прежде чѣмъ офицеръ попадалъ въ тотъ или другой лагерь плѣнныхъ, онъ подвергался цѣлому ряду ограбленій и издѣвательствъ, какъ со стороны нѣмецкихъ солдатъ и офицеровъ, такъ и со стороны нѣмецкаго населенія, безъ различія его классовъ. Все это описано уже мною въ тѣхъ сообщеніяхъ товарищей, которыя я привелъ выше. Я долженъ только сказать о положеніи раненыхъ офицеровъ, которые попадали въ тѣ или другіе нѣмецкіе лазареты. Къ слову сказать, громаднѣйшее большинство русскихъ офицеровъ, которыхъ мнѣ и моимъ товарищамъ приходилось видѣть, были всѣ раненые и многіе изъ нихъ тяжело раненые, получившіе въ бояхъ по 5 и болѣе раненій. Исключеніе составляли офицеры, попавшіе въ крѣпости Ново-Георгіевскъ, изъ которыхъ, я думаю, не менѣе половины было не раненыхъ. Изъ опроса встрѣчавшихся мнѣ въ плѣну офицеровъ скадывается убѣжденіе, что

въ большинствѣ случаевъ они подвергались той же участи, что и раненые русскіе солдаты, такъ какъ первое время, иногда продолжавшееся 2—3 мѣсяца, они были поставлены абсолютно въ тѣже условія, что и русскіе нижніе чины, что ясно видно изъ приведенныхъ мною выше разсказовъ товарищей врачей. Въ дальнѣйшемъ ихъ судьба зависѣла отъ случайностей. Если они попадали въ лазаретъ, гдѣ врачъ имѣлъ хоть мало-мальски человѣческія чувства, положеніе офицеровъ было сносное, но, къ сожалѣнію, слышать объ этомъ приходилось не такъ часто.

Когда офицеры подлечивались и становились способными ходить хотя бы на костыляхъ, причемъ раны ихъ сплошь и рядомъ не были еще залечены, оставались часто фистулы, выдѣлявшія гной, такіе офицеры считались нѣмцами здоровыми и отправлялись въ концентраціонные офицерскіе лагери. Я опишу лагерь Штральзундъ-Дэнгольмъ, въ которомъ я прожилъ съ января мѣсяца по май 1917 г. Этотъ лагерь расположенъ на двухъ маленькихъ островахъ, находящихся въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ Рюгенъ отъ материка. Площадь, которая отведена подъ лагерь, равняется приблизительно 15—20 десятинъ земли. На ней, если я не ошибаюсь, находится 9 деревянныхъ бараковъ, построенныхъ почти прямо на землѣ, изъ тонкихъ шелевокъ, съ ординарными окнами, плохо закрывающимися, съ очень невысокимъ чердакомъ и шелевочной крышей, покрытой толемъ. Бараки эти разбиты на комнаты, въ которыхъ живутъ по 8 и болѣе офицеровъ, но есть и одиночныя комнаты, очень небольшія по своему размѣру. Система устройства такихъ бараковъ была корридорная, при чемъ съ одного конца корридора помѣщался нѣмецкій фельдфебель, завѣдывающій этимъ баракомъ, а съ другого конца комната для караула. Я жилъ въ баракѣ № 8, комн. № 19, въ которомъ имѣлась еще уборная и карцера. Комната, въ которой жилъ я, съ тремя врачами и 4-мя офицерами, была величиной приблизительно 12—17 шаговъ и высотою не болѣе 4 арш., съ тремя окнами и одной небольшой желѣзной печкой, стоявшей въ одномъ изъ угловъ комнаты. Полъ въ комнатѣ былъ деревянный изъ некрашенныхъ досокъ и весь задравшійся. Вымыть этотъ полъ было невозможно, такъ какъ тряпка цѣплялась за занозистыя доски. Онъ былъ невѣроятно грязенъ. Весь потолокъ и стѣны были покрыты копотью, такъ какъ желѣзная печь плохо горѣла и дымила. Обстановка комнаты была слѣдующая: офицеру полагалась кровать, отвратительный матрацъ, набитый истертой морской травой, и такая же подушка. Простыня, 2 полотенца и чехолъ съ двумя одѣялами. Постельное бѣлье мѣня-

лось одинъ разъ въ 5—6 недѣль. Въ головахъ кровати была небольшая полка, подъ которой помѣщалась вѣшалка. Далѣе былъ грубой работы деревянный столъ, на человѣка полагался стулъ, маленькая, зачастую побитая и заржавлѣная эмалированная мисочка и для общаго пользованія — помойное ведро и два побитыхъ и поржавлѣлыхъ эмалированныхъ кувшина для воды; Затѣмъ 2 графина для питьевой воды и нѣсколько къ нему стакановъ. Въ комнатѣ была одна электрическая лампочка, висѣвшая приблизительно посрединѣ и дававшая очень слабый свѣтъ, такъ что читать не за столомъ, а у себя на кровати было почти невозможно. На стѣнѣ висѣло дешевое базарное зеркало. Печь мы имѣли право топить такъ, чтобы въ 10 час. вечера она уже была загашена, какъ намъ объяснили, во избѣжаніе пожара. Угля зимой во время морозовъ, а надо замѣтить, что прошлая зима въ Германіи была очень суровая, выдавали не болѣе 2-хъ пудовъ въ день, причемъ уже съ ранней весны, когда еще падалъ снѣгъ и были морозы, уголь прекратили намъ выдавать, какъ объяснялъ комендантъ, потому, что какія то баржи, везшія этотъ уголь въ лагерь, гдѣ то замерзали, но они оставались замерзшими и въ день моего отъѣзда изъ Германіи, 12 мая 1917 года. Температура въ комнатѣ во время топки печи была довольно разнообразна: такъ, въ томъ углу, гдѣ я спалъ—противоположномъ печкѣ, и при самой энергичной ея топкѣ, когда весь чугунный верхъ печи накаливался до красна, температура подлѣ моей кровати никогда не поднималась выше 11⁰, въ то время когда подлѣ печки она была 22⁰. Зато въ тѣ дни, когда намъ не выдавали угля, температура была +4+5⁰. Въ эти дни мы надѣвали на себя все, что было и въ такомъ видѣ занимались и читали. Какъ правило по утрамъ, температура никогда (до начала мая) не была выше +4+6⁰, но нерѣдко во время морозовъ и сильныхъ морскихъ вѣтровъ, которые такъ часты въ Штральзундѣ, температура опускалась ниже нуля, тогда на подоконникахъ образовывались довольно толстые слои льда, вода въ плевательницахъ, стоявшихъ на полу, замерзала, у кого были бороды и усы—покрывались инеемъ. Мы выработали особый способъ спанья: мы повытаскивали одѣяла изъ чехловъ, влѣзали въ эти чехлы и обворачивались одѣялами и всѣмъ, что у кого было изъ одежды. Такимъ образомъ мы спали какъ бы въ мѣшкахъ. Пища была настолько отвратительна и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что мы въ буквальномъ смыслѣ слова голодали. Ниже я привожу точныя данныя получавшейся нами пищи. За пищу, а равно за квартиру, обстановку и т. д. ежемѣсячно съ насъ удерживали часть жалованья.

Всѣ здоровые должны были ходить пить кофе, обѣдать и ужинать въ такъ называемую «столовую». Это былъ громадный сарай, въ которомъ помѣщались лошади и свиньи. Одно изъ отдѣленій сарая было освобождено отъ лошадей; тамъ былъ сдѣланъ деревянный полъ, поставлены столы и скамьи и офицеры должны были тамъ обѣдать. Весь воздухъ былъ пропитанъ запахомъ навоза; за стѣнами раздавалось дружное хрюканье свиней и топотъ лошадей. Я не засталъ уже этой картины, такъ какъ до моего пріѣзда офицеры потребвали отъ коменданта или устроить новую столовую или привести существующую въ болѣе или менѣе сносный видъ, и до исполненія ихъ требованія, насколько я знаю, объявили голодовку, чѣмъ заставили коменданта майора фонъ-Буссе, до невѣроятія грубаго и безсердечнаго человѣка, вывести изъ сарая свиней и лошадей и привести столовую въ болѣе благообразный видъ. Больные же офицеры или инвалиды, которымъ было трудно ходить, должны были явиться къ нѣмецкому врачу и послѣ освидѣтельствованія получали отъ него разрѣшеніе не выходить на повѣрки и получать пищу въ комнатахъ.

«Жизнь лагеря складывалась слѣдующимъ образомъ. Въ 10 час. утра всѣ офицеры, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ и генераловъ, должны были выстраиваться на площадкахъ подлѣ своихъ бараковъ, и нѣмецкій фельдфебель производилъ повѣрку путемъ подсчета обитателей каждой комнаты. Здѣсь же на повѣркѣ раздавались письма, хлѣбныя карточки, принимались отъ насъ письма и сообщались различныя приказанія коменданта. Съ 10 час. утра, т. е. послѣ повѣрки ,офицеры могли располагать своимъ временемъ, какъ они хотѣли, зимой до пяти часовъ, а лѣтомъ до десяти часовъ вечера. Въ это время, т. е. въ 6 час. зимой и въ 10 час. лѣтомъ, производилась вторая повѣрка. Опять мы должны были выстраиваться и опять фельдфебель считалъ насъ. Погода не принималась во вниманіе. Фельдфебель часто опаздывалъ на повѣрки, заставляя насъ по 10 и болѣе минутъ ждать себя и мы или мокли подъ дождемъ, или мерзли на вѣтрѣ и морозѣ. Послѣ 6 час. вечера зимой мы должны были заходить въ свои бараки и уже не имѣли права оттуда выходить. Помимо того караула, который былъ разставленъ за проволочнымъ заборомъ, окружавшимъ весь лагерь, во время вечерней повѣрки вводились караулы внутрь лагеря, такъ что каждый баракъ былъ окруженъ добавочными караулами; они стояли всю ночь и снимались рано утромъ. Кромѣ этого, по ночамъ можно было всегда слышать лай собакъ, раздававшійся подлѣ нашихъ бараковъ. При каждомъ лагерѣ имѣлись спеціальныя собаки для ро-

зыска бѣглецовъ; на ночь эти собаки спускались съ цѣпей и бродили по лагерю. Зимой, въ 8 час. вечера, фельдфебель еще разъ обходилъ всѣ комнаты и провѣрялъ путемъ подсчета жильцовъ каждой комнаты. Двери бараковъ запирались и до 6 час. утра никто не смѣлъ выйти изъ помѣщенія. Въ 10 час. вечера тушилось электричество и было запрещено зажигать свѣтъ, хотя бы свѣчи и были куплены на наши личныя средства. Надо добавить, что электричество, кромѣ того, что горѣло очень тускло, очень часто портилось, и бывало всегда въ мѣсяцъ не менѣе 5—6 дней ,когда мы должны были сидѣть въ полныхъ потемкахъ. Электричество старались зажигать какъ можно позже, такъ что въ вечернія сумерки, которыя зимой тянулись приблизительно съ 4 и до 5—5$^1/_2$ час. пополудни, мы обыкновенно сидѣли почти въ полной темнотѣ, тѣмъ болѣе, что бараки, какъ я сказалъ, были очень низкіе и въ частности тотъ баракъ, въ которомъ я жилъ, былъ обращенъ окнами къ саду, въ которомъ были большія деревья.

«Выше я уже сказалъ, что при нѣкоторыхъ баракахъ были клозеты, напримѣръ, въ томъ, въ которомъ я жилъ. Устройство клозета было болѣе, чѣмъ примитивное. Тамъ былъ сдѣланъ деревянный желобъ съ узкой отводной трубой, которая постоянно засорялась и нерѣдко на полу образовывалось въ буквальномъ смыслѣ слова цѣлое озеро мочи, такъ какъ въ моемъ баракѣ жильцовъ было, если не ошибаюсь, 62 человѣка, не считая нѣмецкихъ караульныхъ. Тамъ же имѣлось два отдѣленія, гдѣ вмѣсто ямы, былъ сдѣланъ деревянный ящикъ, который очищался ручнымъ способомъ; вонь и грязь въ этихъ клозетахъ была неимовѣрная. Съ момента, когда утромъ отпирали баракъ, т. е. приблизительно съ 6—7 час. утра, клозеты при баракахъ запирались и начиналъ функціонировать клозетъ, стоявшій на дворѣ; онъ ничѣмъ не отличался отъ самыхъ примитивныхъ нашихъ русскихъ базарныхъ общественныхъ клозетовъ; разница была развѣ только та, что морозы и вѣтры въ Штральзундѣ были настолько сильны, что публика старалась по возможности пользоваться клозетомъ въ баракѣ, такъ какъ онъ былъ болѣе укрытъ отъ вѣтровъ и находился при отапливаемомъ помѣщеніи. Въ тѣхъ же баракахъ, гдѣ не имѣлось клозетовъ, напримѣръ, въ баракѣ № 7, на ночь выдавались урильники, которыми публика и пользовалась.

«Кромѣ указанныхъ бараковъ въ лагерѣ имѣлось еще три каменныхъ корпуса, гдѣ жили офицеры, упомянутый каменный сарай, превращенный въ столовую, надъ которой позже была устроена церковь въ чердачномъ его помѣщеніи, затѣмъ зданіе кухни, по-

чта, постройки для нѣмецкой администраціи лагеря и баракъ, въ которомъ одна половина была отведена подъ ванныя, а въ другой тоже помѣщались офицеры. Въ упомянутыхъ каменныхъ трехъэтажныхъ корпусахъ, кромѣ плѣнныхъ, помѣщались различныя нѣмецкія учрежденія: канцеляріи, лагерныя лавки, частныя квартиры, кое какія склады и т. д. Комнаты въ этихъ корпусахъ, гдѣ жили плѣнные, были значительно лучше комнатъ въ баракахъ, уже хотя бы потому, что тамъ было гораздо теплѣе, но зато скученность тамъ была еще бо̀льшая, чѣмъ въ баракахъ.

Въ лагерѣ существовалъ еще душъ, отличительной чертой котораго былъ хроническій его ремонтъ, ибо онъ постоянно портился, и невѣроятная грязь и холодъ. Нерѣдко было, что мы не имѣли возможности помыться полтора-два мѣсяца. Имѣвшимися же четырьмя ванными могли пользоваться только немногіе счастливцы, такъ какъ для того, чтобы получить разрѣшеніе пользоваться ванной, нужно было явиться къ нѣмецкому врачу и тотъ долженъ былъ вамъ дать спеціальное на то разрѣшеніе. Я засталъ ванны въ довольно благоустроенномъ видѣ, но офицеры говорили, что ванны до моего пріѣзда, т. е. до января 1917 года, мало чѣмъ отличались отъ душа.

Лагерныя лавочки, которыхъ было четыре, торговали бойко всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ провизіи. Тамъ можно было купить сколько угодно ваксы, всевозможнѣйшихъ туалетныхъ принадлежностей въ видѣ зеркалъ, бритвенныхъ приборовъ, гребешковъ, щеточекъ и т. д., можно было достать посуду, клозетную бумагу и всевозможныя поддѣлки подъ кожу, въ родѣ портсигаровъ, бумажниковъ, саквояжей и чемодановъ; все это отличалось довольно заманчивой наружностью, но ломалось и портилось иногда въ тотъ же день, какъ вы его купили, такъ какъ все это было сдѣлано въ лучшемъ случаѣ изъ самаго обыкновеннаго картона, кромѣ того, все это стоило бѣшенныя деньги. Въ лагерѣ практиковалось еще самое широкое рекламированіе всевозможныхъ предметовъ, какъ-то: книгъ, приборовъ для ручного труда, художественныхъ альбомовъ и т. д. При лагерѣ существовало даже специальное бюро, черезъ которое можно было все это выписывать. Стоило это въ нѣсколько разъ дороже нормальныхъ цѣнъ. Многіе изъ товарищей врачей, а также инвалидовъ-офицеровъ попались на эту удочку; они выписывали различныя предметы и книги, а нерѣдко и очень цѣнныя вещи въ видѣ микроскоповъ, фотографическихъ аппаратовъ и т. д. Оказалось, что когда эти инвалиды и врачи уѣзжали въ Россію, то все это было у нихъ конфисковано при переѣздѣ черезъ границу,

причемъ выданы были весьма оригинальнаго свойства квитанціи. Такъ, напримѣръ, у меня лично, несмотря на разрѣшеніе, выданное мнѣ военнымъ министерствомъ въ Берлинѣ, куда я подавалъ спеціальное прошеніе вывести купленныя мною исключительно медицинскія книги, онѣ были конфискованы только на томъ основаніи, что разрѣшеніе выдано мнѣ министерствомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1916 года, а я уѣзжалъ въ маѣ 1917 года (новый стиль), и мнѣ выдали квитанцію, которая дословно гласитъ слѣдующее: «Удостовѣреніе для доктора Базилевича (Кіевъ). Задержанъ вслѣдствіе запрета вывоза одинъ ящикъ съ двумя петлями (замками). Штральзундъ. 11-V. 17. Ципфель, унтеръ-офицеръ». Аналогичныя расписки получили и мои товарищи. Такимъ образомъ, мы не можемъ иначе смотрѣть на рекламированіе различныхъ предметовъ для покупки, какъ на желаніе нѣмцевъ выкачать насъ тѣ небольшія сбереженія, которыя кто нибудь у насъ имѣлъ, тѣмъ болѣе, что каждый разъ, желая что либо купить мы должны были обращаться за разрѣшеніемъ въ комендатуры и онѣ всегда охотно давали таковыя.

Въ лагерѣ до апрѣля мѣсяца, вмѣстѣ съ нами жили 26 англійскихъ офицеровъ и 1 французъ. Отношенія между нами были самыя лучшія. Въ широкихъ размѣрахъ шло обученіе языкамъ, и нѣкоторые изъ насъ достигли большихъ успѣховъ въ этомъ направленіи. Такъ, напримѣръ, лейтенантъ-шотландецъ Стерлингъ совершенно свободно не только писалъ и читалъ по русски, но и говорилъ. Я не помню сейчасъ фамилій англійскихъ офицеровъ, но ими были устроены правильно функціонировавшіе курсы взаимнаго обученія языковъ. Кромѣ того были открыты курсы самообразованія, гдѣ читались лекціи по самымъ различнымъ вопросамъ. Я долженъ здѣсь отмѣтить, что лагерный комендантъ, майоръ фонъ-Буссе, всѣми мѣрами и силами мѣшалъ этимъ хорошимъ начинаніямъ, и только послѣ упорной борьбы съ нимъ, если я не ошибаюсь, послѣ пріѣзда въ лагерь одной изъ сестеръ и ея настоятельныхъ требованій, удалось осуществить эти курсы. Я не засталъ уже курсовъ. Они были устроены до моего пріѣзда. Въ лагерѣ былъ прекрасный хоръ и оркестръ, дѣятельности котораго все время препятствовалъ Буссе. Онъ то высылалъ подъ различными предлогами офицеровъ въ другіе лагери, то не давалъ помѣщенія, однимъ словомъ, ему доставляло удовольствіе причинить намъ какую либо непріятность. Въ лагерѣ нашими же средствами были организованы спортивныя развлеченія—лаунъ-тенисъ, игра въ городки и фут-болъ.

Какъ только таялъ ледъ въ проливѣ, раздѣлявшемъ островъ

Денгольмъ на такъ называемый «малый» островъ и «большой», начиналась усиленная рыбная ловля, которая являлась для насъ далеко не развлеченіемъ, а просто средствомъ питанія, ибо, повторяю, питаніе было настолько отвратительно по своей безвкусицѣ и настолько скудно, что мы совершенно голодали. И вотъ маленькій проливчикъ усѣивался рыбаками, какъ въ лѣтнюю пору воробьи обсиживаютъ заборы; буквально не было пяди земли, гдѣ бы не сидѣлъ рыбакъ. Ловилась рыба, почти исключительно, небольшая плотва, причемъ цѣна за нее, среди насъ же, была установлена 15 пфен. за штуку. Были спеціалисты, которые продавали этой рыбы на сто и болѣе марокъ въ мѣсяцъ. Нѣмцы и тутъ старались, чѣмъ могли помѣшать намъ. Такъ, напримѣръ, въ этомъ же проливѣ производилась ловля сѣтями, причемъ сѣти нѣмецъ разставлялъ такъ, что забрасывать удочки было очень трудно, не зацѣпивъ за его сѣть и не порвавъ удочки. Червей копать было запрещено; указано было только одно мѣсто, гдѣ, конечно, червей достать нельзя было. Намъ на выручку шли французскіе солдаты, котрые работали въ имѣвшемся при лагерѣ нѣмецкомъ садикѣ и огородѣ, и мы у нихъ покупали червей. Рыбу эту мы варили у себя въ комнатахъ, а тѣ, кто получалъ въ посылкахъ масло, жарили ее. Но тутъ опять являлась бѣда, такъ какъ угля не было. Мы пользовались первое время ящиками изъ-подъ посылокъ, присылаемыхъ намъ, и жарили на этихъ щепкахъ. Но нѣмцы и тутъ нашли способъ сдѣлать намъ непріятное. Въ лагерѣ было объявлено, что изъ посылокъ намъ будутъ выдавать только содержимое ихъ, а ящики, всевозможныя банки, коробки и даже бумагу, въ которую были заворочены тѣ или другіе пересылаемые предметы, они выдавать не будутъ. Такимъ образомъ, если кто-либо получалъ посылку, то онъ долженъ былъ являться па почту со всевозможной посудой, ибо все изъ посылки высыпалось, консервы выливались и въ такомъ видѣ выдавались намъ. Благодаря этому мы лишились топлива и должны были ходить по лагерному саду, собирать вѣточки, а зачастую просто воровать дерево, если только таковое мы гдѣ либо находили.

Деньщики обслуживали по нѣскольку комнатъ и потому пользоваться ихъ услугами было очень трудно. Такъ, напримѣръ, деньщикъ, который обслуживалъ нашу комнату съ 8-ю жильцами, кромѣ того обслуживалъ еще одиночную комнату и имѣвшійся при нашемъ баракѣ карцеръ, но эти же деньщики постоянно брались на работы по лагерю и потому мы видѣли ихъ только рано утромъ, въ обѣдъ и поздно вечеромъ. Почти всѣ деньщики русскіе были у насъ замѣнены румынами, которые почти ничего пе понимали по

русски и объясняться съ ними было почти невозможно. Они подчинялись непосредственно нѣмецкому фельдфебелю и черезъ него нѣмецкой лагерной администраціи. Смѣнить деньщика, если онъ оказывался неисправнымъ, а нерѣдко грубилъ намъ или исполнялъ довольно странную роль не то сыщика, не то шпіона, было почти невозможно, потому что жалоба наша не принималась во вниманіе, а наоборотъ, выходило еще такъ, что оставался виноватъ офицеръ, пожаловавшійся на деньщика, и ему грозили арестомъ. Подъ арестъ офицеры сажались по всякому пустяку.

На почвѣ этого безправія и крайней злобности коменданта процвѣтали нелегальные способы устройства нашего благополучія. Правила, которыя были вывѣшены въ каждой комнатѣ лагеря и подписаны комендантомъ Буссе, не исполнялись имъ же. Такъ, напримѣръ, было сказано, что во время плохой погоды повѣрки должны происходить въ коридорахъ бараковъ, что лица извѣстнаго чина и должности должны помѣщаться въ отдѣльной комнатѣ, и т. д.; все это не исполнялось; приходилось прибѣгать къ подкупамъ, до которыхъ были очень падки нѣмцы. Я не ошибусь, если скажу, что можно было за деньги добиться весьма многаго. Такъ, напр., въ 5-й казармѣ былъ лейтенантъ Марсантъ, который за 100 марокъ выхлопоталъ доктору Г. отдѣльную комнату, несмотря на то, что докторъ Г., всѣми нами уважаемый человѣкъ, имѣлъ полное право по закону имѣть таковую, но кромѣ этого онъ былъ совершенно больной человѣкъ и жить въ ужасной тѣснотѣ было ему не подъ силу. Онъ добился отдѣльной комнаты только послѣ того, какъ уплатилъ лейтенанту Марсанту 100 марокъ. При лагерѣ былъ спеціальный фотографъ,—фамиліи его я не помню,—который за крупныя деньги доставлялъ въ лагерь все, что можно было достать въ Германіи. Когда начался обмѣнъ врачей, онъ расширилъ свою дѣятельность, и послѣ отъѣзда первой группы въ 90 человѣкъ, совершенно открыто заявлялъ врачамъ, оставшимся въ лагерѣ, что если кто-либо изъ нихъ хочетъ попасть въ ближайшую очередь ѣдущихъ въ Россію, то должны уплатить извѣстную сумму денегъ. Я знаю врачей, которые уплатили ему 500 марокъ, нѣкоторые другіе платили кто больше, кто меньше, и всѣ они пріѣхали во второй группѣ въ 20 человѣкъ. Взятки брались и по мелочамъ, не гнушались ничѣмъ. Можно было въ видѣ взятки подарить папиросъ, сигаръ, кусокъ присланнаго изъ Россіи сала и т. д. Тогда ваши проступки не замѣчались. Напримѣръ, если вы хотѣли заниматься и читать нѣсколько позже, чѣмъ до 10 часовъ, то для этого нужно было не только имѣть свѣчи,

но и пользоваться снисходительностью фельдфебеля, завѣдывавшаго вашимъ баракомъ, и нужно было дать ему взятку, чтобы онъ не замѣчалъ при вечерней повѣркѣ по комнатамъ зажженной вами свѣчи.

При побѣгахъ офицеры подвергались жесточайшему избіенію, сплошь и рядомъ на глазахъ почти всего лагеря. Послѣ избіенія ихъ отдавали подъ судъ, а до суда держали нерѣдко по нѣсколько мѣсяцевъ по тюрьмамъ и карцерамъ. Обвиненіе всегда строилось такимъ образомъ, что офицеръ являлся виновникомъ не только побѣга, но, кромѣ того, порчи казеннаго имущества и нерѣдко кражи чужой собственности. Дѣло въ томъ, что офицеръ не могъ бѣжать безъ того, чтобы не перерѣзать проволоки или подкопать подъ проволокой землю, а иногда подкопаться подъ стѣной или вообще такъ или иначе продѣлать себѣ выходъ за проволочный заборъ. Если онъ бѣжалъ изъ такого лагеря, какъ Дэнгольмъ, то онъ долженъ былъ переплыть проливъ между о. Рюгеномъ и самимъ Дэнгольмомъ, а для этого онъ долженъ былъ или найти лодку или что нибудь, на чемъ онъ могъ бы плыть. И вотъ его и судили за порчу казеннаго имущества, даже въ томъ случаѣ, если эта порча выразилась въ простомъ подкопѣ земли подъ проволочнымъ заборомъ, а затѣмъ—за кражу лодки, какъ частной собственности, и побѣгъ, и по совокупности преступленія онъ нерѣдко послѣ перенесенныхъ жестокихъ побоевъ, издѣвательствъ, предварительнаго сидѣнія, присуждался еще на полгода и болѣе военной тюрьмы.

Переходя къ документальнымъ даннымъ, я приведу прежде всего ту жалобу, которую плѣнные офицеры подали коменданту Буссе для передачи ея въ военное министерство въ Берлинъ по поводу невозможнаго питанія, результатомъ котораго явилось голоданіе офицеровъ, губительно отражавшееся на нашемъ здоровьѣ. Аналогичныя жалобы и одновременно были поданы англійскими и румынскими офицерами, находившимися въ то время въ этомъ лагерѣ. Жалоба была подана, если не ошибаюсь, въ февралѣ мѣсяцѣ 1917 года. Въ этой жалобѣ приводился точный подсчетъ продуктовъ, полученныхъ нами за недѣлю, съ приблизительнымъ подсчетомъ калорій. Этимъ занималась спеціальная комиссія, выбранная изъ русскихъ офицеровъ и врачей, въ составъ которой между прочимъ вошли доктора: Игнатьевъ, Кухтевичъ, Яблонскій и Дьячковъ.

Вотъ приблизительно копія цифровыхъ данныхъ подсчета продуктовъ и содержавшихся въ нихъ калорій за время съ 22 по 28 января.

Въ недѣлю мы получали:

$2^1/_2$ лож. сахару; 1 ст. лож.—20 гр. $2^1/_2$ лож.—50 гр.; 1 гр. сахару—4 калорій; 50 гр.—200 к., а въ сутки, слѣдовательно, мы получали 200:7 . . . . 28 к.

19 булочекъ, максим. вѣсъ которыхъ былъ 82 гр. и минимумъ 75 гр. Принимаемъ средній вѣсъ въ 80 гр.; 19 булочекъ равняется 1520 гр. Считая, что булочки сдѣланы изъ чистой пшеничной муки, получимъ 4177 к., а въ сутки, слѣдовательно . . . . 596 »

Понедѣльникъ 22-I.

Утромъ: кофе безъ молока и сахара . . . . 0 »

Обѣдъ: 1) жидкій супъ съ брюквой и капустой—400 гр., въ которыхъ на человѣка приходилось: 50 гр. брюквы и 50 гр. капусты (100 гр. брюквы—63 к.) . . . . 32 »

(100 гр. капусты—69 к.) . . . . 35 »

2) Густая брюква съ мясомъ и картофелемъ, въ которой на человѣка приходилось не болѣе 5 гр. мяса . . . . 9 »

50 гр. картофеля . . . . 48 »

и 150 гр. брюквы . . . . 96 »

Ужинъ: жидкій супъ изъ брюквы 400 гр.,—содержавшій не болѣе . . . . 184 »

А всего за сутки, считая 596 к. въ булочкахъ и 28 к. въ сахарѣ, нами получено . . . . 1028 »

Вторникъ 23-I.

Утромъ кофе безъ молока и сахара . . . . 0 »

Обѣдъ: 1) жидкій супъ изъ брюквы, капусты и макаронъ . . . . 64 »

2) 2 рольмопса (одна селедка—89 к.) . . . . 178 »

Къ нимъ густая брюква на человѣка 150 гр. . . . . . 96 »

и въ ней не болѣе 50 гр. картофеля . . . . 48 »

Ужинъ: жидкій супъ съ весьма незначительнымъ кочествомъ крупъ и брюквы . . . . 132 »

А всего за сутки съ булочками и сахаромъ (596 к.+ 28 к.). . . . . 1142 »

Среда 24-I.

Утромъ кофе безъ молока и сахара . . . . 0 »

Обѣдъ: 1) жидкій супъ изъ тонко-нарѣзанной брюквы, одна тарелка, въ которой не болѣе 50 гр. брюквы . . . . 32 »

2) мясная котлета въ 80 гр. . . . . 95 »

Къ ней густой брюквы 150 гр.	96	к.
Въ этой брюквѣ 50 гр. картофеля на человѣка	48	»
Ужинъ: 400 гр. «маисоваго супа». Принимаемъ за крупникъ.	183	»
Къ нему искусственный сыръ. Опредѣлить калорiй его невозможно, такъ какъ невозможно было установить, изъ чего онъ сдѣланъ	0	»
Взего за сутки съ булочками и сахаромъ	1078	»
Четвергъ 25-I. Утромъ—что и раньше.		
Обѣдъ: 1) жидкiй супъ съ брюквой и небольшимъ количествомъ крупы—принимаемъ за крупникъ	184	»
2) Картофельная котлета въ 100 гр.	107	»
Къ ней густой брюквы съ ничтожнымъ количествомъ моркови, 150 гр.	95	»
Полъ огурца—35 гр.	5	»
Ужинъ: супъ съ брюквой, капустой и ничтожнымъ количествомъ крупы,—считаемъ за крупникъ	184	»
А всего за сутки съ булочками и сахаромъ	1199	»
Пятница 26-I.		
Утромъ кофе со слѣдами молока	0	»
Обѣдъ: 1) супъ изъ брюквы и капусты, немного морковки	147	»
500 гр. рыбы (соленой съ дурнымъ запахомъ трески) .	114	»
Къ ней густая брюква—100 гр.	64	»
И грязная подлива, неопредѣленнаго состава	0	»
Ужинъ: супъ съ какой-то шелухой, брюквой и капустой; принимаемъ за гороховый	224	»
А всего за день съ булочками и сахаромъ	1173	»
Суббота 27-I.		
Утромъ кофе безъ молока и сахара	0	»
Обѣдъ: I) супъ съ небольшимъ количествомъ ячменныхъ крупъ, принимаемъ за ячменный	184	»
2) густой брюквы—150 гр.	96	»
Въ ней: 5 гр. мяса	9	»
и 50 гр. картофеля	48	»
Ужинъ: ячменный супъ съ зеленью	233	»
Такъ называемый «мармеладъ»—одна стол. ложка; опредѣлить его составъ невозможно	0	»
А всего за сутки съ булочками и сахаромъ	1193	»

Воскресенье 28-I.

Утромъ—кофе безъ молока и сахара	0	к.
Обѣдъ: 1) вермишелевый супъ, очень жидкій, съ ничтожнымъ количествомъ брюквы,—принимаемъ за вермишелевый (100 гр. его—16 к.)	64	»
2) мясная котлета—100 гр.	118	»
Къ ней густая брюква—150 гр.	96	»
Въ брюквѣ—150 гр. картофеля	48	»
и неопредѣленнаго состава подлива	0	»
3) морсъ-пюре, вѣроятно, съ молокомъ,—30 гр. . . .	22	»
Ужинъ: ячменный супъ съ очень небольшимъ количествомъ крупъ,—считаемъ за ячменный	184	»
А всего за сутки съ булочками и сахаромъ на человѣка приходилось	1156	»
Такимъ образомъ, за всю недѣлю на человѣка пришлось.	7969	»
А въ сутки въ среднемъ приходилось	1138	калорій

Принимая во вниманіе, что мы всюду брали абсолютно максимальныя числа, а какъ критерій брали таблицы профессора Эриха Киндборга (Берлинъ 1912 г.), то будетъ вполнѣ правильно, если мы это количество колорій уменьшимъ не менѣе, какъ на 15%, другими словами мы получали не 1138 калорій въ сутки, а только 969. По Фойту же, Киндборгу и др., для поддержанія равновѣсія обмѣна у здороваго человѣка необходимо нужно ежедневно вводить въ организмъ 2500 калорій. Слѣдовательно, мы изъ собственныхъ запасовъ организма должны были тратить 1531 калорій.

Если принять во вниманіе, что въ нашей пищѣ совершенно отсутствуютъ жиры и бѣлки и что почти исключительно наша пища состоитъ изъ брюквы и ничтожнаго количества капусты, при полномъ ея однобразіи и безвкусицѣ, то станетъ яснымъ, что такое питаніе ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать нормальнымъ. Кромѣ того въ лагерѣ собраны главнымъ образомъ инвалиды, предназначенные къ обмѣну или къ интернированію въ нейтральныхъ государствахъ, и что среди нихъ имѣется большое количество туберкулезныхъ и вообще больныхъ, требующихъ особеннаго и усиленнаго питанія. Къ тому же мы хорошо знаемъ, что нѣмецкимъ плѣннымъ въ Россіи живется очень хорошо. Въ виду изложеннаго мы требуемъ: 1) довести наше питаніе до 2500 калорій въ день, съ обязательнымъ добавленіемъ жировъ и бѣлковъ, 2) улучшить вкусъ пищи,

для чего кухней долженъ завѣдывать русскій офицеръ, а варить—русскіе повара, и 3) разрѣшить выписывать на 25 марокъ ежемѣсячно различныхъ продуктовъ каждому офицеру изъ нейтральныхъ государствъ. Документъ этотъ записанъ мной не дословно.

Къ этому я долженъ добавить, что упомянутая «мясная» котлета была консистенціи резины и содержала, конечно, не 80—100 гр. мяса, а вѣроятно какое-то ничтожное его количество. Далѣе, рыба, которая намъ давалась (треска), была иногда настолько зловонна, что, несмотря на голодъ, мы не въ состояніи были ѣсть ее. Затѣмъ булочки были какого-то сѣровато-краснаго цвѣта, и отнюдь не изъ чистой пшеничной муки, такъ что говорить о количествѣ калорій, заключавшихся въ нихъ, было болѣе, чѣмъ трудно. Подъ видомъ кофе намъ давалась какая-то темная бурда. Я думаю, было бы правильнѣе показанное нами число калорій уменьшить не на 15, а по крайней мѣрѣ на 25%, ибо даже тѣ супы, которые мы называли «маисовыми», «крупниками», «гороховыми», ничего общаго съ маисомъ, крупой и горохомъ не имѣли. Мы ихъ такъ называли только потому, что у насъ вывѣшивалось въ корридорахъ меню, въ которыхъ красовались довольно заманчивыя названія, ничего общаго не имѣвшими съ дѣйствительностью. Къ глубокому нашему сожалѣнію эти меню подписывались однимъ изъ нашихъ русскихъ офицеровъ. И если лагерь посѣщался какими нибудь рѣдкими гостями въ видѣ представителей нейтральныхъ державъ, то они подводились къ этому меню и имъ показывалось, чѣмъ мы яко-бы питаемся. Супъ, напр., который у насъ слылъ подъ названіемъ маисоваго, никто не могъ опредѣлить, изъ чего онъ сваренъ, но упорно говорили, что это не маисъ, а самый обыкновенный смолотый каштанъ. Кромѣ того ѣда обѣдающимъ по комнатамъ приносилась въ такой грязной посудѣ и такими грязными деньщиками-румынами, что уже это одно вызывало отвращеніе къ пищѣ, которая и безъ того была отвратительна. Кофе же намъ (въ 19 комнату) приносилось въ жестяномъ кувшинѣ, изъ котораго мы умывались, и мы никогда не знали, вылилъ ли нашъ весьма нетребовательный деньщикъ-румынъ остатокъ сырой воды, или рѣшилъ, что качество и вкусъ этого «кофе» нисколько не пострадаютъ отъ присутствія ея.

Условія жизни въ другихъ офицерскихъ лагеряхъ были не лучше Штральзунда-Денгольма. Вотъ, напр., точныя цифровыя данныя, переданныя мнѣ докторомъ Ильей Ивановичемъ Холоднымъ, жившимъ въ офицерскомъ лагерѣ, расположенномъ въ фортѣ Таргастъ, крѣпости Кюстринъ.

№ комнаты.	Площадь пола въ квадр. метрахъ.	Объемъ воздуха въ куб. метрахъ.	Отношеніе площади оконъ къ поверхности пола.	Количество жившихъ офицеровъ въ каждой комнатѣ.	Количество куб. метровъ воздуха, приходившихся на одного человѣка.
21	13,29	19,37	1/16	18	1,1
19	22,74	29,10	1/28	30	0,9
18	4,83	6,68	1/6	8	0,8
26	2,2	3,08	0 (оконъ не было).	4 (деньщика).	0,77
12	16,1	22,2	1/20	22	1,0
6	6,4	8,5	1/8	14	0,6
2	16,7	25,1	1/20	19	1,3
4	5,8	8,4	1/6	9	2,8

Число болѣвшихъ въ этомъ лагерѣ офицеровъ съ конца 1914 г. по октябрь 1915 г. было 411 чел., а посѣщеній было 1496. Съ октября 1915 г. по декабрь 1916 г. больныхъ было 410 офицеровъ и посѣщеній они сдѣлали 5070.

Таблица числа продуктовъ, полученныхъ на офицерской кухнѣ въ этомъ лагерѣ за мѣсяцъ, по расчету на одного человѣка. Количество выражено въ килограммахъ.

Продукты.	Октябрь 1916 г.	Ноябрь 1916 г.
Картофель	22,3	14,5
Капуста бѣлая	5,14	0,06
Капуста кислая	0,	1,28
Капуста красная	0,	2,56
Капуста цвѣтная	1, гол.	1 гол.
Брюква	0,	1,375
Морковь	0,82	2,2
Бураки	2,0	2,1
Петрушка	0,08	0,07
Коренья суп.	0,44	0,26
Сушеные овощи	0,	0,09
Зелень суповая	0,88	0,8
Помидоры	0,87	0,61
Грибы	0,367	0
Огурцы	8 шт.	13 шт.
Бобы зеленые	0,	0,119

Продукты.	Октябрь 1916 г.	Ноябрь 1916 г.
Горохъ зеленый	0,66	0,64
Рисъ	0,137	0
Крупа ячменная	0,926	0,999
Манная крупа	0,99	1,04
Мука кукурузная	0,62	0,4
Макароны	0,11	0
Лапша	0,	0,256
Сыръ тертый	0,018	0
Творогъ	0,376	0,238
Камбала	5 шт. (мал.)	5 шт. (мал.)
Сельди	5 шт.	2 шт.
Рыба	1,192	1,1
Рыба заливная	0,321	0
Треска соленая	0,734	0,825
Молоко	0,23	0
Молочный порошокъ	0,	0,027
Яйца	1 шт.	1/2 шт.
Сосиски	0,128	0,188
Баранина	0,458	0,215
Говядина	0,128	0,192
Говядина	0,348	0,202
Солонина	0,	0,201
Колбасы копченой	0,	0,06
Маргарину	0,318	0,303
Жиру для жаренія	0,137	0
Сало	0,	0,09
Груши	2,0	0
Яблоки	2,9	1,64
Мармеладъ	0,247	0,587
Соль	0,85	0,8
Лукъ	0,87	0,8
Горчица	0,114	0,25
Листъ лавровый	0,002	0,002
Пряности	0,003	0,005
Перецъ	0,002	0,003
Сахаръ	0,816	0,603
Кофе	0,418	0,603
Чай	0,055	0,018
Хлѣба	1,900 въ недѣлю.	

Мнѣ былъ переданъ документъ, рисующій жизнь въ лагерѣ «Бадъ-Кольбергъ». Онъ составленъ офицерами, жившими въ этомъ лагерѣ, и подписанъ однимъ изъ генераловъ. Вотъ копія его:

«1) Два офицера здѣшней лагерной «Бадъ-Кольберга» администраціи выдѣляются своимъ оскорбительнымъ отношеніемъ къ военноплѣннымъ: маіоръ Вальтеръ и лейтенантъ Беецъ. Первый позволяетъ себѣ по всякому незначительному поводу кричать на офицеровъ и дѣлать имъ замѣчанія въ самой рѣзкой формѣ (былъ случай его неистоваго крика на командира корпуса генерала Марстоса), а второй—Беецъ, всегда подчеркиваетъ свое пренебреженіе къ военноплѣннымъ, чему среди многихъ другихъ яркихъ примѣровъ можетъ служить его поступокъ съ пр. Кузнецовымъ: этотъ офицеръ долженъ былъ ѣхать въ судъ въ гор. Кобургъ, куда тоже былъ вызванъ и Беецъ. Но такъ какъ Кузнецовъ сильно раненъ въ ногу, то нѣмецкимъ военнымъ врачемъ было ему выдано удостовѣреніе на проѣздъ въ Кобургъ въ экипажѣ, но, несмотря на это и на то, что въ экипажѣ было мѣсто, Беецъ посадилъ его на козлы, а въ экипажъ усадилъ нѣмецкаго солдата, и такъ Кузнецовъ совершилъ поѣздку въ Кобургъ и обратно (36 километровъ).

2) Изъ лагеря сбѣжали 2 офицера—прапорщики Каплинъ и Антоновъ; черезъ 10 дней были пойманы двумя солдатами 12-пѣхотнаго баварскаго полка, входившими въ составъ команды въ лагерь Клостердорфъ-Дейнингенъ. Хотя при задержаніи офицеры не оказали сопротивленія, тѣмъ не менѣе солдаты своими тесаками нанесли имъ много побоевъ и ранъ. Антонову была нанесена тяжелая рана въ голову, парализовавшая дѣятельность шеи, а Каплинъ получилъ 4 раны въ голову, ему была разсѣчена губа и порублена кисть руки. Окровавленныхъ, ослабѣвшихъ солдаты повели въ Дейнигенъ, заставляя ихъ все время держать руки поднятыми вверхъ (на разстояніи около 3 километровъ) и если офицеры отъ изнеможенія опускали руки, то солдаты побоями вновь заставляли ихъ поднимать. Когда ихъ привели въ караульное помѣщеніе Дейнингена, то, какъ упомянутые два солдата, такъ и другіе караульные чины еще около полчаса продолжали издѣваться, не подавая медицинской помощи, и только спустя не менѣе получаса французомъ-санитаромъ была сдѣлана перевязка. Отправленные затѣмъ въ госпиталь, они пробыли тамъ 3 недѣли. При возвращеніи ихъ въ Кольбергъ, въ пути съ Антоновымъ происходили конвульсивные припадки. Конвоирующій ихъ солдатъ здѣшней кольбергской команды Шварцъ билъ Антонова по лицу; то же самое онъ съ нимъ продѣлалъ и на вокзалѣ въ Бамбергѣ въ

присутствіи публики, когда и тамъ съ Антоновымъ случился припадокъ. Кромѣ того Шварцъ заставилъ Антонова нести на себѣ часть пути съ вокзала свой вещевой мѣшокъ. Приведенные въ Кольбергъ, они были немедленно посажены въ полутемный сырой подвалъ, (карцеръ для офицеровъ), несмотря на явные признаки ихъ болѣзненнаго состоянія имъ въ теченіи нѣсколькихъ дней не подавали медицинской помощи и только послѣ заявленія нашего командира корпуса, генерала Мартоса коменданту лагеря, къ нимъ былъ посланъ нѣмецкій врачъ. Русскій врачъ, имѣвшійся въ лагерѣ, къ нимъ не допускался. Слѣдствіе о ихъ побѣгѣ, веденное лейтенантомъ Беецъ, имѣло характеръ сплошного издѣватльства. Заявленіе ихъ въ комендатуру обо всемъ, что съ ними творили, оставлено безъ всякаго послѣдствія. Заявленіе по тому же поводу на имя испанскаго посольства отправлено не было, хотя намъ заявили, что по нѣмецкимъ военнымъ законамъ побѣгъ наказывается арестомъ на 14 дней, но упомянутые офицеры сидѣли подъ арестомъ 24 дня и на дняхъ (7 іюля) по рѣшенію суда въ Кобугрѣ, присуждены еще къ «комнатному аресту» на 4 недѣли.

3) Отъ военно-плѣнныхъ офицеровъ требуютъ отданія чести, а между тѣмъ маіоръ В. и лейтенантъ Б. зачастую не отвѣчаютъ на привѣтствіе даже генераловъ. Входя въ фельдфебельскую канцелярію расписываться (вмѣсто личной повѣрки) генералы часто застаютъ тамъ маіора В. и иногда лейтенанта Б., которые на отдаваемую имъ честь не отвѣчаютъ и продолжаютъ сидѣть, а 6-го іюля былъ такой случай, что Б. наполовину заслонялъ собою входъ въ канцелярію и видя входящихъ туда Мартоса и Лагунова, повидимому, умышленно не посторонился, и генераламъ пришлось бокомъ пролѣзать въ помѣщеніе.

4) При утренней повѣркѣ, для которой выстраиваются штабъ и оберъ-офицеры, нѣмецкимъ фельдфебелемъ или замѣняющимъ его солдатомъ подается команда «смирно» при проходѣ ротнаго командира. Та же команда—при вечерней перекличкѣ, при обходѣ по комнатамъ.

5) Былъ случай, когда двухъ офицеровъ—поруч. Шмарыго и Судака нѣмецкіе солдаты безъ всякаго повода съ ихъ стороны столкнули съ лѣстницы ударомъ прикладовъ.

6) Несмотря на перестановку часовъ въ Германіи на 1 часъ впередъ, офицеры должны вставать въ 7 час. утра, а ложиться: генералъ и штабъ-офицеры въ 11 час., а оберъ-офицеры—въ 10 час. Одновременно съ этимъ огонь долженъ тушиться; даже собствен-

ныя свѣчи не разрѣшены. Контроль возложенъ на караульныхъ солдатъ, которые продѣлываютъ это грубо и безцеремонно.

7) По прибытіи въ лагерь офицеровъ, не только до мельчайшихъ подробностей осматриваютъ ихъ багажъ, но обшариваютъ ихъ карманы, снимаютъ сапоги, носки и тутъ не обходится безъ глумленія. Напр., бывшій адъютантъ коменданта, обшаривая карманы генерала Мартоса, вытащилъ рецептъ и вертя имъ передъ носомъ генерала, приговаривалъ: «А это вамъ не надо?».

8) Въ число наказаній включено запрещеніе курить, а нижнимъ чинамъ выдумано особое наказаніе—спать на голомъ пескѣ на площадкѣ противъ курзала, что имѣло мѣсто подрядъ двѣ ночи 12 и 13 іюля для 24-хъ деньщиковъ.

9) Былъ случай съ генераломъ Лагуновымъ, когда маіоръ Бодисъ, оставшись недовольнымъ содержаніемъ открытки супруги генерала, порвалъ ее со злости въ клочки въ присутствіи генерала Хольмсена.

10) Во время церковнаго богослуженія нѣмецкіе солдаты проходятъ по помѣщенію, гдѣ происходитъ богослуженіе, въ фуражкахъ и курятъ. Вообще отношеніе къ плѣннымъ администраціи лагеря Кольбергъ, а въ особенности маіора Вальтера и лейтенанта Беецъ, по своей возмутительности превосходятъ другіе нѣмецкіе лагери. По этому поводу генераломъ Мартосомъ была заявлена жалоба пріѣзжавшему въ лагерь великому герцогу Максу баденскому, но послѣ этого отношенія не только не улучшились, а еще ухудшились.

11) Просьбы какъ о вызовѣ кого либо изъ членовъ испанскаго посольства, такъ и объ отправкѣ послу нашихъ заявленій комендатурою не исполняется, хотя на это и существуетъ разрѣшеніе нѣмецкаго министерства.

12) За 10 мѣсяцевъ въ Кольбергъ пріѣхалъ одинъ разъ представитель посла—испанскій военный агентъ, объявивъ что мы можемъ подать ему всякаго рода заявленія, а когда это сдѣлали, то онъ передалъ ихъ въ комендатуру и послѣдствіемъ были репрессіи: генерала Бобыря и нѣсколькихъ шт. и об. оф. перевели въ лагери, запретили зажигать огонь раньше 6 часовъ, тогда какъ темнѣло уже въ 5 час. По сравненію съ заботами американскаго посла объ англичанахъ дѣятельность испанскаго посольства по отношенію насъ равна нулю.

13) Денежные переводы, пересылаемые черезъ Швецію въ германскихъ маркахъ выдаются здѣшней администраціей въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ противъ цифръ обозначенныхъ

въ переводномъ бланкѣ: вмѣсто 147 марокъ—69 пф. выдавали 87,50. Вмѣсто 30 марокъ—17,50. Вмѣсто 14 марокъ—8,75 и такъ всегда.

14) Нерѣдко происходили совершенно необъяснимые перерывы въ письмахъ иногда до 2-хъ мѣсяцевъ, какъ идущихъ въ Россію—такъ и оттуда.

15) Замѣчается большая пропажа посылокъ, причемъ не въ то время, когда въ Берлинѣ сожгли болѣе 3.000 русскихъ посылокъ испорченныхъ отъ дороги въ Финляндіи. Продолжаютъ попадаться посылки обокраденныя. Въ бытность лейтен. Беетца завѣдующимъ лагерной почтой былъ съ его стороны такой дерзкій поступокъ; генералъ—лейт. Абрамову пришлось получать посылку; явившись вслѣдъ за послѣднимъ получавшимъ, почта еще дѣйствовала, Беетцъ приказалъ посылку не выдавать, а выдать, какъ въ наказаніе за опаздываніе, черезъ три дня, несмотря на заявленіе генерала Абрамова, что онъ по предписанію нѣмецкаго врача долженъ былъ брать ванну и потому раньше придти не могъ.

16) Раньше разрѣшалось писать и посылать деньги въ солдатскіе лагеря, теперь комендантъ запретилъ.

17) Прогулки внѣ проволоки не производятся, такъ какъ мы отказались дать честное слово, что не убѣжимъ; мѣсто для прогулокъ въ чертѣ лагеря слишкомъ мало.

18) 1-го іюля при выдачѣ намъ содержанія удержали съ генераловъ и штабъ-офицеровъ по 40 марокъ, а съ оберъ-офицеровъ по 20 марокъ, за постельную принадлежность и комнатную обстановку; оцѣнка стоимости этихъ предметовъ не сдѣлана, а комнатная обстановка такова: 2 небольшихъ деревянныхъ стола, одинъ изъ нихъ для умыванія, деревянныя стулья по числу живущихъ въ комнатѣ, вѣшалка съ ящикомъ надъ нею, небольшое стѣнное зеркало, желѣзный кувшинъ для воды и небольшіе эмалированные тазы для умыванія по числу живущихъ. Графинъ для воды и стаканъ къ нему. Ведро для грязной воды и металическая плевательница. Вся мебель простой топорной работы, некрашеная. Постельныя принадлежности: матрацъ и подушка изъ грубаго холста набитые мелкими древесными стружками, одна бѣлая простыня изъ грубаго холста, два плохого качества одѣяла, вкладывающіяся какъ и подушка въ грубый тиковый мѣшокъ. Такъ называемое постельное бѣлье мѣняютъ разъ въ шесть недѣль.

19) Освѣщеніе электрическое, но лампочка подъ самымъ потолкомъ, читать невозможно, притомъ же свѣтъ мерцающій. Лам-

почки плохого качества и по этому заведены на свои средства почти всѣми офицерами новыя.

20) Обѣдъ и ужинъ: одна марка 85 пф. въ день, хлѣбъ и кофе за особую плату. Обѣдъ изъ двухъ блюдъ: на первое супъ безъ всякаго признака жировыхъ веществъ, мяса и зелени (вода горячая, а не супъ), 2-е—$^{5}/_{8}$ф. мяса въ недѣлю на человѣка, рыба не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Къ этому всегда картошка на вѣсъ и нечищенная. Ихъ приходится 5—6 штукъ, изъ которыхъ только одна болѣе или менѣе годная, остальныя гнилыя, проросшія. Очень рѣдко салатъ съ уксусомъ или капуста; 2—3 раза мясо и рыба замѣняется чѣмъ то, что слыветъ у насъ подъ названіемъ «галушекъ» изъ сырого тѣста, которыхъ ѣсть невозможно. Ужинъ: одно блюдо изъ каши, вмѣсто которой давали или затхлые макароны или селедки съ гнилой картошкой. Иногда грубый мѣстный сыръ, Качество обѣда и ужина вообще ниже всякой критики. Мясо постное и его всего $^{5}/_{8}$ ф. въ недѣлю на человѣка. Рыба соленая, зачастую не свѣжая съ дурнымъ запахомъ и въ виду многихъ послѣ нея заболѣваній, большинство офицеровъ не ѣли ея, предпочитая голодать. Картофель старая, проросшая, гнилая. Сыръ иногда бывалъ съ червями. Такое совершенно неудовлетворительное питаніе, влекущее за собой постоянное ощущеніе голода заставляетъ плѣнныхъ тратить послѣдніе гроши на покупку съѣстного, да и то это весьма рѣдкіе моменты, когда что нибудь съѣстное попадается въ продажѣ въ лавочкѣ. Страннымъ при этомъ кажется, что поваръ за очень высокую плату временами отпускаетъ чуть ли не половинѣ столующихся и молодую картофель и спаржу и цвѣтную капусту и даже хорошую рыбу.

21) 4-го іюля по распоряженію нѣмецкаго Министерства мясо уменьшили съ 600 на 250 граммъ въ недѣлю на человѣка. Плата за столъ та же.

22) Офицеры размѣщены тѣсно, даже генералы по два въ комнатѣ, размѣромъ 5—6 шаговъ; только генералъ Мартосъ живетъ въ такой же комнатѣ одинъ, но рядомъ съ клозетомъ для всего барака.

23) Хотя въ общей столовой и вывѣшенъ въ послѣднее время прейсъ-курантъ на товары въ лавочкѣ, но практическаго назначенія онъ не имѣетъ, т. к. предметы на которые назначена сравнительно сходная цѣна,—фактически отсутствуютъ, а взамѣнъ ихъ въ лавкѣ царитъ полный произволъ безусловно недобросовѣстныхъ продавцовъ, т. к. за одинъ и отъ же предметъ, но купленный у разныхъ приказчиковъ, платятъ разныя цѣны. Качество всего продаваемаго далеко ниже удовлетворительнаго.

24) Бѣлаго хлѣба, чего либо мяснаго, масла, сала, сахару въ лавочкѣ нѣтъ. Выписать же ихъ изъ нейтральныхъ странъ комендантъ запрещаетъ, хотя въ лагеряхъ Крейфельдъ, Гютерслоу, выписывать разрѣшаютъ.

25) Выписывать различныя вещи изъ нѣмецкихъ магазиновъ и фабрикъ разрѣшается не непосредственно, а обязательно черезъ лавочку, что удорожаетъ стоимость выписанныхъ вещей (деревянная коробка для вырѣзыванія въ магазинѣ стоитъ 1 марка 95 пфен., черезъ лавку—3 марки 50 пф. и такъ на всемъ).

26) Деньщики назначаются на 2—3 комнаты одинъ, иначе на 6 человѣкъ, не исключая и генераловъ, и постоянно посылаются на хозяйственныя работы по лагерю.

27) Околодокъ помѣщается надъ лавкой, нѣмецкой кантиной и машиннымъ отдѣленіемъ, почему вѣчный шумъ и стукъ электрической машины.

28) Пища деньщиковъ ниже всякой критики.

29) До свѣдѣнія многихъ изъ насъ дошло, что нашихъ нижнихъ чиновъ принуждаютъ работать въ окопахъ и на фабрикахъ снарядовъ. Въ лагеряхъ Невгамеръ и Ламсдорфъ солдатамъ въ наказаніе не выдаютъ писемъ. 30 іюня—13 іюля 1916 года».

Медицинская часть въ офицерскихъ лагеряхъ была поставлена весьма неудовлетворительно. Это видно изъ приведенныхъ мною выше показаній моихъ товарищей, а равно и изъ слѣдующихъ фактовъ: въ лагерѣ Штральзундъ существовалъ околотокъ, которымъ завѣдывалъ русскій врачъ д-ръ Грацинскій, но онъ находился въ полномъ подчиненіи у нѣмецкихъ врачей, которые парализовали всякую его дѣятельность. Несмотря на все его желаніе оказать какую бы то ни было помощь больнымъ офицерамъ, нѣмецкіе врачи, не считаясь съ его мнѣніемъ, дѣлали всегда такъ, какъ имъ хотѣлось. Я уже говорилъ, что больному офицеру, чтобы освободиться отъ повѣрки, получить право не ходить въ конюшню обѣдать, получить разрѣшеніе купаться въ ваннѣ и за многими другими мелочами приходилось обращаться исключительно къ нѣмецкимъ врачамъ, ибо, повторяю, свидѣтельство д-ра Грацинскаго совершенно иногрировалось послѣдними. Въ околоткѣ распоряжался нѣмецкій фельдшеръ, между прочимъ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ, очень непріятный и нахальный господинъ. Онъ больше занимался контрабандой и доставкой всевозможныхъ предметовъ изъ города, какъ то: сахарина, левулезы и др. за-

мѣстителей сахара, котораго мы получали, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, очень мало, а затѣмъ всевозможныхъ дѣтскихъ кашъ: «нестле», «куфеке» и т. д., которыми мы подкармливали себя. Я не говорю уже о томъ, что это обходилось разъ въ пять дороже противъ рыночной цѣны. Медикаментовъ же и перевязочнаго матеріала въ околоткѣ было крайне недостаточно. Я самъ тяжело заболѣлъ, пролежавъ цѣлую недѣлю съ температурой 40 и выше и ничего кромѣ суррогата аспирина, такъ называемаго эрзацъ-аспирина, не могъ получить. Въ городѣ существовалъ лазаретъ, куда отвозили тяжело-больныхъ офицеровъ изъ лагеря, но по разсказамъ этихъ офицеровъ, это заведеніе можно было бы назвать чѣмъ угодно, но только не лазаретомъ. Такъ напримѣръ, въ комнатѣ со мною вмѣстѣ жилъ одинъ прапорщикъ, онъ былъ тяжело раненъ съ раздробленіемъ лѣвой бедряной кости въ верхней ея трети. Рана зажила, но затѣмъ открылся свищъ, изъ котораго сталъ выдѣляться гной. По моему совѣту и послѣ усиленныхъ хлопотъ д-ра Гарцинскаго, его перевели въ лазаретъ для того, чтобы удалить очевидно имѣвшійся секвестръ (омертвѣвшую косточку). Онъ вернулся болѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли назадъ, при чемъ разсказывалъ мнѣ, что нѣмецкіе врачи даже не осматривали его, а ограничились тѣмъ, что приказали какому-то фельдшеру дѣлать ему перевязки и этотъ фельдшеръ смазывалъ ему свищъ и кожу вокругъ свища іодомъ и завязывалъ. Врачъ нѣмецкій за всѣ эти двѣ съ половиною недѣли почти не заходилъ въ лазаретъ и больные предоставлены сами себѣ. Такъ какъ за это «леченіе» съ офицеровъ удерживается ²/₃ получаемаго ими жалованія, то прапорщикъ нашелъ гораздо болѣе остроумнымъ получать полностью жалованіе и находиться въ нашемъ обществѣ. Такъ какъ гной продолжалъ выдѣляться, то я рѣшилъ приступить къ операціи тутъ же въ комнатѣ съ импровизированными инструментами. Я досталъ кусокъ проволоки, пинцетъ, ножъ, зубные щипцы, случайно сохранившіеся у одного изъ врачей, шприцъ и новокаинъ, приготовилъ все это согласно правиламъ асептики и при первомъ же зондированіи на глубинѣ двухъ-трехъ сантиметровъ къ своему счастью и еще къ большему счастью больного натолкнулся на косточку, которую и удалилъ безъ всякаго труда, не расширяя даже свищевого хода. Свищъ послѣ этого быстро закрылся. Ясно, что если бы нѣмецкій врачъ, даже если бы онъ не былъ хирургъ, а просто человѣкъ мало-мальски добросовѣстно относящійся къ своему дѣлу, попробовалъ бы прозондировать свищъ, то онъ не могъ бы не натолкнуться на эту самую косточку и съ такою же легкостью

удалилъ бы ее простымъ пинцетомъ. Но этого не было сдѣлано. Прапорщика продержали болѣе полумѣсяца въ лазаретѣ, вычли у него изъ содержанія двѣ трети и заставили его заплатить около 20 марокъ за переѣздъ его изъ лагеря въ городъ и обратно.

Въ лагерѣ Штральзундѣ не только офицеры, но и мы врачи не имѣли права выходить за проволочный заборъ. Мы имѣли право гулять только внутри лагеря, нѣмцы же на всякой свободной площадкѣ земли старались развести огородъ и главнымъ образомъ картофель, такъ что дорожки, по которымъ мы гуляли, проходили мимо этихъ маленькихъ картофельныхъ полей. Для удобренія почвы нѣмцы обильно поливали эти огороды экскрементами изъ лагерныхъ клозетовъ, а потому вонь стояла невыносимая и намъ все время приходилось дышать этимъ отравленнымъ воздухомъ.

Весьма подробное, обстоятельное и интересное описаніе попаданія въ плѣнъ, всевозможныхъ мытарствъ по этапамъ и офицерскимъ лагерямъ я нашелъ въ рукописи вернувшагося изъ плѣна инвалида, командира 4-й батареи, 63 артиллерійсцой бригады, подполковника А. В. Лисынова. Привожу выдержки изъ этой рукописи.

Коснувшись условій паденія крѣпости Ново-Георгіевскъ, описавъ картину боевой обстановки, при которой самъ авторъ рукописи попалъ въ плѣнъ, весь израненный, онъ переходитъ дальше къ описанію траспортировки раненыхъ плѣнныхъ офицеровъ изъ крѣпости вглубь Германіи.

«Въ серединѣ сентября (1915 года) нѣмцы объявили, что госпиталь крѣпости нуженъ имъ для своихъ раненыхъ, а насъ всѣхъ эвакуируютъ въ Германію. Насъ осмотрѣлъ нѣмецкій гарнизонный врачъ Зейфертъ. Когда я попросилъ его оставить меня въ госпиталѣ, пока рана моя не заживетъ и я нѣсколько не окрѣпну, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Васъ отправятъ въ германскій лазаретъ, гдѣ за вами будетъ отличный уходъ». Я выразилъ сомнѣніе. Онъ обидѣлся и сказалъ: «Мы, нѣмцы, народъ культурный и несчастіе у насъ вызываетъ только состраданіе. Могу васъ увѣрить, что васъ прямо отправятъ въ германскій лазаретъ, гдѣ за вами будетъ медицинскій уходъ гораздо лучше, чѣмъ здѣсь, а затѣмъ васъ, какъ почти слѣпого, вѣроятно, скоро эвакуируютъ въ Россію».

«Мы выступили въ 10 час. утра, окруженные конвоемъ съ заряженными винтовками; эти конвойные должны были сопровождать насъ до мѣста назначенія, а затѣмъ воспользоваться отпускомъ. Около 3 верстъ гнали насъ, раненыхъ и слабыхъ, пѣшкомъ, усиленно подгоняя, такъ какъ запоздали. Дали только двѣ повозки для тѣхъ,

кто совсѣмъ не могъ идти пѣшкомъ и подводы подъ нашъ немногочисленный багажъ. На вокзалѣ нѣмецкій майоръ—комендантъ надъ военноплѣнными—подтвердилъ, что деньщики останутся при насъ, такъ какъ это полагается по закону. Черезъ нѣсколько станцій вагоны съ ними отцѣпили и куда ихъ отвезли, мы не знаемъ. Насъ посадили въ вагоны III класса по 8—10 человѣкъ въ отдѣленіе,— настолько тѣсно, что не только лечь нельзя было, но и сидѣть было крайне мучительно. Вагоны заперли. Нѣмцы—конвойные солдаты—ѣхали во II классѣ. Въ такомъ положеніи мы ѣхали около 2 сутокъ, такъ какъ насъ повезли на Млаву, а затѣмъ по нѣмецкимъ желѣзнымъ дорогамъ вокругъ всей польской границы, очевидно, для показа. До поздняго вечера перваго дня мы даже не могли добиться получить глотокъ воды. Когда я попросилъ, чтобы перемѣнили повязку пропитавшуюся гноемъ, то мнѣ объявили, что на германскихъ станціяхъ перевязочныхъ пунктовъ нѣтъ. Только въ началѣ ночи намъ сунули въ окно по грязной кружкѣ какого-то отвратительнаго супа, по буттерброду и по кружкѣ какихъ-то чернилъ, почему-то называвшихся чаемъ. На другой день, около полудня, насъ на одной станціи вывели подъ навѣсъ, гдѣ на грубо сколоченныхъ изъ досокъ столахъ были разставлены миски съ такимъ отвратительнымъ хлебовомъ, что мы, несмотря на голодъ, не могли заставить себя ѣсть его. Когда одинъ изъ раненыхъ дерзнулъ замѣтить, что это врядъ ли подходящая пища для раненыхъ, тѣмъ болѣе для офицеровъ, то нѣмецъ-смотритель продовольственнаго пункта началъ грубо кричать, что мы лучшаго не заслужили. Насъ затѣмъ въ наказаніе тотчасъ же погнали обратно въ вагоны и запретили что-либо покупать у станціонныхъ продавцовъ. О перемѣнѣ перевязокъ тоже слушать не хотѣли. Только къ ночи свели меня и еще одного раненаго въ какую-то караулку на одной изъ станцій, гдѣ мы и замѣнили гнойныя перевязки свѣжими, благо сестра Н. А. Богомолецъ снабдила насъ перевязочными средствами. Утромъ 18-го сентября мы пріѣхали въ Нейсе, въ небольшой городокъ въ Силезіи, въ верстахъ въ 20 отъ австрійской границы. Это старинная крѣпость, окруженная фортами устарѣлаго типа съ кирпичными казематами. На этихъ фортахъ вновь прибывающихъ плѣнныхъ выдерживаютъ отъ 3 до 5 недѣль якобы въ карантинѣ. Насъ повели, конечно, по серединѣ улицы и подъ конвоемъ черезъ городъ и поле на фортъ № 2. Пройти пришлось версты 4. Здѣсь насъ выстроили и комендантъ, майоръ Динтеръ, прочелъ намъ по-нѣмецки рѣчь, сущность которой сводилась къ тому, что мы теперь должны отказаться отъ всякихъ политическихъ убѣжденій, должны безпрекословно повиноваться

коменданту, а также фельдфебелю и всѣмъ нижнимъ чинамъ, которые въ случаѣ неповиновенія или замедленія въ исполненіи приказанія, могутъ и должны пускать въ ходъ оружіе. Приказанія ихъ во всякомъ случаѣ должны быть исполнены, но допускается впослѣдствіи обжаловать ихъ. Всѣ наличныя деньги должны быть сданы на книжку при чемъ германское правительство ручается за ихъ неприкосновенность. Для текущихъ расходовъ разрѣшается періодически получать на руки суммы не свыше 50 марокъ, считая 1 марку 40 пфен. за 1 рубль. Офицеры чиномъ ниже капитана получаютъ на содержаніе 60 марокъ въ мѣсяцъ: капитаны и выше—100 мар. Изъ этихъ денегъ удерживается по 1 мар. 50 пфен. въ сутки за продовольствіе. Въ другихъ лагеряхъ еще нужно платить отдѣльно за хлѣбъ около 6 марокъ въ мѣсяцъ, а въ нѣкоторыхъ и отдѣльно за ужинъ. За 1-й мѣсяцъ плѣна никакого содержанія не выдается. Всѣ офицеры чиномъ ниже капитана должны немедленно снять знаки офицерскаго званія—погоны и кокарды, и германское правительство не считаетъ ихъ имѣющими воинское званіе. Дѣлается это въ видѣ репрессій за, якобы, такія же мѣры, предпринятыя по отношенію къ германскимъ офицерамъ въ Россіи. 2 раза въ день въ 9 час. утра и въ 5 час. вечера, а при надобности и чаще, всѣ должны строиться на повѣрку. Выходить изъ помѣщенія на прогулки разрѣшается отъ утренней до вечерней повѣрки, только во дворикѣ форта. По поднимающимся на гребень валганга, часовые будутъ стрѣлять. Задержатъ на форту насъ отъ 3 до 5 недѣль. Здѣсь должны очистить насъ отъ паразитовъ и сдѣлать предохранительныя прививки оспы, холеры и тифа. Все, что здѣсь дѣлается, дѣлается исключительно въ заботѣ о нашемъ благѣ и германское правительство очень хотѣло бы, чтобы ихъ плѣнные офицеры содержались въ Россіи точно такъ же, какъ содержатъ русскихъ въ Германіи. Затѣмъ комендантъ еще долго распространялся о необходимости пріучиться къ нѣмецкой чистотѣ и порядку. Когда я заикнулся о томъ, что мнѣ и другимъ раненымъ необходимо немедленное отправленіе въ госпиталь для леченія нашихъ ранъ, комендантъ отвѣтилъ, что здѣсь такими пустяками заниматься некогда. Затѣмъ намъ дали по кружкѣ кофе и по бутерброду, который мы имѣли наивность тутъ же съѣсть,—оказалось, что это порція хлѣба на весь день. Затѣмъ насъ подвергли обыску, записали разныя данныя о насъ въ опросные листы и по одиночкѣ повели въ помѣщеніе.

Помѣщеніе... Я осматривалъ хабаровскую каторжную тюрьму, но могу увѣрить, что это были палаты, въ сравненіи съ той берло-

гой, куда повели насъ, раненыхъ офицеровъ. Подъ толстымъ земляным слоемъ валганга, темные, сырые, низкіе кирпичные казематы (сводчатые погреба). Нѣкоторые казематы даже подъ землей, во рву форта. Насъ помѣстили въ одномъ казематѣ 60 человѣкъ. Имѣлось только одно окно. Остальная часть помѣщенія тонула во мракѣ, который не могла разсѣять слабая электрическая лампочка, висѣвшая въ дальнемъ углу. Я—полуслѣпой—могъ двигаться тамъ только съ помощью товарищей. Низкіе, сырые кирпичные своды, въ самомъ высокомъ мѣстѣ около 1 сажени вышины. Со стѣнъ льется вода. Вѣчная пыль отъ кирпичнаго пола, набивавшаяся въ повязки ранъ, въ глаза, покрывавшая лицо, руки, платье. Койки въ два этажа. Надо мною помѣстили прибывшаго съ позицій офицера, страшно истощеннаго 17-дневнымъ передвиженіемъ пѣшкомъ, большими переходами почти безъ пищи, и въ одной тоненькой гимнастеркѣ въ холодъ и дождь. Отъ этого ли, или отъ какой другой причины онъ страдалъ ночнымъ недержаніемъ мочи, которая лилась сверху на меня. Койки были сдвинуты по двѣ пары вплотную и между каждымъ рядомъ изъ четырехъ коекъ былъ узкій проходъ. Намъ были даны соломенные тюфяки и такія же подушки, въ которыхъ солома изъ экономіи обслуживала уже много поколѣній плѣнныхъ. Все это было покрыто простыней изъ парусины и двумя одѣялами въ наволочкѣ изъ полосатаго тика. Кровать кишѣла вшами, клопами, блохами. Мы прибыли изъ госпиталя совершенно чистыми, здѣсь же мы всѣ набрались паразитовъ и потомъ съ большимъ трудомъ могли отъ нихъ отдѣлаться. Простыню и чехолъ не перемѣнили, кажется, ни разу за все время нашего пребыванія на форту, (около 5 недѣль), полотенце мѣнялось одинъ разъ въ недѣлю.

Нѣмецкая система пріученія къ чистотѣ и порядку, сказывавалась и въ умываніи: при проходѣ на сквознякѣ имѣлось двѣ ванны и во дворъ форта былъ проведенъ водопроводъ, но онъ обладалъ фатальнымъ свойствомъ портиться и недѣйствовать черезъ каждые 2—3 дня, починка же его занимала не менѣе двухъ дней времени. Такимъ образомъ, водопроводъ дѣйствовалъ не болѣе двухъ-трехъ дней въ недѣлю. Тогда для кухни привозили воду въ бочкѣ, но для умыванія и чаепитія это считали невозможнымъ: «помилуйте, бочка воды стоитъ 10 марокъ»,—говорилъ комендантъ, совершенно забывая, что на нашемъ столованіи и на лавочкѣ (кантинѣ) онъ получалъ чистаго дохода 50—100 марокъ въ день. Въ такихъ случаяхъ мы съ вечера подставляли ведра, кувшины, миски подъ водосточныя трубы, собирали воду и дѣлили ее потомъ между

собою. Приходилось, когда по кружкѣ, когда по полъкружки на человѣка на умываніе и на питье вмѣстѣ. О ваннѣ при такихъ условіяхъ, конечно, нечего было и думать.

День на форту распредѣлялся такъ: отъ 7 до 8 час. утра полагалось встать, умыться въ полъ кружкѣ или когда воду достать можно было, то въ грязной глиняной мискѣ. Затѣмъ подавалась кружка кофе иногда съ молокомъ, иногда безъ него. Тутъ же выдавалось около $^3/_4$ фунта хлѣба съ примѣсью до 50% картофеля. Въ 8 час. 30 мин. утра, обязательно, несмотря на погоду, всѣ должны были выйти изъ помѣщенія и производилась уборка его. Въ 9 час строились на повѣрку. Повѣрялъ фельдфебель, потомъ приходилъ комендантъ, все добивавшійся отъ насъ, чтобы мы ему громко отвѣчали на привѣтствіе. Онъ произносилъ длинныя рѣчи съ цѣлью поучать насъ нѣмецкой культурѣ и кричалъ на тѣхъ, кто дерзалъ почему либо улыбнуться. Вся процедура длилась не менѣе полчаса и освободить отъ нее могъ только нѣмецкій врачъ, появлявшійся изрѣдка, главнымъ образомъ, на прививки и почти неуловимый въ другое время. Когда я послѣ одной прививки лежалъ почти въ безпамятствѣ, съ температурой свыше 40 градусовъ, и не вышелъ на вечернюю повѣрку, то фельдфебель Симонъ кричалъ на меня и старался за ноги стащить съ кроватьи, но видя, что я совершенно не реагирую на его приставанія, оставилъ меня въ покоѣ. Въ 12 час. намъ давали обѣдъ изъ 2 блюдъ: обычно водянистый супъ въ мискахъ и не очищенная картошка съ селедкой, клавшіяся прямо на грязный, ничѣмъ, не покрытый столъ. Въ 5 час. вечера опять повѣрка (для разнообразія иногда устраивалась и третья повѣрка днемъ). Затѣмъ ужинъ—картошка съ селедкой или супъ, иногда картофель и кусочекъ масла или кусочекъ сыра (теперь о такой роскоши давно позабыли). Послѣ 8 или 9 час. вечера выходить на дворъ воспрещалось. Мало того, когда однажды ночью 2 офицера случайно вмѣстѣ шли изъ отхожаго мѣста, то часовой хотѣлъ по нимъ стрѣлять. На жалобу, принесенную коменданту, тотъ объявилъ, что часовой совершенно правъ, что ходить ночью въ отхожее мѣсто можно только по одиночкѣ и намъ слѣдуетъ для этого установить между собою очередь (насъ было до 150 человѣкъ, жившихъ въ 4—5 помѣщеніяхъ) и что все это дѣлается для нашего блага.

«Возможно, что комендантъ Динтеръ не зналъ, что творилъ. Мнѣ вспоминается разсказъ одного товарища, котораго погнали раньше меня пѣшкомъ на Праснышъ вмѣстѣ съ партіей плѣнныхъ солдатъ. Когда проводили ихъ мимо одной деревни (названіе забылъ) къ одному изъ солдатъ, мѣстному уроженцу, подбѣжала

его жена съ дѣтишками, бросилась къ нему на шею, плача. Конвойный нѣмецъ, довольно добродушно показываетъ ему, что, молъ, надо идти, а баба повисла на шеѣ, плачетъ и не пускаетъ. Тогда нѣмецъ спокойно стрѣляетъ въ него, убиваетъ и бѣжитъ догонять свою партію. Такая безсознательная, странная и нежданная жестокость очень характерна для нѣмцевъ, этихъ деревянныхъ людей. Если онъ буквально исполняетъ приказанія старшихъ, или велѣніе уставовъ, то совѣсть его нисколько не отягощается содѣяннымъ имъ. Исполнявшій на форту должность фельдшера, студентъ-медикъ 2-го курса, выслушавъ жалобы одного офицера съ удивленіемъ отвѣтилъ: «Неужели вы не понимаете, что плѣнный (гефангенеръ) долженъ содержаться въ тюрьмѣ (гефенгнисъ)». Съ точки зрѣнія нѣмецкаго языка и нѣмецкаго разсудка это очень логично.

Прислугой къ офицерамъ, примѣрно по одному на десять человѣкъ, назначались наши плѣнные нижніе чины, но по особому выбору комендатуры. Почти всѣ они слѣдили за нами и доносили обо всемъ нѣмцамъ. Они старались разузнать, нѣтъ ли при насъ знаменъ, важныхъ документовъ, не готовится ли побѣгъ или бунтъ. Достаточно было собраться нѣсколькимъ офицерамъ, чтобы около нихъ выростала и терлась фигура такого нѣмецкаго соглядатая. Одинъ изъ нихъ, пристыженный нами, впалъ въ отчаяніе, и съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Онъ сталъ разбрасывать полученныя отъ нѣмцевъ за предательство деньги и во время повѣрки бросился на коменданта и сталъ душить его. Его посадили въ сумасшедшій домъ. Нижнихъ чиновъ, отказывавшихся отъ такой позорной службы—шпіонить за своими же офицерами,—обыкновенно немедленно высылали обратно въ солдатскіе лагери или на работы.

Вообще, въ плѣну насъ окутала атмосфера шпіонажа, пропаганды и провокаціи. Пользуясь тѣмъ, что попадающіеся въ плѣнъ съ разныхъ участковъ фронта офицеры часто совсѣмъ не знаютъ другъ друга, часто нѣмцы посылаютъ подъ видомъ офицеровъ своихъ переодѣтыхъ агентовъ, обнаруживавшихъ нерѣдко полное незнаніе, не только офицерскаго, но и солдатскаго быта. Являлись субъекты съ 5 Георгіями, съ аксельбантомъ на лѣвомъ плечѣ и т. д. Кромѣ того, въ широкихъ размѣрахъ распространялась спеціально-провокаціонная литература, и велась пропаганда отдѣленія окраинъ отъ Россіи, конечно, подъ нѣмецкимъ протекторатомъ.

Какъ я уже говорилъ, въ карантинныхъ лагеряхъ дѣлаютъ прививки. Прививки, конечно, дѣлались, не справляясь ни съ желаніемъ, ни съ состояніемъ здоровья плѣннаго. Со мною прибылъ изъ Ново-Георгіевска раненый капитанъ ополченія Ржевскій, муж-

чина атлетическаго сложенія и цвѣтущаго здоровья. Во время прививокъ онъ расхворался; при мнѣ нѣмецъ-фельдшеръ докладывалъ нѣмецкому врачу Георгу Тейхману, что у Ржевскаго температура около 39 и прививку ему дѣлать нельзя. Но Тейхманъ приказалъ его привести и сдѣлать прививку насильно. Черезъ три дня Ржевскій умеръ въ нѣмецкомъ госпиталѣ (въ октябрѣ 1915 года). Для прививки насъ собирали во дворѣ, гдѣ мы сбрасывали шинели, затѣмъ мы входили въ небольшой казематъ, въ которомъ и дѣлали вспрыскиванія, почти не дезинфецируя иглы, а затѣмъ выгоняли на дворъ одѣваться.

Раненныхъ или совсѣмъ не перевязывали, или клали непосредственно на рану кусокъ грязной древесной ваты. На гноящуюся рану на мѣстѣ моего лѣваго глаза приготовили постоянную повязку, вырѣзанную изъ старыхъ грязныхъ солдатскихъ штановъ подшитыхъ холстомъ. По счастью у насъ сохранились бинты и немного борной кислоты и мы перевязывались сами. Въ результатѣ такого леченія, у меня получилось неправильное срощеніе наружныхъ краевъ раны, которая гноится и до сихъ поръ, такъ какъ я не могъ добиться операціи—выпущенія остатковъ глаза, вслѣдствіе чего и мой правый глазъ, и безъ того слабый и поврежденный, прогрессивно слѣпнетъ.

Письма разрѣшалось писать по 8 открытокъ въ мѣсяцъ. Вмѣсто 2 открытокъ можно было посылать одно закрытое письмо. Письма разрѣшалось писать только карандашемъ и нежелательныя слова вытирались резинкой, что иногда совершенно искажало смыслъ написаннаго, напримѣръ, когда перестали выдавать полностью денежные переводы, то одинъ офицеръ написалъ домой: «Денегъ не присылайте»; писалъ онъ это неоднократно, причемъ каждый разъ слово «не» было вытираемо, и деньги продолжали высылать.

«Въ 10-хъ числахъ октября младшимъ офицерскимъ чинамъ разрѣшили надѣть погоны и кокарды. Въ 20-хъ числахъ насъ перевели изъ форта въ общій лагерь Нейссе. Въ этомъ лагерѣ было до 700 русскихъ офицеровъ, около 40 французовъ и человѣкъ 15 англичанъ. Размѣщены офицеры были въ 12 двухъэтажныхъ досчатыхъ баракахъ, по 4 комнаты въ каждомъ этажѣ. Въ комнатѣ примѣрно по 10 человѣкъ и на нихъ одинъ деньщикъ. Въ комнатѣ полагалось на каждаго офицера кровать, такого же свойства, какъ и на форту, по табуреткѣ или стулу (для капитановъ и выше). На всѣхъ 2 стола, 2 шкафа, 2 глиняныхъ кувшина для воды, 2 миски (для умыванья и мытья посуды). Освѣщались комнаты до 10 час.

вечера электричествомъ, но довольно скудно. Имѣлись двѣ желѣзныя печки, но угля даютъ мало и благодаря тонкимъ досчатымъ стѣнамъ, черезъ которыя продувало, къ утру температура бывала лишь немного выше нуля. Бараки стоятъ въ 3 ряда по 4 барака въ ряду. Между бараками разстояніе около 2 саженъ. Ходить можно между и кругомъ бараковъ и по маленькой площадкѣ, на которой строятся на повѣрки. Все пространство съ трехъ сторонъ окружено заборомъ и проволочнымъ загражденіемъ, а съ четвертой стороны, примыкающей къ казармамъ, гдѣ размѣщены германскіе солдаты,— двойнымъ рядомъ проволочныхъ загражденій. Кромѣ бараковъ имѣется: 2 манежа, изъ которыхъ въ одномъ плѣнные устроили церковь, а въ другомъ собираются на повѣрку въ сильное ненастье и завели на экономическія деньги (отъ лагерной лавки) нѣсколько гимнастическихъ приборовъ и сцену, гдѣ иногда плѣнные устраиваютъ концерты и любительскіе спектакли. Затѣмъ имѣются конюшня, въ которой живутъ нижніе чины (офицерская прислуга) и устроена столовая и кухня для половины офицеровъ и двухъэтажное небольшое зданіе унтеръофицерскаго собранія, гдѣ помѣщается лавочка (кантина) и столовая и кухня для другой половины офицеровъ. Кромѣ того, имѣется два отхожихъ мѣста, куда пускаютъ отъ утренней до вечерней зори. Послѣ вечерней зори никто изъ бараковъ не выпускается. Въ прихожую бараковъ ставятъ параши. День распредѣленъ приблизительно такъ же, какъ на форту. Въ хорошую погоду иногда (не чаще одного раза въ недѣлю) устраивались прогулки въ окрестности на 2—3 часа. Водили насъ командами въ строю, окруженными цѣпью часовыхъ съ заряженными винтовками, словомъ такъ, какъ у насъ водятъ арестантовъ. Разъ въ недѣлю водятъ командами подъ душъ въ 10 человѣкъ подъ конвоемъ, хотя душъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ, въ казармахъ германскихъ солдатъ. На мытье дается ¼ часа. Общенія съ частными жителями нѣтъ. Только разъ въ недѣлю къ проволочному загражденію на полъчаса допускаются прачки, которымъ путемъ перебрасыванія черезъ проволоку, отдается бѣлье въ мойку, но уже осмотрѣнное нѣмецкими солдатами. Кромѣ того, одинъ разъ въ недѣлю приходилъ нѣмецъ-портной, принимавшій заказы.

Покупать можно было только въ лагерной кантинѣ, гдѣ на товары была обязательная надбавка не менѣе 25%. Эта надбавка дѣлается даже тогда, когда въ видѣ исключенія разрѣшается что-либо купить прямо въ городѣ. Сперва въ лавкѣ продавали нѣмцы и брали совершенно произвольныя цѣны. Мало того, нѣмецкая администрація заявила, что кантина и столованіе офицеровъ даютъ

такіе убытки, что для покрытія ихъ необходимо конфисковать всѣ собственныя деньги офицеровъ. Тогда офицеры добились того, что сами стали продавать въ лавкѣ и вести торговыя книги, причемъ оказалось, что кантина не только не даетъ убытка, но еще около 2.000 марокъ въ мѣсяцъ прибыли, которую нѣмцы хотѣли себѣ присвоить, равно какъ остатки суммъ отъ продовольствія офицеровъ. Всего такихъ суммъ за 4—5 мѣсяцевъ собралось до 20.000 марокъ. Только послѣ жалобы испанскому посланнику и начальнику корпуснаго округа въ Бреславлѣ генералу фонъ-Трескову, намъ удалось добиться разрѣшенія расходовать эти суммы на улучшеніе быта офицеровъ.

Германскіе офицеры сравнительно рѣдко показываются въ лагерѣ, а всѣмъ распоряжаются фельдфебели и другіе нижніе чины, которые часто, особенно въ началѣ войны, позволяли себѣ безобразно-грубое обращеніе. Напримѣръ, одинъ фельдфебель, являясь на повѣрку съ сигарой въ зубахъ, замѣтивъ, что одинъ офицеръ тоже закурилъ, закричалъ, что вырветъ у него изо рта папиросу вмѣстѣ съ усами. Если офицеры случайно, по разсѣянности, близко подходили къ часовымъ, то рисковали получить ударъ штыкомъ или прикладомъ. Въ концѣ 1914 года или въ началѣ 1915 былъ одинъ комендантъ, фамилію я забылъ, который вѣчно пилъ, иногда пьяный пріѣзжалъ верхомъ на повѣрку, врывался на лошади въ толпу офицеровъ и ругательски ругалъ ихъ. Съ трудомъ удалось добиться замѣны его. Вообще личность коменданта играла громадную роль.

Пища сначала была изъ рукъ вонъ плоха и до офицеровъ доходила развѣ только половина изъ продуктовъ, положенныхъ по раскладкѣ, утвержденной нѣмецкимъ военнымъ министерствомъ, и офицерамъ стоило громаднаго труда и настойчивости, чтобы взять столованіе въ свои руки.

«Настоящихъ денегъ въ лагеряхъ на рукахъ имѣть не дозволялось, подъ страхомъ преданія суду и конфискаціи денегъ. Намъ выдавались особенныя лагерныя боны, которыя внѣ лагеря не имѣли никакой цѣны. Сдѣлано это было, якобы, для затрудненія подкупа и побѣговъ, на самомъ же дѣлѣ, чтобы ничего помимо кантины купить нельзя было. Было установлено правило, чтобы больше 20 марокъ въ недѣлю на руки не выдавалось, что было сверхъ этого, записывалось на книжку. Какъ я уже упомянулъ выше, нѣмцы часто безъ объясненія причинъ конфисковали полностью, или частью собственныя деньги офицеровъ, хранившіяся по книжкамъ. Въ лагеряхъ, такъ же, какъ и на форту, нѣмцы устроили цѣлую систему шпіонажа и пропаганды.

Физическія лишенія, а главное постоянный нравственный гнетъ, и тоска по родинѣ вызываютъ попытки офицеровъ къ побѣгамъ. Несмотря на проволочныя загражденія, запоры, часовыхъ и полицейскихъ собакъ, рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы нѣмцы не обнаруживали новыхъ готовящихся подкоповъ или что бы нѣсколько человѣкъ не пыталось бѣжать, или не убѣгало. Къ сожалѣнію, немногимъ удается дойти до Россіи или союзныхъ и нейтральныхъ странъ, такъ какъ недостаетъ знанія языка и мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ. За попытки къ побѣгу отдѣльныхъ лицъ нѣмцы неизбѣжно налагаютъ репрессіи на всѣхъ, въ видѣ увеличенія числа повѣрокъ и удлиненія времени ихъ, невыдачи въ теченіе нѣсколькихъ дней писемъ, сокращенія числа часовъ пребыванія на воздухѣ, сокращенія времени освѣщенія бараковъ. Кромѣ того, совершившіе попытку побѣга почти неизмѣнно предаются суду, при чемъ обвиненія предъявляются или за порчу казеннаго имущества, или за воровство, или за подкупъ часовыхъ, или, наконецъ, за шпіонажъ. Такъ, напримѣръ, раненому на передовыхъ позиціяхъ Ново-Георгіевска и взятому въ плѣнъ пулеметчику поручику Охотцкому, удалось впослѣдствіи вмѣстѣ съ двумя ранеными нижними чинами убѣжать изъ Пултусскаго или Остроленскаго госпиталя и добраться до Брестъ-Литовска, гдѣ разболѣвшіяся раны заставили ихъ искать пріюта, который и нашли у священника села Черняны о. Дормидонта Хомюка, но вскорѣ ихъ выдалъ одинъ мѣстный житель. О. Дормидонта судили за укрывательство и продержали 11 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ отослали въ одинъ изъ лагерей для военноплѣнныхъ, гдѣ его видѣла сестра Самсонова во время послѣдняго объѣзда, а поручика и двухъ нижнихъ чиновъ обвинили въ шпіонажѣ. Нижнихъ чиновъ растрѣляли; тому же хотѣли подвергнуть и поручика Охотцкаго, но потомъ, продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, его отослали въ лагерь Нейссе. Вернувшійся изъ плѣна инвалидъ, командиръ 184 Смоленской пѣшей дружины, подполковникъ В. А. Ивановъ разсказалъ, что въ ноябрѣ или декабрѣ 1915 года офицеры устроили въ лагерѣ Гютерслоо подкопъ съ цѣлью побѣга. Нѣмцы обнаружили подкопъ и застали въ немъ работавшаго тамъ офицера, который вслѣдствіе обвала земли не могъ оттуда выйти. Тогда нѣмцы искололи его штыками и еле живого отвезли въ госпиталь. У вернувшагося изъ плѣна инженера Вайнберга имѣется копія приказа нѣмецкаго генерала, гласящая: «Всякая попытка побѣга, въ числѣ двухъ или болѣе лицъ, должна разсматриваться какъ вооруженный мятежъ и судиться военнополевымъ судомъ». Прапорщикъ Цирглава за

двукратный побѣгъ былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ и просидѣлъ тамъ 1½ года. Въ лагерѣ Штральзундъ подполковникъ Бенаръ совершилъ попытку бѣжать. Онъ былъ пойманъ нижними чинами-нѣмцами, избитъ, хотя и не оказывалъ сопротивленія и посаженъ подъ арестъ. Подполковникъ Бенаръ составилъ жалобу испанскому послу. Тогда комендантъ Буссе призываетъ его и говоритъ: «Я отлично знаю, что васъ дѣйствительно избили, но вы должны отказаться отъ мысли принести жалобу, иначе будете преданы суду за клевету, такъ какъ свидѣтели, конечно, не подтвердятъ вашей жалобы». Подполковникъ Бенаръ отказался взять жалобу обратно и былъ преданъ суду за клевету и 4 мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ въ предварительномъ заключеніи.

Особенно тяжело было положеніе въ лагеряхъ больныхъ. Никакія просьбы и никакіе протесты не помогали. Люди доходили до отчаянія, и вотъ двое офицеровъ, тяжело больные туберкулезомъ, штабсъ-капитанъ Козляниновъ и прапорщикъ Бѣлолипецкій рѣшили попытаться вплавь достичь береговъ Швеціи (дѣло происходило въ лагерѣ Штральзундъ). Они знали, что идутъ на вѣрную смерть, но хотѣли своей смертью обратить общественное мнѣніе Германіи на ужасное положеніе чахоточныхъ и инвалидовъ въ германскомъ плѣну. Штабсъ-капитанъ Козляниновъ не выдержалъ этого плаванія и умеръ, а прапорщикъ Бѣлолипецкій, стараясь его спасти и буксируя его, былъ пойманъ на островѣ Рюгенѣ и посаженъ подъ арестъ. Конечно, его здоровье еще ухудшилось, однако, въ наказаніе «за попытки къ побѣгу» на слѣдующей коммиссіи онъ былъ отставленъ отъ обмѣна.

«Даже и тѣ изъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ, которымъ удавалось попасть въ лазареты, въ большинствѣ случаевъ находились не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остававшіеся въ лагеряхъ. Жили они впроголодь, питаясь почти одной картофелью, и лечили ихъ крайне небрежно, вслѣдствіе чего происходило неправильное сростаніе переломовъ и вообще плохое залечиваніе ранъ. У штабсъ-капитана Заборскаго нога срослась сначала въ видѣ полукруга, потомъ ее вторично ломали; получилось укороченіе ноги свыше десяти сантиметровъ. У ветеринарнаго врача Бормана, помимо значительнаго укороченія ноги, острые края костей на мѣстѣ перелома торчатъ до сихъ поръ и давленіемъ на окружающія ткани вызываютъ постоянныя боли. У капитана 34-го сибирскаго стрѣлковаго полка Викторова, рука, раздробленная въ пясти и въ запястьи, срослась такимъ образомъ, что кисть образуетъ уголъ съ предплечьемъ, а рана и черезъ полтора года еще открыта. У поручика 4-го

стрѣлковаго полка Аксельрода не достаетъ куска кости на лѣвой голени, и рана, проникающая въ самую кость, открыта, хотя прошло свыше двухъ лѣтъ; при этомъ у него получилась неподвижность голеностопнаго сустава. У штабсъ-капитана л.-гв. Кексгольмскаго полка бар. Штакельберга и у поручика 181 пѣхотнаго Шуйскаго полка Гуторенко черепныя раны оставались открытыми свыше двухъ лѣтъ. Мнѣ 15 мѣсяцевъ не дѣлали операціи вылущенія остатковъ глаза, вслѣдствіе чего я почти ослѣпъ и на другой глазъ. Если раненыхъ плохо или почти совершенно не лечатъ, то зато ихъ постоянно пріучаютъ къ впрыскиванію морфія и другихъ наркотиковъ, быть можетъ, для того, чтобы заглушить ихъ боли, но я думаю, изъ сознательно преступныхъ цѣлей.

Чтобы успокоить раненыхъ, имъ обѣщаютъ скорый омбѣнъ и отправку въ Россію, гдѣ они могутъ долечиться. Такихъ раненыхъ и больныхъ везутъ обыкновенно въ лагерь Штральзундъ, какъ сборный пунктъ на пути въ Россію. Они ѣдутъ туда въ надеждѣ на скорое освобожденіе, въ надеждѣ увидѣть дорогую родину и близкихъ и, наконецъ, въ надеждѣ имѣть возможность полечиться.

Но увы, ихъ ждетъ тяжелое разочарованіе. Пересылка въ Штральзундъ, въ большинствѣ случаевъ, есть только комедія, къ тому же ведущая зачастую къ ухудшенію условій жизни въ плѣну.

Всѣхъ прибывающихъ на обмѣнъ въ Штральзундъ, запираютъ въ особые карантинные бараки, не допускающіе общенія съ прочими плѣнными. Черезъ нѣкоторое время назначается комиссія, которая и опредѣляетъ окончательно, подлежитъ ли плѣнный обмѣну или нѣтъ. Комиссія состоитъ изъ нѣсколькихъ врачей, офицера генеральнаго штаба и коменданта лагеря Штральзундъ-Дэнгольмъ, маіора фонъ-Буссе. Комиссія больныхъ совершенно не осматриваетъ, а руководствуется какими-то совершенно иными соображеніями, напримѣръ, профессіей даннаго лица до войны, его чиномъ, лѣтами, народностью и т. п. Въ лучшемъ случаѣ—наружнымъ видомъ. Сравнительно легче проходятъ священники, чиновники, врачи и лица въ малыхъ чинахъ, поступившія въ войска изъ запаса. Профессіональные военные, особенно старшихъ чиновъ, не имѣютъ почти никакихъ шансовъ пройти, развѣ что они накануне смерти отъ чахотки или неизлечимо-душевные больные.

Меня не осматривали, а спросили только, дѣйствительной ли я службы офицеръ, или запаса. Я отвѣтилъ: «Дѣйствительной». Офицеръ генеральнаго штаба сказалъ: «Ну, вотъ видите,—значитъ, не можетъ быть и разговора, я стою за Z». (Оставляемымъ ставилась

буква Z, а назначаемымъ къ обмѣну буква А). Съ нимъ согласились сейчасъ же и всѣ остальные члены комиссіи. Мнѣ помогло только то, что я владѣю свободно нѣмецкимъ языкомъ. Понявъ разговоръ, я сказалъ: «Я удивляюсь, господа, что вы, не осмотрѣвъ меня, все же отставляете отъ обмѣна, въ то время какъ специалисты, ваши же нѣмцы, осмотрѣвъ меня подробно, сказали мнѣ, что я безусловно подлежу обмѣну и съ ихъ заключеніемъ согласилось и германское военное министерство». Однимъ словомъ, мнѣ удалось добиться, чтобы меня и еще двухъ глазныхъ больныхъ, которыхъ тоже было не признали подлежащими обмѣну, послали на переосвидѣтельствованіе въ университетъ Грейфсвальдъ къ извѣстному окулисту проф. Ремеру, который и призналъ меня и еще одного подлежащими обмѣну. Ясно, что мнѣ помогла моя чрезвычайная настойчивость и хорошее знаніе нѣмецкаго языка.

«Достаточно сказать, что изъ 60 человѣкъ, одновременно со мной пріѣхавшихъ, къ обмѣну признано, если память не обманываетъ, 8 человѣкъ, изъ нихъ 2 священника, а остальные были: 2 душевно-больныхъ, 2 чахоточныхъ, почти при смерти, и 2 почти слѣпыхъ, прошеднихъ только благодаря моей настойчивости. Одноногіе, однорукіе, съ тяжелыми черепными ранами, къ тому же всѣ обладающіе еще и тяжелыми внутренними болѣзнями, остаются за флагомъ. Поручикъ 4-го Стрѣлковаго полка Окуличъ-Казаринъ, весь израненый, съ перебитыми бедромъ и ногой, покрытой гнойниками, не былъ отправленъ, такъ какъ постыдились посылать его въ такомъ видѣ въ Россію и предложили предварительно ампутировать ногу; онъ согласился, но послѣ ампутаціи ему объявили, что теперь онъ уже не подходитъ болѣе подъ условія обмѣна. Такимъ образомъ, огромное большинство пріѣхавшихъ на обмѣнъ устраняется отъ него и, оставаясь въ Штральзундѣ, попадаетъ въ гораздо худшія условія, чѣмъ въ другихъ лагеряхъ. Эти худшія условія зависятъ отчасти отъ тяжелаго климата—вѣчная сырость и вѣтры, а главнымъ образомъ—отъ личности коменданта и неустройства лагеря. Комендантъ, маіоръ фонъ Буссе, прямо изыскиваетъ всѣ средства, чтобы ухудшить положеніе плѣнныхъ офицеровъ, хотя добрая треть изъ нихъ, оставленные комиссіями инвалиды, казалось бы, заслуживали нѣкоторой большей заботливости. Въ лагерѣ идетъ грандіозное систематическое хищеніе на офицерскомъ столѣ, изъ рукъ вонъ плохомъ, и на кантинѣ, въ которой цѣны нерѣдко на 300—400% выше городскихъ. Для иллюстраціи этихъ цѣнъ приведу нѣсколько примѣровъ. Уѣзжая изъ Нейсе, я купилъ банку консервированнаго молока за 1 марку.

Черезъ нѣсколько дней въ Штральзундѣ я заплатилъ за такую же банку 2 марки 50 пфен.; въ газетахъ была объявлена максимальная цѣна за фунтъ лучшихъ яблокъ 17 пфен., въ лагерной кантинѣ ихъ продавали за 80 пфен.—1 марку. Все остальное въ этомъ же родѣ. Комендантъ не допускаетъ вмѣшательства офицеровъ въ дѣла кухни или лавочки и рѣзко отклоняетъ всѣ попытки офицеровъ сколько-нибудь урегулировать эти вопросы. Зато при кухнѣ околачивается много какихъ-то нѣмецкихъ чиновъ, которые, очевидно, вмѣстѣ съ комендантомъ поправляютъ свои финансы за счетъ тощихъ кармановъ и тощихъ желудковъ военно-плѣнныхъ. Нѣмцы вообще сребролюбивы, но изобрѣтательность на этотъ счетъ маіора фонъ-Буссе была особенно велика. Въ лагерѣ, напримѣръ, былъ русскій зубной врачъ, но комендантъ выслалъ его и запретилъ водить офицеровъ къ городскимъ зубнымъ врачамъ, а въ лагерь пріѣзжаетъ его клевретъ, берущій иногда до 60 марокъ за пломбировку одного зуба. Въ другой разъ въ Штральзундъ пріѣхалъ съ фронта въ отпускъ добрый знакомый коменданта врачъ Гармсъ. Глазныхъ больныхъ, не спрашивая ихъ согласія, повели къ нему, онъ заставилъ каждаго изъ больныхъ заплатить ему за визитъ по 10 марокъ, а затѣмъ отпускалъ, замѣчая, что ничѣмъ помочь не можетъ. Лекарство приходится покупать черезъ нѣмца-фельдшера втридорога. Комендантъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать невозможной какую-либо внутреннюю организацію лагеря; стоило ему замѣтить, что человѣкъ работаетъ на общую пользу, онъ высылалъ его въ другой лагерь: такъ онъ дѣлалъ съ музыкантами, также съ учителями и учениками, создавшихся было, по инициативѣ доктора Крассона, общеобразовательныхъ курсовъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Выразивъ полное сочувствіе идеѣ курсовъ и пообѣщавъ полное содѣйствіе, фонъ-Буссе затребовалъ списки учащихъ и учащихся. Черезъ 2—3 дня всѣ записавшіеся на курсы нижніе чины были высланы въ солдатскіе лагеря, затѣмъ выслали 15 учителей, среди нихъ тяжело раненаго капитана артиллеріи Зихмана, и до 120 учениковъ. Попытку создать судъ чести онъ разсматривалъ чуть ли не какъ мятежъ, попытку отслужить панихиду по почившему лорду Китченеру—немедленно подавилъ. Всякія жалобы офицеровъ на плохую пищу, на недовѣсъ въ хлѣбѣ, на дорогія цѣны въ кантинѣ оставлялись безъ вниманія, а заявлявшихъ жалобы или арестовывалъ, якобы за клевету, или высылалъ въ карательные лагеря. Съ великимъ трудомъ удалось вызвать аташе испанскаго посольства. Только одному полковнику фонъ-Кетлеру комендантъ разрѣшилъ гово-

рить объ общихъ нуждахъ. Нѣмецкая фамилія полковника ввела Буссе въ заблужденіе. Полковникъ фонъ-Кетлеръ, нѣмецъ по фамиліи, оказался русскимъ воиномъ по духу и изложилъ всѣ наши жалобы на незаконныя дѣйствія и притѣсненія коменданта. Послѣ этого Буссе сказалъ полковнику: «Если вы не умѣете цѣнить мое доброе отношеніе къ вамъ, то я вамъ отомщу». Дѣйствительно, полковникъ фонъ-Кетлеръ былъ вскорѣ высланъ въ карательный лагерь Магдебургъ. На мѣсто полковника Кетлера старшій изъ насъ въ лагерѣ генералъ Джонсонъ назначилъ тяжело-раненаго полковника Эммиха завѣдующимъ нашимъ комитетомъ по распредѣленію присылаемыхъ изъ Россіи дарственныхъ посылокъ. Комендантъ потребовалъ къ себѣ Эммиха. «Генералъ Джонсонъ назначилъ меня представителемъ Краснаго Креста»... —началъ полковникъ Эммихъ. «Не генералъ Джонсонъ, а я»,—прервалъ его комендантъ. Тогда полковникъ заявилъ: «Я могу принять назначеніе только отъ своего генерала, а не отъ врага». Комендантъ немедленно устранилъ его отъ обязанностей, какъ представителя Краснаго Креста.

Присланные недолеченными, якобы на обмѣнъ, въ Штральзундъ и оставшіеся въ большинствѣ случаевъ за флагомъ офицеры остаются жить въ лагерѣ при вышеописанныхъ тяжелыхъ условіяхъ и не могутъ добиться даже отправленія ихъ въ госпиталь для леченія. Нѣкоторые изъ этихъ непризнанныхъ къ обмѣну настолько плохи, что вскорѣ умираютъ. Такъ, при мнѣ умеръ отъ чахотки одинъ изъ офицеровъ, у другого, поручика Гуторенко, 118-го пѣх. Шуйскаго полка, съ прострѣленнымъ черепомъ, образовался гнойникъ въ мозгу. Наши врачи настойчиво требовали немедленной операціи, которую талантливый хирургъ докторъ Крессонъ брался сдѣлать. Однако, маіоръ Буссе и нѣмецкій врачъ цѣлыя сутки этому противились, а когда наконецъ разрѣшили, то было уже поздно—поручикъ Гуторенко скончался. Одинъ изъ офицеровъ съ открытой раной, не могшій добиться леченія, подалъ прошеніе германскому военному министру, гдѣ говорилось: «Прикажите или лечить меня, или пристрѣлить». Его помѣстили въ больницу, продержали нѣкоторое время, но не лечили, а затѣмъ вернули въ лагерь. Тогда офицеръ подалъ жалобу испанскому послу, но жалобу его никуда не отправили, а его самого отправили не въ госпиталь, а въ лагерь Кюстринъ.

«Чтобы обратить какъ-нибудь общественное мнѣніе Германіи на это ужасное положеніе плѣнныхъ русскихъ офицеровъ и произошелъ случай побѣга двухъ, почти умирающихъ отъ чахотки,

офицеровъ—штабсъ-капитана Козлянинова и прапорщика Бѣлолипецкаго, о которомъ я разсказалъ выше.

Лично меня, несмотря на свидѣтельство проф. Реммера, все продолжали держать въ лагерѣ, то назначая день моей отправки, то вновь отмѣняя. Доведенный до полнаго отчаянія, съ сознаніемъ, что я слѣпну все болѣе и болѣе и силы все болѣе и болѣе убываютъ, и что мало надежды вырваться изъ плѣна живымъ и хоть сколько нибудь зрячимъ, я объявилъ, что перестану принимать пищу, пока меня не отпустятъ въ Россію, или пока я не умру. «Можетъ быть, тогда смерть моя обратитъ вниманіе на ужасное положеніе инвалидовъ въ Германіи», писалъ я коменданту. Комендантъ отвѣтилъ: «Мнѣ все равно, умирайте себѣ, а чтобы не отвѣчать за васъ, я посажу васъ въ сумасшедшій домъ». Хотя наши врачи и доказывали, что я человѣкъ умственно вполнѣ нормальный, но на 9-й день голодовки меня дѣйствительно отправили въ сумасшедшій домъ, гдѣ я вѣроятно бы умеръ, если бы не инженеръ Вайнбергъ, отпущенный въ Россію, не поставилъ бы все и всѣхъ на ноги, чтобы выручить меня и спасти отъ смерти».

Такъ жили въ плѣну въ Германіи русскіе офицеры.

Я попалъ въ плѣнъ въ крѣпости Н. Георгіевскъ, а потому былъ избавленъ отъ ограбленій и личныхъ оскорбленій, которымъ подвергались мои товарищи, попадавшіе въ плѣнъ въ бою, въ полѣ, когда озвѣрѣлые толпы солдатъ набрасывались на нихъ. Изъ Ново-Георгіевска меня, 39 моихъ товарищей-врачей, 4 священниковъ, 6 аптекарей и 22 санитарныхъ чиновника отправили въ лагерь Арисъ. Везли насъ въ купэ 3-го класса, причемъ въ каждое такое купэ помѣстили по 7 врачей и 8 солдатъ со всѣми нашими вещами, такъ что мы не имѣли никакой возможности двигаться; насъ тоже совершенно не кормили всю дорогу; мы были заперты въ вагонахъ. Вмѣсто того, чтобы вести въ Арисъ по прямому пути нѣсколько часовъ, такъ какъ Арисъ находился у самой границы, насъ возили при этой невозможной обстановкѣ цѣлыхъ двое сутокъ по всей Восточной Пруссіи. Мы проѣхали черезъ слѣдующія станціи: Насельскъ, Цѣхановъ, Млава, Илава, Сольдау, Дейчъ-Эйлау, Маріенбургъ, Эльбингъ, Бранденбургъ, Кенигсбергъ, Пруссишъ-Эйлау, Растенбургъ Летценъ, Арисъ. На вокзалахъ мы стояли цѣлыми часами, причемъ собирались толпы народа, со смѣхомъ и всевозможными оскорбительными замѣчаніями разсматривавшія насъ. Нужно думать, что насъ, какъ и многихъ моихъ товарищей, возили напоказъ. Около 11 часовъ ночи совершенно измученные мы пріѣхали на станцію Арисъ. Насъ встрѣтилъ ка-

кой-то офицеръ и, какъ послѣ оказалось, шефъ мѣстнаго лазарета д-ръ Менкъ. Мы вылѣзли изъ вагоновъ совершенно обалдѣлые, такъ какъ двое сутокъ сидѣли почти безъ движенія: настолько тѣсно было въ вагонахъ. Вмѣсто привѣтствія д-ръ Менкъ, находясь отъ насъ на разстояніи отъ 15 до 20 шаговъ, закричалъ намъ: «кто изъ васъ хирурги»? Группа врачей выдѣлилась и хотѣла подойти къ Менку, чтобы спросить его, что ему нужно. Увидѣвъ, что врачи идутъ къ нему, Менкъ закричалъ, махая на насъ руками: «Не подходите, не подходите! Вы всѣ во вшахъ». А затѣмъ, когда мы, удивленные, остановились, онъ задалъ вопросы: «При какомъ случаѣ мы станемъ дѣлать лаперотомію» (вскрытіе полости живота)? Не понимая зачѣмъ онъ насъ спрашиваетъ объ этомъ, мы дали ему отвѣтъ. Тогда онъ насъ спросилъ: «гдѣ находится точка Макъ-Бурнея». Намъ стало ясно, что Менку вздумалось экзаменовать насъ тутъ же на вокзалѣ, и мы, возмущенные, отказались давать ему какіе бы то ни было отвѣты. Послѣ этого насъ опять заперли въ вагонахъ и сказали, что т. к. поздно, а до лагеря далеко, то мы должны будемъ переночевать въ вагонахъ и только утромъ поведутъ насъ въ лагерь. Въ лагерѣ насъ доповергли дезинфекціи, которая носила исключительно показной характеръ, ибо вся техника дезинфекціи организована была настолько плохо, что ни въ коемъ случаѣ не могла бы насъ обеззаразить, хотя дезинфекціонныя камеры, дѣйствующія сухимъ воздухомъ и текучимъ паромъ, были устроены прекрасно. Насъ отвели въ лѣтніе солдатскіе бараки съ асфальтовымъ поломъ, съ простыми солдатскими кроватями и небольшой желѣзной печью, безо всякихъ даже примитивныхъ удобствъ. Въ баракахъ была пронизывающая сырость и очень холодно. Всѣхъ насъ 68 человѣкъ размѣстили въ трехъ комнатахъ, а священникамъ отвели двѣ отдѣльныя комнаты. Насъ оцѣпили карауломъ и предупредили, что намъ запрещается какое бы то ни было общеніе съ солдатами—плѣнными лагеря. Явился д-ръ Менкъ и своей невѣроятной грубостью и необъяснимо вызывающимъ поведеніемъ вызвалъ всеобщее возмущеніе. Онъ потребовалъ, чтобы мы сообщили, кому изъ насъ дѣлались прививки, но это говорилось съ какимъ-то крикомъ и угрозами. Не дождавшись нашего отвѣта, онъ сейчасъ же послѣ вопроса кричалъ: «а если солжете, я васъ запру въ солдатскій лагерь, вы будете у меня сидѣть, какъ солдаты, по землянкамъ и карцерамъ». Начались прививки. Менкъ явился съ фельдшеромъ, однимъ шприцомъ и одной иглой, игла не кипятилась. Онъ бралъ кусочекъ ваты, смачивалъ ее въ спиртѣ и вытиралъ этимъ маленькимъ кусочкомъ кожу у четырехъ чело-

вѣкъ, а затѣмъ обтиралъ иглу и начиналъ впрыскивать. На наше замѣчаніе, что такъ дѣлать впрыскиваніе нельзя, онъ сталъ кричать на насъ, что онъ лучше насъ знаетъ, какъ дѣлать, что мы, вѣроятно, слѣпые, такъ какъ не видимъ, что онъ вытираетъ намъ кожу каждый разъ, поворачивая вату, другими словами, что онъ одной и той же стороной ваты дважды не вытираетъ. Видя, что такого врача поздно уже учить, мы отказались отъ прививки, и мною, какъ выбраннымъ представителемъ отъ всѣхъ пріѣхавшихъ въ Арисъ товарищей, было заявлено коменданту генералъ-маіору Нуше о дѣйствіяхъ д-ра Менка и о причинахъ нашего отказа отъ прививокъ. Мы просили его разрѣшить намъ самимъ сдѣлать другъ-другу прививки, на что онъ и согласился. Послѣ Менка въ лагерѣ было еще два шефа: д-ръ Добертинъ и д-ръ Ромей. 1-й наружно былъ очень вѣжливъ и корректенъ, но въ душѣ онъ относился съ большимъ презрѣніемъ къ намъ. Онъ постоянно заводилъ разговоры съ товарищами о томъ, что русскіе дикари, что это народъ, не способный ни къ какой культурной работѣ, что это вандалы, могущіе только разрушать и уничтожать культуру. Его любимымъ занятіемъ было приносить намъ выдержки изъ какихъ-нибудь газетъ, гдѣ такъ много печаталось все время гнусной лжи о русскихъ и о Россіи. О д-рѣ Ромей я упоминалъ уже раньше, когда говорилъ что онъ не стѣснялся лично обыскать д-ра Озерова, какъ только узналъ, что послѣдній пишетъ какой то дневникъ. Вообще это былъ невѣроятно злобный старикъ. Онъ вмѣшивался въ работу товарищей въ лазаретѣ, не считаясь съ ихъ мнѣніемъ, выписывалъ еще совершенно больныхъ въ лагерь на работы, переправлялъ діагнозы, измѣнялъ назначенія лѣкарствъ и занимался подлогами, сообщая въ Министерство ложныя свѣдѣнія о больныхъ. Такъ напримѣръ, онъ совершенно не позволялъ ставить діагноза цынги и даже малокровія, а требовалъ постановку какихъ либо другихъ. Онъ не стѣснялся кричать на врачей топая ногами и потрясая кулаками. Плѣнные, которыхъ мы застали въ лагерѣ, представляли изъ себя ужасный видъ, это были почти голые, покрытые лохмотьями, съ завязанными тряпками ногами, скелеты едва влачившіе ноги. Послѣ нашего пріѣзда была устроена въ лагерѣ церковь, гдѣ мы вмѣстѣ съ плѣнными могли встрѣчаться на богосулженіи. Они разсказывали намъ объ истязаніяхъ, о вѣчныхъ побояхъ и о вѣчномъ голодѣ. Видъ ихъ былъ настолько ужасенъ, что товарищи врачи съ болѣе слабыми нервами, не выдерживали и рыдали. Помочь имъ мы абсолютно не могли. Комендатура строго слѣдила, чтобы мы не входили ни въ какое общеніе съ ними, даже въ

церкви во время богослуженія не только помѣщеніе окружалось часовыми, но и часовые съ винтовками и въ шапкахъ стояли внутри церкви. На Рождество, желая хоть чѣмъ нибудь облегчить ужасное положеніе нашихъ плѣнныхъ и въ частности моихъ санитаровъ, съ которыми я попалъ въ Арисъ, я хотѣлъ имъ роздать денегъ и что либо изъ провизіи, но для этого мнѣ пришлось подавать спеціальную бумагу въ комендатуру, прося о соотвѣтствующемъ разрѣшеніи. Мнѣ въ провожатые былъ данъ фельдфебель Пановецъ черезъ подкупъ котораго, мнѣ удалось купить нѣсколько хлѣбовъ, папиросъ и другой мелочи и взявъ съ собой санитара Смишного, который служилъ у меня въ лагерѣ деньщикомъ, мы пошли въ землянки. То что мы увидѣли превзошло всякія наши ожиданія. Это были не землянки, а буквально сырыя темныя могилы, наполненныя грязью. Мнѣ стоило громаднаго труда несмотря на мои крѣпкія нервы удержаться чтобы не разрыдаться. Солдатъ Смишной, который продѣлалъ китайскій походъ, Японскую кампанію и со мною весь походъ черезъ Галицію и Карпаты и обратно, на глазахъ у котораго умирало тысячи людей, рыдалъ какъ ребенокъ, увидавъ своихъ товарищей въ этой ужасной обстановкѣ. Мы отдали имъ все, что имѣлось при насъ. Несчастные, заживо погребенные люди, умирающіе медленной мучительной смертью, умоляли насъ спасти ихъ. Они хотѣли вѣрить, что мы врачи можемъ что-то для нихъ сдѣлать, можемъ хоть сколько-нибудь облегчить ихъ ужасную жизнь. Но мы были безсильны и это сознаніе нашего полнаго безсилія тяжелымъ гнетомъ ложилась на душу. Конечно, у насъ не хватало силы лишить ихъ этой послѣдней надежды и сказать имъ откровенно: «оставьте ваши надежды, вы обречены на неминуемую мучительную и медленную гибель ибо вошедшимъ сюда нѣтъ возврата. Нѣмцы используютъ вашу силу и когда этихъ силъ у васъ не будетъ они васъ выбросятъ какъ мусоръ, какъ никуда негодный матеріалъ и единственный путь вамъ отсюда только въ могилу». Мы ясно сознавали это, но сказать имъ объ этомъ у насъ не хватало силы и мы лгали имъ, что мы будемъ хлопотать, что мы будемъ писать, что мы сдѣлаемъ все, чтобы хоть чѣмъ нибудь помочь имъ.

Д-ръ Менкъ отобралъ изъ насъ 15 врачей и назначилъ ихъ на работу въ лазаретъ. Работы въ лазаретѣ было не болѣе какъ для 3-хъ человѣкъ, остальные товарищи ничего не дѣлали. Въ лазаретъ еженедѣльно поступало не менѣе 8—10 пораненыхъ штыками плѣнныхъ, а просто избитыхъ товарищи считали даже лишнимъ регистрировать, т. к. можно было съ

увѣренностью сказать, что ни одного плѣннаго изъ 10.000 находившихся въ лагерѣ не было такого, который за время своего пребыванія в лагеряхъ не былъ бы избитъ нѣсколько разъ. Врачи стали составлять акты о пораненыхъ штыками и подавали коллективныя жалобы въ комендатуру. Комендатура вела разслѣдованія причемъ эти несчастныя, забитые и запуганные люди почти постоянно давали показанія, что они нечаянно сами напоролись на штыкъ часового. Когда врачи упрекали ихъ въ томъ, что они говорятъ неправду, они объясняли имъ, что поступить иначе не могутъ, такъ какъ послѣ жалобъ ихъ подвергаютъ жестокимъ избіеніямъ. Послѣ такого разслѣдованія комендантъ черезъ шефа лазарета объявилъ строжайшій выговоръ врачамъ, за то, что они вмѣшиваются не въ свои дѣла, что не разспросивъ раненаго они позволяютъ себѣ писать бумаги, позорящія администрацію лагеря и грозилъ имъ судомъ, если это будетъ повторяться. Объ этомъ становилось извѣстно нѣмецкимъ солдатамъ и тѣ удваивали свою энергію въ избіеніи плѣнныхъ. Нѣмецкіе солдаты и унтеръ-офицеры не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ избивали плѣнныхъ заставляя, между прочимъ, руками разгребать снѣгъ, который навалило передъ нашими бараками, гдѣ мы жили. Плѣнные просили дать имъ лопаты, объясняя, что руками разгребать снѣгъ невозможно и нѣмцы избивали ихъ. Во время прививокъ нѣмецкій фельдшеръ въ присутствіи врачей вырвалъ бороду у солдата, которому онъ приказалъ наканунѣ побриться и тотъ не исполнилъ его приказаній. Лагерный офицеръ, капитанъ Клечъ грубо кричалъ на насъ за якобы небрежное отдаваніе чести. Онъ требовалъ отъ насъ нѣмецкой выправки и грозилъ арестомъ, если мы не будемъ исполнять его приказаній.

Изъ Ариса три моихъ товарища и я въ февралѣ мѣсяцѣ 1916 года были посланы въ лагерь Пруссишь-Голландъ, а отсюда я былъ командированъ на югъ Германіи въ провинцію Баденъ, въ лагерь Раштадтъ по слѣдующему поводу.

Въ Германіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ велась пропаганда среди солдатъ. Украинцы, магометане и поляки были выдѣлены въ отдѣльные лагери. Въ оффиціальныхъ бумагахъ такое выдѣленіе мотивировалось тѣмъ, что будто бы оно дѣлается изъ-за религіозныхъ цѣлей и дѣйствительно показная сторона въ этомъ отношеніи была обставлена хорошо. На самомъ же дѣлѣ въ этихъ лагеряхъ нѣмцы старались пропагандировать идеи сепаратизма, они старались убѣдить отдѣльныя національности, что Россія угнетаетъ ихъ, Національностямъ, размѣщеннымъ въ этихъ лаге-

ряхъ, внушалось, что Россія какъ государство занимается только эксплоатаціей ихъ, стараясь использовать всѣ природныя богатства даннаго края и не давая взамѣнъ ничего. Пропаганда велась въ узко національномъ духѣ, причемъ главной ея цѣлью было возбужденіе недовѣрія и ненависти къ Россіи какъ къ цѣлому и въ частности одной народности къ другой. Все это дѣлалось по приказанію свыше и на это не жалѣлись средства. Докторъ Горбенко находился въ рабочей командѣ въ Петтелькау, о чемъ уже упоминалось мною раньше. Какъ украинецъ онъ переписывался со своей семьей на украинскомъ языкѣ. Объ этомъ было замѣчено въ цензурномъ отдѣленіи почты и очевидно сообщено куда слѣдуетъ. Къ тому же онъ былъ на работахъ неудобенъ, ибо защищалъ интересы плѣнныхъ. Онъ былъ вызванъ въ началѣ 1915 года въ лагерь Пруссишь-Голландъ, гдѣ въ то время находилось около 5.000 плѣнныхъ и среди нихъ около 2.000 украинцевъ. Комендантъ лагеря вызвалъ его и черезъ переводчика предложилъ ему не желаетъ ли д-ръ Горбенко заняться въ лагерѣ какой-либо пропагандой. Горбенко отвѣтилъ, что онъ считаетъ это совершенно недопустимымъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ опять вызванъ къ Коменданту, который сказалъ ему, что если онъ не желаетъ заниматься пропогандой, то можетъ быть онъ поможетъ комендатурѣ отобрать среди плѣнныхъ украинцевъ, т. к. сама комендатура затрудняется это сдѣлать. Горбенко отказался и отъ этого. Генералъ выразилъ свое удивленіе, причемъ замѣтилъ ему, что поляки врачи, работавшіе въ этомъ лазаретѣ, не отказались выбрать среди плѣнныхъ поляковъ. Д-ръ Горбенко замѣтилъ ему, что онъ не точно передаетъ фактъ: поляки—врачи не отбирали среди плѣнныхъ поляковъ, а отбирали только католиковъ по просьбѣ ксендза города, для того, чтобы выяснить, нужно ли ему пріѣзжать въ лагерь для совершенія богослуженія. Послѣ этого онъ слышалъ, какъ комендантъ въ фразѣ сказанной переводчику употребилъ слово «бефель» (приказъ) и «бештрафенъ» (наказывать). Но вся фраза почему то не была переведена д-ру Горбенко. Разговоръ на этомъ кончился и д-ра оставили въ покоѣ. Съ отборомъ украинцевъ дѣло никакъ не могло наладиться. Почти каждый плѣнный, на вопросъ кто онъ такой, давалъ одинъ отвѣтъ: «я—русскій». Были присланы въ лагерь какіе-то австрійцы-галичане, но и они не могли разобраться кто изъ плѣнныхъ украинецъ и, пробывъ съ недѣлю въ лагерѣ,—уѣхали. Комендатура рѣшила выйти изъ этого положенія тѣмъ, что всѣхъ уроженцевъ украинскихъ губерній, совершенно не оріентируясь въ географическомъ расположеніи Украины

и всѣхъ съ фамиліями, похожими на украинскія, записала какъ украинцевъ. Во время этого отбора украинцевъ ко мнѣ поступали письменныя и устныя заявленія плѣнныхъ, что они считали и считаютъ себя русскими и объ Украинѣ ничего не слыхали. Они утверждали, что въ лагерѣ ходитъ упорный слухъ, распространяемый переводчиками канцеляріи лагернаго офицера, что если они согласятся поѣхать, то въ лагеряхъ, специально для нихъ устраиваемыхъ, ихъ будутъ прекрасно кормить, будутъ учить грамотѣ, будутъ театры и всякія другія развлеченія, а работать они почти не будутъ. Однимъ словомъ рисовали самую заманчививую жизнь. Но въ своихъ устныхъ и письменныхъ заявленіяхъ они говорили мнѣ, что знаютъ, что нѣмцы лгутъ, что они догадываются о томъ, что ихъ желаютъ собрать въ эти лагери для какой-то совсѣмъ другой цѣли, что они любятъ свою родину и измѣнниками никогда не будутъ. Они ѣдутъ туда только подчиняясь силѣ, но никакъ не по своей доброй волѣ. Всѣхъ было выслано не менѣе 2.000 человѣкъ въ лагерь Зальцведель подъ Берлиномъ и Раштадтъ при Рейнѣ. Мнѣ пришлось видѣть нѣкоторыхъ вернувшихся изъ Зальцведеля и они разсказывали, что пропаганда въ этомъ лагерѣ велась спеціально присланными австрійцами въ штатскихъ костюмахъ и какими-то солдатами въ русской формѣ, но они увѣрены, что это не были солдаты, а тоже переодѣтые провокаторы-шпіоны, ибо они находились среди плѣнныхъ солдатъ, прислушивались къ ихъ настроенію и доносили обо всемъ въ комендатуру. Пропаганда велась въ духѣ возбужденія ненависти не только къ русскому монархическому правительству, но вообще къ русскому народу, какъ угнетателю и эксплоататору Украйны. Они базировались на томъ, что Украйна со своимъ 35.000.000 населеніемъ и богатѣйшая по природѣ часть Россіи отдаетъ всѣ свои народныя и природныя силы великороссамъ, не получая взамѣнъ не только ничего, но не имѣя даже права говорить и молиться Богу на родномъ языкѣ. Собесѣдованія велись въ спеціально построенномъ помѣщеніи причемъ началось съ пѣнія хоровыхъ пѣсенъ, а именно національнаго украискаго гимна. Послѣ того какъ украинскій гимнъ, былъ пропѣтъ, часть плѣнныхъ запѣла русскій національный гимнъ. Произошло побоище, въ дѣло были пущены скамьи, табуретки и было не мало пострадавшихъ лицъ. Упорствующихъ, нежелавшихъ признать себя украинцами, морили голодомъ, избивали и въ концѣ концовъ разсылали на работы. Въ декабрѣ 1916 года д-ра: Мальчевскій, Холодный, Цытовичъ, Рукинъ, Сербинъ, Ходоровскій, два однофамильца Мирошниковы, Голубъ, Шала-

бутовъ, Баришпольскій и я были высланы изъ различныхъ лагерей въ Раштадъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько офицеровъ, кажется четыре, и цѣлая группа солдатъ, пользуясь близостью швейцарской границы, бѣжали туда. Тамъ они встрѣтили корреспондента одной изъ русскихъ газетъ и разсказали ему какъ и въ какомъ духѣ ведется пропаганда въ Раштадтѣ. Такимъ образомъ въ русскихъ газетахъ появились корреспонденціи объ этомъ, нѣмцы же въ высшей степени чутко прислушивались ко всякимъ газетнымъ сообщеніямъ и потому они рѣшили, очистивъ предварительно лагерь отъ нежелательнаго для нихъ элемента, прислать насъ туда, чтобы мы, познакомившись съ постановкой дѣла въ Раштадтѣ, и вернувшись по обмѣну въ Россію, т. к. всѣ посланные въ этотъ лагерь врачи, числились въ спискахъ подлежащихъ обмѣну, парализовали бы тѣ невыгодные слухи, которые появились въ печати благодаря бѣжавшимъ изъ плѣна. Лагерь, по своему устройству, особенно по отношенію нѣмцевъ къ плѣннымъ, рѣзко отличался отъ другихъ лагерей. Прежде всего внутри лагеря совершенно не видно было нѣмецкаго караула. Караулъ стоялъ только за проволокой. Бараки были высокіе, хорошо построенные, съ нарами, соломенными матрацами, однимъ словомъ такіе, что жить въ нихъ было возможно. При лагеряхъ былъ прекрасно оборудованный театръ, церковь, широко было поставлено кустарное ремесло, былъ устроенъ спеціальный музей, гдѣ выставлялись предметы ручного труда плѣнныхъ, конечно все въ національно-украинскомъ стилѣ. Кромѣ того въ лагерѣ имѣлся цѣлый рядъ школъ, гдѣ преподавателями являлись почти исключительно австрійцы. Въ лагерѣ же имѣлась типографія, издававшая свою украинскую газету, въ которой помѣщались тѣ или другія выдержки изъ получаемыхъ черезъ Берлинъ русскихъ газетъ и была своя собственная лагерная канцелярія, въ которой на видномъ мѣстѣ красовался портретъ Вильгельма, нарисованный кѣмъ то изъ обитателей этого же лагеря. Показная сторона была поставлена превосходно, какъ и вообще во многихъ лагеряхъ Германіи. Но намъ удалось, несмотря на зоркіе глаза и чуткія уши слѣдившихъ за нами, узнать, правда очень немного, изъ дѣйствительной жизни лагеря. Такъ, напримѣръ, д-ру Мальчевскому, Евстафію Ивановичу (Петроградъ, Каменоостровскій пр. д. № 41, кв. 12). удалось случайно зайти въ одинъ изъ блоковъ лагеря. Его окружили солдаты и стали жаловаться на невѣроятныя истязанія и побои тѣхъ кто не желалъ признать себя украинцами. Они жаловались, что ихъ протестантовъ до сихъ поръ морятъ голодомъ, что если кто либо

не умѣетъ говорить по украински, или не умѣетъ по-украински написать заявленіе о выдачѣ ему присланной изъ дому посылки, то таковая не выдается. Письма къ роднымъ, написанныя не по украински, уничтожаются. Отъ нихъ требуютъ, чтобы они записывались въ украинскіе легіоны, въ такъ называемые «Сичовые полки», требуютъ присяги какому то знамени и за неисполненіе этихъ требованій ихъ избиваютъ и морятъ голодомъ. Они разсказали, что въ началѣ, когда выяснилось, что большинство плѣнныхъ крайне враждебно относится къ пропагандѣ, ихъ отдѣльными партіями заводили въ залъ, гдѣ стояли нѣмецкіе часовые съ винтовками и тамъ происходили массовыя избіенія палками, причемъ были очень тяжело пострадавшіе. Автрійскіе учителя ходили по лагерю и на уроки не иначе какъ съ двумя нѣмецкими часовыми съ ружьями и примкнутыми штыками. Подъ такой охраной они вели свою пропаганду и обучали плѣнныхъ, Тоже самое показалъ лично мнѣ подпрапорщикъ Москаленко, Николай Кузьмичъ, 36-й арт. бригады, гор. Карачевъ, Орловской губ. Сборная ул. жена Клавдія. Руководителемъ всей этой пропаганды, а равно и избіеній былъ австріецъ по фамиліи Безпалковъ. Мнѣ было передано письмо. Вотъ копія его:

«Милостивый Государь г-нъ докторъ, я не знаю ни Васъ, ни Вашихъ взглядовъ, ни Вашихъ убѣжденій, а потому обращаюсь къ Вамъ, не расчитывая на Вашу симпатію или антипатію. Я обращаюсь къ Вамъ какъ къ человѣку, который не откажется выслушать меня и исполнить если найдете возможнымъ мою просьбу. Я буду кратокъ. Сюда я попалъ безъ моего на то согласія. Все то, что здѣсь дѣлается подъ вывѣской мирной культурной работы и на мой взглядъ—въ интересахъ нашихъ враговъ и подъ ихъ дудку—есть противное моихъ взглядовъ и убѣжденій, о чемъ я открыто заявилъ всѣмъ и просилъ черезъ поручика Шаповала о скорѣйшемъ переводѣ меня въ офицерскій лагерь. Какъ видно, желаніе мое скоро удовлетворено не будетъ, это меня возмущаетъ; что же это вербовка? Какъ Вамъ извѣстно между Правительствами воюющихъ сторонъ, (въ частности Россіей съ Германіей) заключенъ договоръ, по которому возбраняется пропаганда среди военноплѣнныхъ и такого рода насилія, какъ поступокъ со мной. А потому прошу Васъ по возвращеніи на родину сообщить Правительству, чтобы по договорному праву представлено было сюда требованіе о переводѣ моемъ въ офицерскій лагерь».

P. S. Прошу въ этомъ Вашего молчанія. Я здѣсь одинокъ. Не желалъ бы кромѣ того имѣть еще и враговъ. 18 декабря 1916 года. (Стар. ст.). Съ уваженіемъ—слѣдуетъ подпись.

Говоря о пропагандѣ среди плѣнныхъ нельзя не упомянуть объ издававшемся въ Берлинѣ на русскомъ языкѣ: «Русскомъ Вѣстникѣ». Это еженедѣльная газета, распространяющаяся среди плѣнныхъ въ лагеряхъ и рабочихъ командахъ безплатно, черезъ комендатуру. Она заключала въ себѣ справочный отдѣлъ, далѣе тамъ писались статьи спеціальнаго направленія. До революціи въ этихъ статьяхъ бранилось наше правительство, указывались его недостатки и плѣнные призывались къ критическому отношенію къ различнымъ распоряженіямъ правительства. Съ другой стороны плѣннымъ старались внушить мысль, чо Германія никогда не хотѣла войны съ нами, что они наши давніе добрые друзья, но благодаря только коварнымъ проискамъ Англіи, отчасти Франціи и благодаря подкупности отдѣльныхъ лицъ правительства въ Россіи, эти добрыя отношенія были разстроены и такимъ образомъ вспыхнула война. Теперь эта газета бранитъ членовъ Временнаго Правительства и печатаетъ цѣлыя громадныя статьи, силясь доказать коварство Англіи и старанія ея поработить Россію въ то-же время доказывая, что нѣмецъ чуть ли не благодѣтель русскаго народа. Тамъ еще находился спеціальный отдѣлъ открытыхъ писемъ, который являлся ничѣмъ инымъ, какъ восхваленіемъ тѣхъ или другихъ лагерей или отдѣльныхъ личностей изъ лагернаго начальства. Если плѣнный желалъ заслужить расположеніе комендатуры, то ему стоило только написать соотвѣтствующее открытое письмо въ эту газету. Объ этомъ совершенно открыто говорилось въ лагеряхъ. Такъ напримѣръ, комендантъ лагеря Пруссишь-Голландъ, познакомившись ближе со мной, спрашивалъ меня, почему плѣнные пишутъ такіе безтолковыя письма и было-бы хорошо если-бы кто либо изъ нихъ написалъ какое либо письмо, гдѣ бы болѣе толково и подробно было описано устройство лагеря и вообще жизнь въ немъ. Я сказалъ, что это не такъ легко сдѣлать, ибо писать письма кромѣ открытокъ запрещено, да, наконецъ, имъ совсѣмъ не до этого, такъ какъ ихъ больше интересуетъ, что дѣлается дома и какъ живетъ ихъ семья. Но меня заинтересовало это предложеніе коменданта. Я рѣшилъ, не говоря ему ничего, послать своей женѣ подобное письмо съ описаніемъ лагеря. Такъ какъ внѣшняя, показная сторона лагеря была обставлена хорошо, то я и описалъ ее. Въ лагерѣ, кромѣ того, правильно фунцкіонировалъ комитетъ выборной комиссіи, отъ

русскихъ, французскихъ и англійскихъ плѣнныхъ. Была выбрана среди плѣнныхъ спеціальная ревизіонная коммиссія, которой комитеты и я, какъ представитель ихъ, давали во всемъ отчетъ. Все это я описалъ женѣ. Но т. к. въ лагерѣ былъ голодъ, а написать объ этомъ я не могъ, то въ письмѣ моемъ было сказано, что плѣнные хотя и получаютъ пищу не ту, къ которой они привыкли дома, но питаются согласно нормамъ извѣстнаго профессора гигіены Цытовича. Дѣло въ томъ, что у меня въ лазаретѣ товарищемъ-помощникомъ былъ докторъ Цытовичъ, который во время нашего похода черезъ Галицію, Карпаты и обратно завѣдывалъ у насъ нашей офицерской кухней. Стараясь какъ можно экономнѣе устроить все, онъ дѣйствовалъ нерѣдко въ ущербъ настоятельнымъ требованіямъ нашихъ желудковъ, и у насъ въ шутку постоянно говорилось: «питаніе по Цытовичу». Объ этомъ прекрасно знала моя жена и поэтому она должна была понять выраженіе: «плѣнные питаются по Цытовичу». Письмо я отправилъ въ обычномъ порядкѣ въ незапечатанномъ конвертѣ въ цензуру. Черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ комендантомъ и въ разговорѣ онъ бросилъ мнѣ фразу, не хочется ли мнѣ написать что нибудь женѣ, или вообще на родину, помимо цензуры. Я показалъ видъ, что не понялъ его о какой цензурѣ онъ говоритъ и замѣтилъ ему, что если онъ устроитъ мнѣ такъ, что письмо пойдетъ помимо нѣмецкой цензуры, то пусть онъ не забываетъ, что существуетъ еще русская цензура, въ то время наполненная жандармами, которые на вѣрное не пропустятъ моего письма, если тамъ будетъ хоть что нибудь нежелательное для нихъ. Онъ засмѣялся и сказалъ, что именно объ этой цензурѣ онъ и говоритъ, такъ какъ въ Берлинѣ существуетъ спеціальная организація, занимающаяся отправленіемъ писемъ помимо всякой цензуры и для меня нужно только отдать это письмо ему, онъ отправитъ это письмо въ Берлинъ и я могу быть увѣреннымъ, что письмо попадетъ въ руки. Я поблагодарилъ его и сказалъ, что подумаю. Прошло еще нѣсколько дней, изъ комендатуры явился офицеръ, который принесъ мнѣ книгу подъ заглавіемъ: «Товарообмѣнъ между Россіей и Германіей, какимъ онъ былъ передъ войной и какимъ онъ обѣщаетъ быть въ будущемъ», съ препроводительной запиской отъ комендатуры, гдѣ говорилось, что она надѣется, что я не откажусь ознакомиться съ содержаніемъ этой книги и высказать письменно свое мнѣніе о ней. Я прочелъ эту книгу и, зная ужасное положеніе нашихъ плѣнныхъ, рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы хоть какъ нибудь подѣйствовать на нѣмецкое правительство въ дѣлѣ улучшенія этого положенія. Смыслъ

книги былъ слѣдующій: Россія и Германія были добрыми и хорошими сосѣдями. Благодаря какимъ-то интригамъ вспыхнула война, и теперь въ Россіи ведется антигерманская агитація, проповѣдываютъ экономическую борьбу и бойкотъ нѣмецкаго рынка послѣ окончанія настоящей войны. Авторъ доказывалъ въ своей статьѣ, что Россія, если пойдетъ за агитаторами, будетъ обречена почти на вѣрную гибель, такъ какъ безъ Германіи и безъ ея посредничества никакая внѣшняя торговля Россіи невозможна, и что такимъ образомъ Германія, какъ бы печется о благосостояніи Россіи. Я отвѣтилъ слѣдующее:

«Милостивый Государь, съ глубокимъ интересомъ я прочелъ вашу работу «Товарообмѣнъ между Россіей и Германіей, какимъ онъ былъ передъ войной и какимъ онъ обѣщаетъ быть въ будущемъ» и просмотрѣлъ таблицы, весьма наглядныя и понятныя даже не для спеціалиста.

«Къ сожалѣнію, я, какъ врачъ, никогда не интересовался этими вопросами, а потому не могу быть критикомъ вашей работы. Принимая на вѣру всѣ ваши цифровыя данныя, я охотно выскажу нѣсколько мыслей, которыя явились у меня послѣ знакомства съ предложенной мнѣ вашей статьей.

«На стр. 4, стр. 18, вы пишете: «Германія могла довести свой привозъ въ Россію съ 143,0 мил. руб. въ 1894 году до 641,8 мил. въ 1913 году. Значитъ, передъ самой войной ввозитъ въ Россію столько же, сколько всѣ иностранныя государства вмѣстѣ взятыя»,— далѣе на стр. 5, стр. 8 вы говорите: «Русскіе въ теченіе 25-лѣтняго существованія франко-русскаго союза, несмотря на всѣ усилія руководящихъ круговъ обѣихъ странъ, выписывали французскихъ товаровъ лишь на половину ,часто же и гораздо меньше». Если къ этому еще добавить, что на стр. 3, стр. 13 снизу вы пишете: «Политическія соображенія, правительственныя мѣропріятія и искусственныя средства... въ мирное время лишь мало повліяли на большинство русскаго населенія», то для меня ясно только одно: русскій покупатель за послѣднія 20 лѣтъ знакомства съ нѣмецкимъ фабрикатомъ нашелъ, что наиболѣе выгодный и наилучшій товаръ онъ можетъ получить только отъ послѣдняго, иначе, какимъ образомъ народъ, даже противъ желанія правительства, несмотря на всѣ создаваемыя препятствія и кажущуюся дружбу съ Франціей, а въ послѣднее время съ Англіей, сталъ покупать все почти исключительно у нѣмца. Очевидно, нѣмецкій фабрикантъ сумѣлъ заслужить довѣріе русскаго потребителя, а близкое сосѣдство только способствовало гигантскому росту товарообмѣна. Но Германія,

судя по вашей работѣ, въ лицѣ русскаго народа, имѣла не только постояннаго покупателя, но и выгоднаго поставщика различнаго сырья, въ которомъ ея широко развитая фабрично заводская-промышленность постоянно нуждалась.

«На стран. 3, стр. 15, вы пишете: «Все-таки въ мирномъ соревнованіи... удается не только болѣе или менѣе выгодно сбывать въ Россію разнообразные товары, но и занять прочное положеніе въ той или другой области...» Мало того, этотъ выгодный для Германіи покупатель, по вашимъ словамъ, (стран. 4 стр. 7 снизу): «вслѣдствіе конкуренціи со стороны Аргентины, Канады (въ будущемъ) достигнетъ за свои вывозные предметы лишь еще болѣе низкихъ цѣнъ, чѣмъ это было досихъ поръ». Другими словами—русскій поставщикъ, безсильный въ конкуренціи, долженъ будетъ въ ближайшее время сбывать свои продукты сосѣдямъ за еще болѣе дешевую цѣну, т. е. стать еще болѣе выгоднымъ поставщикомъ Германіи. Но это еще не всѣ невзгоды, готовыя обрушиться на русскаго торговца. Оказывается, что въ недалекомъ будущемъ, его ждетъ еще болѣе печальная участь. По вашимъ словамъ, если русскіе экспортеры попытаются завоевать новыя области сбыта, то онѣ могутъ достигнуть только пониженія цѣнъ (стран. 4, стр. 2 снизу).

Далѣе, на стран. 7, стр. 10, вы пишете: «Русскій вывозъ въ наибольшей части осуществляется благодаря Германіи и Германія играетъ важнѣйшую роль въ вывозѣ Россіи», а на этой же стран. на 9 стр. снизу, вы говорите: «Можетъ ли тогда (послѣ войны), какое либо другое государство дать русскому вывозу болѣе выгоды чѣмъ Германія».

«Лишенный возможности благодаря своей некомпетентности критически отнестись ко всему выше цитированному, а принимая всѣ ваши слова за неопровержимую истину, для меня является непонятнымъ, зачѣмъ собственно, вы написали эту работу?

«Если съ одной стороны, русскій какъ покупатель имѣетъ въ лицѣ нѣмецкаго фабриканта наилучшаго и выгоднаго для себя поставщика, съ другой стороны, какъ поставщикъ, находитъ въ германскомъ рынкѣ единственное мѣсто сбыта и притомъ наиболѣе выгодное для себя, а въ недалекомъ будущемъ, благодаря все возростающей конкуренціи, будетъ совершенно лишенъ возможности обойтись безъ германскаго рынка; повторяю, если все это такъ, то никакая война, никакія старанія правительства, и искусственныя преграды не удержатъ русскаго отъ тяготѣнія къ германскому рынку. Да и правительство, каково бы оно ни было, изъ-за какихъ-то личныхъ счетовъ, не будетъ вести стосемидесяти милліонный на-

родъ къ полному разоренію, къ полной нищетѣ, разъ оно увидитъ, что единственнымъ поставщикомъ и покупателемъ можетъ быть только Германія.

«Если вы убѣждены въ томъ, что вы пишете въ своей работѣ, вамъ нечего бояться ни русскаго правительства, ни тѣхъ, кто требуетъ во что бы то ни стало экономической борьбы или таможенной войны между Россіей и Германіей (стран. 7 стр. 2). Жизнь возьметъ свое. И вы, и я пойдемъ послѣ войны, какъ и до войны покупать туда, гдѣ съ насъ брали дешевле и давали лучше, а продавать—туда, гдѣ больше даютъ. Ваше желаніе убѣдить кого-то въ томъ,—что для каждаго должно быть ясно, заставляетъ меня думать, что не только Россія должна быть внимательна къ настроенію германскаго рынка, но и германскій рынокъ долженъ чутко прислушиваться къ болтовнѣ русской торговки.

«Цитата, вскользь брошенная вами на стран. 8 стр. 18, проливаетъ маленькій свѣтъ и на эту сторону нашихъ взаимныхъ торговыхъ отношеній. Вы говорите: «Вывозъ Россіи въ Германію, какъ и вообще русско-германскій товарообмѣнъ имѣетъ громаднѣйшее значеніе и для Германіи, какъ это неоднократно подтверждалось дальновидными нѣмецкими экономистами; Цвейгъ характеризуетъ это въ 123 томѣ, издаваемыхъ проф. Шмоллеромъ и Зерингомъ трудовъ: «Государственныя и соціально-хозяйственныя изслѣдованія» такимъ образомъ: «Народное хозяйство Германіи гораздо болѣе зависитъ отъ русскаго, чѣмъ наоборотъ. Лѣсъ, марганцевыя руды, ленъ и проч. Германія должна ввозить и ни въ какой другой странѣ не можетъ такъ выгодно получить, какъ въ Россіи. Во многихъ отношеніяхъ Россія имѣетъ относительно источниковъ пріобрѣтенія выборъ въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ Германія».

«Такимъ образомъ, открывается совершенно новое положеніе: по словамъ профессоровъ, которыхъ вы сами называете «дальновидными нѣмецкими экономистами», оказывается, что Россія находится далеко не въ такомъ безвыходномъ положеніи, какъ вы изволили говорить выше. Наоборотъ, Германія многіе необходимѣйшіе предметы нигдѣ не можетъ такъ выгодно пріобрѣсти, какъ въ Россіи, и вотъ съ вашимъ дальнѣйшимъ выводомъ я готовъ согласиться: «Оба государства взаимно дополняли другъ-друга, могли и могутъ быть другъ-другу полезны» (стран. 8 стр. 10). Для меня это понятно. Россія въ лицѣ германскаго фабриканта видѣла дешеваго и добросовѣстнаго поставщика; Германія въ лицѣ Россіи видѣла единственный рынокъ, гдѣ она могла дешево достать необходимое ей сырье.

«Если же къ этому добавить, что Россія въ нѣдрахъ своей земли еще со временъ всемірнаго потопа хранитъ несмѣтныя сокровища, которыхъ при правильной и интенсивной разработкѣ хватило бы на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, и что къ этимъ сокровищамъ тянулась и тянется не одна рука, что вы сами подтверждаете на первыхъ же строкахъ вашей работы, тогда мнѣ становится понятнымъ ваше безпокойство за судьбу нашихъ добрососѣдскихъ отношеній, такъ хорошо наладившихся передъ самой войной, и мнѣ кажется, что ваши опасенія излишни.

«Если дѣйствительно всѣ ваши цифровыя данныя вполнѣ точны, то мнѣ кажется, что выработанная въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ привычка видѣть въ лицѣ нѣмца добраго сосѣда, всегда готоваго купить за хорошую цѣну и продать дешевле другихъ, и къ тому же лучшую вещь, возьметъ верхъ. Трехъ-четырехлѣтняя ссора забудется и все пойдетъ по-старому. Мало ли чего не бываетъ между добрыми сосѣдями! Къ тому же Германія имѣетъ прекрасный, и я думаю единственный, случай вести широкую пропаганду дружескихъ отношеній непосредственно среди русскаго народа и среди значительной части его интеллигенціи. Не забудьте, что судьба забросила къ вамъ въ видѣ временныхъ гостей до полутора милліона русскихъ солдатъ-крестьянъ, какъ будто нарочно собравъ ихъ изъ различнѣйшихъ уголковъ необъятной Россіи, а нѣсколько тысячъ плѣнныхъ офицеровъ, врачей и т. д. есть часть русскаго интеллигентнаго класса. Кто мѣшаетъ вамъ, не только въ печатной статьѣ, которую прочтутъ немногіе, но на дѣлѣ, теперь же, доказать намъ, что вы были и есть хорошіе сосѣди, почти друзья, что эта война есть только прискорбное недоразумѣніе, результатъ коварныхъ интригъ. Кто мѣшаетъ вамъ изъ милліона русскихъ крестьянъ, рабочихъ и нѣсколькихъ тысячъ интеллигенціи за эти долгіе три-четыре года сдѣлать настоящихъ друзей, которые, разойдясь по необозримымъ полямъ и лѣсамъ Россіи, разнесутъ добрую молву про васъ по всѣмъ уголкамъ родной земли!

«Вы можете это сдѣлать и вамъ никто не мѣшаетъ!

«Развѣ тогда будетъ вамъ страшна какая-либо агитація, когда вы сами пошлете въ самые разнообразные слои русскаго народа болѣе милліона ярыхъ агитаторовъ? И пусть тогда кто-нибудь попробуетъ бранить нѣмцевъ—они будутъ кричать, они скажутъ: «Неправда, ложь, мы жили у нѣмцевъ три года, мы видѣли, какъ этотъ народъ живетъ, трудится, мы видѣли ихъ честность, ихъ высокую культурность, ихъ умѣнье уважать чужую личность, мы были пришельцами въ годину тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на ихъ

долю и встрѣтили съ ихъ стороны вниманіе, заботливость къ себѣ,— нѣтъ, это ложь, они—наши друзья». Какая же агитація будетъ вамъ тогда страшна?

«Пытаясь заглянуть въ будущее, мы не должны обходить молчаніемъ и печальную возможность. Мы видимъ, какъ жизненные устои, вѣками слагавшіеся, казалось бы, прочно и непоколебимо утвердившіеся, рушатся отъ одного удара безжалостной судьбы. На нашихъ глазахъ исчезаютъ цѣлыя государства и неизвѣстно, суждено ли имъ когда-нибудь занять мѣсто на географической картѣ. Другія готовы вновь появиться, хотя, казалось, они давно позабыли о быломъ могуществѣ, и мы не знаемъ, чѣмъ кончится эта міровая распря, мы не знаемъ, кому изъ главныхъ участниковъ современной трагедіи суждено будетъ сыграть свою роль до конца, кому суждено будетъ навсегда уйти со сцены, и если это случится, то тогда, конечно, вопросъ о товарообмѣнѣ станетъ смѣшнымъ и ненужнымъ».

Іюнь 1916 г.

Эту я статью передалъ коменданту, она была переведена на нѣмецкій языкъ, причемъ комендантъ съ похвалой отозвался о ней и отослалъ ее въ Берлинъ. Дальнѣйшая судьба моей статьи мнѣ не извѣстна, но мнѣ уже больше не дѣлалось никакихъ предложеній о пересылкѣ помимо цензуры писемъ и вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Прошло порядочно времени съ отсылки вышеупомянутаго письма моей женѣ. Я уже забылъ думать о немъ, какъ вдругъ нѣмецкій врачъ д-ръ Адлеръ при встрѣчѣ со мной говоритъ, что онъ прочелъ въ газетѣ «Кельнише Цейтунгъ» мой фельетонъ, въ которомъ я описываю лагерь «Пруссишъ-Голландъ». Я былъ несказанно удивленъ и попросилъ его достать мнѣ эту газету, что онъ и сдѣлалъ. Фельетонъ былъ озаглавленъ, не то «Какъ живутъ русскіе плѣнные въ Германіи», не то «Какія письма пишутъ русскіе плѣнные къ себѣ домой». Онъ начинался словами: «Небезызвѣстный въ Россіи врачъ въ письмѣ къ своей женѣ, описывая лагерь «Пруссишъ-Голландъ»... и дальше идетъ перепечатка перевода моего письма съ нѣкоторыми очевидно опечатками, какъ напримѣръ: я писалъ женѣ, что въ лагерѣ устроенъ оркестръ, для котораго куплено на 1.000 марокъ духовыхъ инструментовъ. Въ фельетонѣ же было сказано, что устроенъ оркестръ, для котораго куплено 1.000 духовыхъ инструменовъ. Тамъ же дословно приводилась и фраза о питаніи плѣнныхъ «по Цытовичу». Я пошелъ объясниться по этому поводу съ комендантомъ, но онъ сказалъ,

что ровно ничего не знаетъ, кимимъ образомъ мое письмо попало въ печать. Послѣ черезъ плѣнныхъ, работавшихъ на почтѣ, я узналъ, что такія исторіи съ печатаніемъ писемъ, которые выгодны для нѣмцевъ, повторяются постоянно. Пріѣхавъ сюда въ Россію въ маѣ мѣсяцѣ 1917 года, я узналъ отъ жены, что этого моего письма она не получила.

Какъ лагери, такъ даже и отдѣльныя рабочія команды наводнялись спеціальной литературой, которая носила специфическій характеръ. Громадное мѣсто удѣлялось въ этой литературѣ нашимъ союзникамъ—Франціи и Англіи, гдѣ, конечно, они выставлялись съ самой худшей стороны. Но плѣнные, живя вмѣстѣ съ англійскими и французскими солдатами, и видя ихъ дѣйствительно дружеское къ себѣ отношеніе, не вѣрили клеветѣ. Англичане и французы не только помогали имъ матеріально, отдавая сплошь и рядомъ казенный нѣмецкій паекъ (они получали очень много посылокъ съ родины), но поддерживали ихъ и духовно. Во многихъ лагеряхъ были случаи, когда французы и ангичане поднимали чуть ли не бунты, заступаясь за истязуемыхъ русскихъ братьевъ по несчастью.

Заканчивая вопросъ о пропагандѣ, я долженъ сказать, что нѣмцы, прекрасно освѣдомленные о томъ, что дѣлается въ Россіи, всѣ газеты наполняли выдержками, сообщавшими о тѣхъ или другихъ отрицательныхъ сторонахъ русской жизни. Они очень зорко слѣдили за появленіемъ въ русской прессѣ какихъ-нибудь статей, невыгодныхъ для Германіи, и старались тѣми или другими мѣрами опровергнуть ихъ. Такъ, напр., въ началѣ 1916 г. одинъ изъ вернувшихся въ Россію врачей гдѣ-то въ провинціальномъ городкѣ сдѣлалъ сообщеніе въ медицинскомъ обществѣ о положеніи плѣнныхъ въ Германіи, и оно попало въ печать. Тамъ писалось о томъ, какъ наши раненые валялись въ сараяхъ на навозѣ, безъ всякой помощи, какъ нѣмцы враждебно къ нимъ относились, однимъ словомъ, онъ повторилъ то, что единогласно показываютъ всѣ, кто бы только ни вернулся изъ германскаго плѣна. Выдержка изъ этой газеты, напечатавшей докладъ доктора, фамиліи котораго, къ сожалѣнію, я не помню, была отпечатана военнымъ министерствомъ въ Берлинѣ на русскомъ языкѣ и разослана по всѣмъ лагерямъ, причемъ приказывалось русскимъ врачамъ отвѣтить по слѣдующимъ пунктамъ: 1) извѣстенъ ли имъ такой врачъ, 2) извѣстенъ ли имъ случай, описываемый врачемъ, 3) если онъ извѣстенъ, то правильно ли сообщаетъ докладчикъ о немъ, и 4) какое отношеніе встрѣтили въ Германіи русскіе врачи. Мои товарищи и я

не уклонились отъ отвѣта и написали, что упомянутый врачъ, а равно и случай, описываемый имъ, намъ не извѣстны. Въ крѣпости Ново-Георгіевскъ со стороны нѣмецкаго врача доктора Зейферта мы встрѣтили корректное отношеніе, но, пріѣхавъ въ лагерь Арисъ, мы были удивлены вызывающе грубымъ отношеніемъ къ намъ мѣстнаго врача, доктора Менка. Бумага была послана въ Берлинъ и о результатахъ ея мы не знаемъ.

Заканчивая свои матеріалы о положеніи русскихъ плѣнныхъ въ Германіи, я считаю необходимымъ упомянуть о судьбѣ искалѣченныхъ на работахъ. Я уже говорилъ, что наши плѣнные работаютъ на всевозможныхъ заводахъ и фабрикахъ. Они широко обслуживаютъ и сельское хозяйство. Можно смѣло сказать, что почти вся Германія, за исключеніемъ спеціальныхъ заводовъ, гдѣ въ силу тѣхъ или другихъ соображеній нѣмцы считаютъ невозможнымъ допустить къ работамъ плѣнныхъ, вся Германія обслуживается русскими. Русскіе плѣнные служатъ и дворниками, и слесарями, и портными, и парикмахерами, служатъ они въ деревняхъ какъ батраки. Нѣмцы нисколько не считаются съ профессіей плѣннаго и сплошь и рядомъ назначаютъ на работы на фабрикахъ людей, которые у насъ въ Россіи ходили только за сохой и, быть можетъ, за всю свою жизнь не видали завода. Они совершенно теряются среди этой массы вертящихся колесъ, шипящихъ и свистящихъ машинъ и, благодаря своей неповоротливости и неприспособленности, попадаютъ въ маховики, въ пасы и или убиваются на мѣстѣ, или остаются калѣками на всю жизнь. Во многомъ отношеніи этому способствуютъ сами нѣмцы, такъ какъ уходъ за машиной требуетъ не только умѣнья, но даже и спеціальнаго костюма, наши же плѣнные, одѣтые въ большинствѣ случаевъ въ какіе-то совершенно изодранные опорки, вынуждены работать зачастую въ шинеляхъ, если таковыя сохранились. Полы этой шинели развѣваются и попадаютъ въ вертящіяся колеса. Не мало ихъ калѣчится и на полевыхъ работахъ, такъ какъ нѣмцы не принимаютъ никакихъ мѣръ для огражденія безопасности ихъ труда. Кромѣ того, если они работаютъ у крупныхъ помѣщиковъ, то ихъ заставляютъ обслуживать сложныя сельскохозяйственныя машины, съ которыми нашъ плѣнный также мало знакомъ. И вотъ эти фабрики и заводы, а равно отдѣльныя лица въ видѣ помѣщиковъ и другихъ сельскихъ хозяевъ, желая оградить себя отъ предъявленій исковъ со стороны искалѣченныхъ нашихъ плѣнныхъ, пользуются полнымъ незнаніемъ языка и, войдя въ стачку съ карауломъ, завѣдующимъ плѣнными, заставляютъ ихъ расписываться на

особыхъ свидѣтельствахъ. Мнѣ, какъ хирургу, приходилось имѣть дѣло почти исключительно съ искалѣченными на такихъ работахъ. Я велъ подробную статистику своей врачебной работы въ плѣну, которая будетъ опубликована мною въ отдѣльномъ трудѣ по вопросу о положеніи военно-санитарнаго персонала въ плѣну въ Германіи, а потому здѣсь я не буду подробно касаться этого вопроса. Я скажу только, что въ среднемъ, не исключая, конечно, никакихъ праздниковъ, моими товарищами-помощниками: докторами Горбенко и Ранинскимъ, а также и мною различныхъ операцій производилось 1,7 въ день, съ февраля по декабрь мѣсяцъ 1916 г. Изъ всѣхъ оперированныхъ только 5 человѣкъ были ранеными на фронтѣ,—я хочу сказать, что только этимъ пяти я дѣлалъ операціи, какъ раненымъ въ бою, остальные же, слѣдовательно, были какъ бы нѣмецкіе рабочіе, пострадавшіе на тѣхъ или другихъ работахъ. Такимъ образомъ русскіе врачи должны были обслуживать не русскихъ раненыхъ, а русскихъ солдатъ, временно ставшихъ нѣмецкими рабочими. Не рѣдки были случаи, когда плѣнные привозились со старыми несросшимися переломами костей, такъ какъ ихъ подолгу держали искалѣченными при всякихъ околоткахъ въ рабочихъ командахъ, которыми завѣдывали нѣмецкіе врачи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ проявлявшіе удивительное невѣжество въ медицинскомъ смыслѣ слова. Я сшивалъ кости, получалось сростаніе, и плѣнный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь отправлялся на работу. Тогда я пересталъ дѣлать такія операціи, которыя вели къ усиленію кадра рабочей силы Германіи. Вотъ эти искалѣченные на работахъ являлись ко мнѣ въ лазаретъ, и какъ особое сокровище гдѣ-либо на груди, въ мѣшечкѣ хранимое, передавали мнѣ бумагу съ какимъ-то нѣмецкимъ текстомъ и цѣлымъ рядомъ подписей. Бумаги эти были почти всѣ одного и того же содержанія. Напримѣръ: «Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю, что, работая у помѣщика такого-то, съ цѣлью поправить крышу на сараѣ, взялъ лѣстницу. Хозяинъ въ присутствіи какого-то конвойнаго предупредилъ меня, что лѣстница старая и гнилая, а потому можетъ поломаться и я могу упасть, но я не обратилъ никакого вниманія на предупрежденіе хозяина и полѣзъ по этой лѣстницѣ, которая дѣйствительно сломалась; я упалъ и получилъ переломъ такой-то ноги. Такимъ образомъ въ случившемся несчастьи я виноватъ исключительно самъ и никакихъ претензій къ хозяину не имѣю и имѣть не буду, въ чемъ и даю свою собственноручную подписку». И подъ бумагой красовалась какая-нибудь подпись въ родѣ Семена Лапкина. Тамъ же была приписка,

что бумага эта переведена на русскій языкъ, такимъ-то и содержаніе ея пострадавшему прекрасно извѣстно, а затѣмъ въ качествѣ свидѣтелей фигурировали подписи нѣсколькихъ нѣмецкихъ ландштурмистовъ.

Такихъ бумагъ мнѣ приходилось читать цѣлыя десятки.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ искалѣченными на казенныхъ работахъ и фабрикахъ. Въ то время, какъ искалѣченный на сельскихъ работахъ и превратившійся въ инвалида могъ разсчитывать попасть въ Россію, искалѣченныхъ на заводахъ и казенныхъ работахъ, особенно работавшихъ на оборону Германіи, ни въ коемъ случаѣ не отпускали на родину. Такъ, напр., былъ искалѣченъ уроженецъ Могилевской губ., мѣстечка Толочинъ, Бычковъ Мина. У него была раздроблена кисть и предплечье правой руки, и несмотря на то, что онъ почти не можетъ владѣть этой рукой и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть годенъ къ военной службѣ, онъ задерживается нѣмцами и не отправляется въ Россію. Далѣе Константинъ Озеровъ—(г. Псковъ. За Великія ворота, Н. слобода, собствен. домъ Базунова, Николая Яковлевича—его дяди), работая на военной фабрикѣ Шихау въ Эльбингѣ, имѣлъ настолько плохую обувь, что накололъ себѣ ногу на валявшіяся кругомъ на полу желѣзныя опилки. У него получилась гангренозная флегмона, и какъ всегда, онъ былъ доставленъ очень поздно въ лазаретъ, когда флегмона занимала уже всю ногу, и Озеровъ былъ въ безсознательномъ состояніи. Я сдѣлалъ громадные разрѣзы и больной случайно выжилъ. Въ результатѣ вся нога покрыта рубцами, мускулатура въ значительной степени атрофирована, пострадала и подвижность ноги. Онъ тоже ни въ коемъ случаѣ не пригоденъ къ военной службѣ, но его не отпускаютъ. У Сливинскаго, Ивана Кацперовича (Варшавской губ., Ловицкаго уѣзда, вол. Бѣлявы, м. Соббота) была раздроблена лѣвая голень съ большимъ дефектомъ костей. Несмотря на всѣ принятыя мною мѣры, спасти ногу не удалось, и я ампутировалъ ему голень; его тоже не выпускали. Такихъ случаевъ я могъ бы привести десятки. Тогда я рѣшилъ сдѣлать подлогъ. Дѣло въ томъ, что шефомъ нашего лазарета былъ докторъ Резе, глубокій старикъ, къ тому же морфинистъ. Онъ часто забывалъ сказанное наканунѣ и потому я передѣлалъ всѣ исторіи болѣзней объ этихъ искалѣченныхъ, показавъ, что всѣ они пострадали на сельскихъ работахъ, а не на фабрикахъ и заводахъ, а больнымъ строго на строго приказалъ даже во снѣ не говорить о томъ, гдѣ были искалѣчены. И только благодаря этому, продержавъ довольно долго подъ разными пред-

логами больныхъ въ лазаретѣ и воспользовавшись забывчивостью доктора Резе, мнѣ удалось упомянутыхъ инвалидовъ отправить въ лагерь Альтдамъ, который являлся концентраціоннымъ пунктомъ для отправки инвалидовъ—нижнихъ чиновъ въ Россію.

Такъ жили и работали русскіе плѣнные въ различныхъ рабочихъ командахъ, и въ лагеряхъ самой Германіи.

Отношеніе нѣмцевъ къ населенію занятыхъ ими областей Царства Польскаго и Литвы.

Докторъ Людвигъ Сигизмундовичъ Юстманъ (Петроградъ, Владимірскій пр., 10), работавшій съ сентября мѣсяца 1915 г. до конца 1916 г. въ занятыхъ нѣмцами областяхъ Царства Польскаго и Литвы, далъ мнѣ слѣдующія письменныя свѣдѣнія по этому вопросу:

«Я прибылъ въ Ковну 20—22 сентября 1915 г. и нѣмецкимъ гарнизоннымъ врачемъ былъ назначенъ на работу въ городскую больницу для мирнаго народонаселенія. Такимъ образомъ я постоянно сталкивался съ жителями какъ самаго города, такъ и сосѣднихъ деревень, которые привозили въ больницу своихъ больныхъ родственниковъ, и отъ нихъ я узнавалъ объ отношеніи нѣмцевъ къ населенію. Вотъ что разсказывали мнѣ жители:

«Съ самаго начала вступленія нѣмцевъ въ Польшу они занялись безпощадной реквизиціей какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ. Реквизировались почти всѣ пищевые продукты. Жители, спасаясь отъ этихъ реквизицій, старались прятать все, что возможно. Крестьяне по ночамъ выносили въ поле тѣ или другіе продукты, закапывали ихъ въ землю, и чтобы нѣмцы не могли ихъ найти, вспахивали закопанное мѣсто. Нѣмцы прибѣгали не только къ насилію, но и ко всевозможнымъ хитростямъ. Такъ, напр., они объявляли какой-нибудь день базарнымъ и заявляли по деревнямъ, что въ этотъ день всѣмъ желающимъ разрѣшается привозить продукты для продажи въ городъ, и когда довѣрчивые крестьяне подъѣзжали къ городу, то ихъ останавливали нѣмецкія военныя команды и забирали съ возовъ все, что тамъ находилось. Съ іюля 1916 г. бургомистромъ Ковны были объявлены нормы на человѣка въ недѣлю: 1.400 граммъ муки, 800 гр. картофеля, 350 гр. крупы, 150 гр. мяса (500 гр. равняется приблизительно одному фунту). О жирѣ, яйцахъ и молокѣ не упоминалось. Въ то же время была объявлена продовольственная повинность. Каждый крестьянинъ съ одного двора долженъ былъ поставить въ недѣлю: 1 фун.

масла, съ каждой курицы по одному яйцу, капуста же и фрукты почти полностью вывозились въ Германію. Рыбная ловля на Нѣманѣ была сдана въ аренду съ условіемъ, что $^3/_4$ улова будетъ сдаваться нѣмцамъ. За все это, правда, платилось, но по цѣнамъ ниже мирнаго времени. Кромѣ того очень рѣдко наличными деньгами, а въ большинствѣ случаевъ реквизиціонными квитанціями, по которымъ нѣмцы обѣщали расплатиться послѣ войны. Чтобы лишить возможности крестьянъ сбывать свои продукты, они раздѣлили всю страну на маленькіе округа, перейти границы которыхъ нельзя было безъ особыхъ паспортовъ, выдаваемыхъ на переходъ только въ извѣстномъ направленіи и въ извѣстные округа. Въ развѣшенныхъ по деревнямъ объявленіяхъ было сказано, что нѣмцы вынуждены прибѣгнуть къ этой мѣрѣ исключительно изъ опасенія шпіонажа. Получить такіе пропуски на переходъ изъ одного округа въ другой было очень трудно и требовало много времени. Нарушавшихъ же эти правила штрафовали отъ 25 до 100 марокъ, не уплатившихъ сажали въ тюрьмы или просто обвиняли въ шпіонажѣ. Результатомъ этого было то, что нѣмцы въ 5—10 верстахъ отъ Ковны покупали различные продукты, особенно фуражъ, за безцѣнокъ, въ то время, какъ въ Ковнѣ лошади и коровы дохли отъ голода. Если мужику удавалось преодолѣть всѣ препятствія и получить такъ называемую «маркткарту»—разрѣшеніе на провозъ на базаръ съѣстныхъ припасовъ, онъ, несмотря на это разрѣшеніе, рисковалъ, что при въѣздѣ въ городъ у него все таки эти продукты будутъ отобраны. Такъ, напр., на Рождество 1916 г. крестьяне привезли въ городъ много рыбы, но при въѣздѣ вся рыба была отобрана нѣмцами, причемъ имъ платили какіе-то гроши. Отобранную рыбу нѣмцы распродавали среди населенія города по 3 марки за фунтъ. Когда больницѣ понадобился картофель, я никакъ не могъ добиться разрѣшенія окрестнымъ крестьянамъ подвести его, такъ какъ въ городѣ купить было негдѣ. Въ городскихъ лавкахъ производились постоянные обыски, а потому продукты вздорожали чрезмѣрно и получить ихъ даже въ нормахъ, установленныхъ нѣмцами, было почти невозможно. Отъ этихъ постоянныхъ реквизицій сильно потрадало сельское хозяйство, главнымъ образомъ отъ лишенія возможности передвигаться и отъ громаднаго недостатка лошадей и скота, забранныхъ нѣмцами. Отъ крестьянина отбирали послѣднюю лошадь, а спустя нѣкоторое время ему объявляли, что если онъ своевременно не обработаетъ землю, его лишатъ права владѣнія. Крестьянинъ, если могъ, доставалъ себѣ гдѣ нибудь опять лошаденку, которую

нѣмцы опять забирали. Лошадей отбирали даже тогда, когда крестьяне, имѣя вышеупомянутый пропускъ, возили въ городъ продукты. Были случаи, что крестьяне, привезя въ больницу тяжело больныхъ своихъ родственниковъ, на обратномъ пути лишались лошади. Каждая десятина земли была обложена податью, зерномъ, картофелемъ ли фуражемъ.

Нѣмцы занимали въ городѣ любыя квартиры, причемъ въ домѣ, гдѣ поселился нѣмецъ, мирные жители не имѣли права жить. Поэтому многія семьи въ городѣ очутились прямо на улицѣ. За занимаемыя квартиры нѣмцы ничего не платили, а за квартиры, снятыя мирными жителями, нѣмцы, въ случаѣ отсутствія домовладѣльца, взимали плату въ городскую кассу. Съ пустующихъ квартиръ вся мебель увозилась въ Германію. Это мнѣ разсказывали не только жители, но и сами нѣмецкіе солдаты, причемъ все это было такъ прекрасно организовано, что почти совсѣмъ лишено было характера грабежа. Всѣ металлическіе предметы, вся мѣдь—ручки у дверей, самовары и мѣдная домашняя посуда—все было реквизировано, оцѣнивали все на вѣсъ и платили гроши.

Подати были очень велики. Каждый мужчина, старше 15 лѣтъ, долженъ былъ платить по 12 марокъ въ годъ; податныхъ статей была масса и я не помню ихъ всѣхъ. Какъ доказательство колоссальности налоговъ я могу привести слѣдующій примѣръ: въ Ковнѣ живетъ Венцкунасъ, каретный мастеръ и владѣлецъ двухъ домовъ. Когда пришли нѣмцы, они отобрали у него всѣ кареты и экипажи и выдали реквизиціонныя квитанціи, подлежащія уплатѣ послѣ войны, оба дома были заняты нѣмцами, которые ничего за это не платили, тѣмъ не менѣе сумма податей, возложенныхъ на Венцкунаса, равнялась 2200 маркамъ въ годъ. Съ русскими деньгами они поступили такъ: пока рубли были на рукахъ у населенія, былъ установленъ обязательный курсъ въ одну марку 50 пфениговъ за рубль. Когда въ народѣ накопилось достаточно марокъ, нѣмцы подняли курсъ рубля до 1 марки 99 пф., а затѣмъ довели эту расцѣнку даже до 2-хъ марокъ 40 пф., но платили они по такой высокой расцѣнкѣ не своими марками, а бонами, спеціально выпущенными при посредствѣ частныхъ банковъ и, конечно, не гарантированныхъ нѣмецкимъ правительствомъ. Такимъ образомъ они устроили притокъ русскихъ денегъ въ свои банки. Нѣмцы заставляли все, что только возможно, покупать въ Германіи. Такъ, напр., въ больницѣ, гдѣ я работалъ, не было лекарствъ, и нужно было спѣшно достать ихъ. Несмотря на то, что все можно было дешево и скоро выписать изъ Вильны, нѣмцы заставили выписать изъ

Германіи, откуда заказъ приходилъ не раньше, какъ черезъ три мѣсяца. Мнѣ случайно попался въ руки приказъ главной квартиры, гдѣ ясно указывалось, что слѣдуетъ всѣми мѣрами способствовать притоку денегъ въ Германію, а потому рекомендовалось заставлять жителей оккупированныхъ областей всѣ товары покупать изъ Германіи. Когда въ Вильнѣ не хватило въ кассѣ денегъ, то былъ объявленъ заемъ въ милліонъ марокъ для покрытія обязательствъ города къ Германіи. Былъ объявленъ срокъ добровольной подписки, и все, что оставалось неподписаннымъ послѣ этого срока, было распредѣлено въ видѣ единовременнаго принудительнаго налога среди мирныхъ жителей города, по усмотрѣнію нѣмцевъ. Конечно, только подписавшіеся добровольно получили бумаги займа, а остальнымъ ничего взамѣнъ не выдали.

Почти всѣ фабрики захвачены нѣмцами, и работаютъ на военныя цѣли подъ наблюденіемъ нѣмецкихъ военныхъ властей. Трудъ мастеровъ на этихъ фабрикахъ оплачивался нѣмцами удовлетворительно, но положеніе чернорабочихъ было очень тяжелое. Нѣмцы платили имъ гроши, и работа была принудительная. Такъ какъ рабочихъ рукъ не хватало, то нѣмцы устраивали облавы и забирали всѣхъ мужчинъ, независимо отъ ихъ соціальнаго и семейнаго положенія. Ихъ отправляли неизвѣстно куда, устраивая всегда такимъ образомъ, что захваченные въ одномъ городѣ усылались на работы въ другой. Изъ нихъ формировались особые батальоны, которые носили названіе гражданско-плѣнныхъ батальоновъ. Содержали ихъ въ отвратительнѣйшихъ условіяхъ, совершенно какъ нашихъ плѣнныхъ солдатъ. Эксплоатація ихъ труда была доведена до крайнихъ предѣловъ, и изъ такихъ рабочихъ батальоновъ возвращались на родину или полные инвалиды, совершенно неспособные къ какой-нибудь дальнѣйшей работѣ, или люди умирающіе. Они гибли тамъ въ этихъ батальонахъ также какъ и наши плѣнные,—цѣлыми тысячами. Описывать условія ихъ жизни значило бы повторять описаніе ужасовъ жизни нашихъ военноплѣнныхъ, которые хорошо вамъ извѣстны. Взносъ въ 600 марокъ спасалъ этихъ людей отъ наборовъ въ рабочія команды, но только до слѣдующей облавы.

Еще хуже было положеніе женщинъ: нѣмцы арестовывали ихъ на улицахъ или въ воскресенье послѣ богослуженія. Они окружали костелъ и захватывали всѣхъ выходившихъ оттуда молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ отправляли въ полицейскіе участки, а затѣмъ на работу въ такія же условія, какъ и мужчинъ, но къ тому же почти всегда связанныхъ съ проституціей. Тамъ въ этихъ жен-

скихъ рабочихъ батальонахъ страдали и подвергались насилію и простыя крестьянки, и гимназистки, и матери семействъ, и профессіональныя проститутки. Женщины употреблялись на работу какъ въ полѣ, такъ и на фабрикахъ. О какихъ-нибудь ограниченіяхъ продолжительности рабочаго дня или гигіеническо-санитарныхъ заботахъ не было и помина. Женщины заражались венерическими болѣзнями, умирали сотнями и сплошь и рядомъ лишали себя жизни.

Переѣздъ жителей по желѣзнымъ дорогамъ въ началѣ былъ совершенно запрещенъ, а затѣмъ разрѣшенъ, но опять-таки по спеціальному пропуску. Писать разрѣшалось только на открыткахъ, и только на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ всѣ письма обязательно проходили черезъ цензуру.

Медицинская помощь населенію поставлена была отвратительно. Такъ какъ для обслуживанія населенія не хватало плѣнныхъ русскихъ врачей, то амбулаторными пріемами и больницами завѣдывали нѣмецкіе студенты и молодые врачи, почти поголовно полные невѣжды. Къ тому же леченіе въ больницахъ и амбулаторіяхъ обходилось очень дорого: за день больничнаго леченія нѣмцы взимали плату въ 4 марки, амбулаторное же леченіе стоило 2 марки.

Нѣмецкіе офицеры, жившіе по деревнямъ или попадавшіе туда, требовали, чтобы всѣ кланялись имъ, снимая шапку. За неснятіе шляпы былъ опредѣленъ штрафъ. Однажды католическій священникъ, ѣхавшій со св. дарами къ тяжело-больному, встрѣтивъ офицера, не поклонился ему. Тотъ отстегалъ его хлыстомъ. Когда по этому поводу архіепископъ Каревичъ поднялъ вопросъ у намѣстника Литвы, кн. Изебурга, то получилъ только грубый отвѣтъ. Нѣмецкіе солдаты-полицейскіе жили по деревнямъ, какъ сатрапы. У нихъ были гаремы изъ мѣстныхъ женщинъ, которыхъ они принуждали къ сожительству угрозами, а часто и насиліемъ. Они охотно брали взятки, и ихъ квартиры представляли изъ себя какіе-то склады съѣстныхъ продуктовъ. Искать защиты было не у кого—произволъ былъ полный. Штрафы налагались за каждый пустякъ. Такъ, напримѣръ, двое мѣстныхъ жителей, выйдя изъ кондитерской на улицу, подрались между собою. За это на владѣльца кондитерской былъ наложенъ штрафъ въ 2.000 марокъ. Нерѣдки были убійства, сплошь и рядомъ остававшіяся безнаказанными. Пьяный нѣмецкій солдатъ зашелъ на квартиру мѣстнаго жителя Лукашевича и убилъ его, нанеся штыкомъ ударъ въ животъ, безо всякаго повода. Солдатъ былъ приговоренъ къ какому-то незначительному наказанію, а семьѣ убитаго—женѣ съ 8 маленькими дѣть-

ми—было выдано ежемѣсячное пособіе въ 10 марокъ. Особенно часты были убійства жителей за переходъ въ запрещенную полосу, и такія убійства оставались, конечно, безнаказанными. Тюрьмы были переполнены, причемъ изъ 700 заключенныхъ за уголовныя преступленія сидѣло тамъ нѣсколько человѣкъ, а остальные—за нарушеніе обязательныхъ постановленій о пропускѣ, о торговлѣ, за укрывательство съѣстныхъ продуктовъ и по подозрѣнію въ шпіонажѣ.

Докторъ Цуриковъ прибавляетъ къ этому, что онъ самъ съ августа 1915 года по февраль 1916 года жилъ въ Пултусскѣ въ тюрьмѣ и постоянно слышалъ душу раздирающіе крики женщинъ, но что продѣлывали тамъ съ ними нѣмцы, онъ не знаетъ. Тюрьма была переполнена какъ городскими, такъ и сельскими жителями.

Сотни людей были повѣшены и нѣмецкій докторъ Шликтингъ гордился тѣмъ, что изобрѣлъ какой-то новый способъ быстро вѣшать людей. Онъ говорилъ, что по его способу повѣшана не одна сотня людей въ Польшѣ.

Національная политика была сведена къ возможно большему возбужденію ненависти среди поляковъ, литовцевъ, евреевъ и другихъ національностей, населявшихъ эти земли, путемъ натравливанія однихъ на другихъ. Подъ разными видами шла широкая германизація, особенно литовцевъ. Нѣмцы открывали много школъ, причемъ старались открыть побольше школъ литовскихъ и поменьше польскихъ, гдѣ почти открыто велась германская пропаганда. Выписывать книги нельзя было, отказали даже выписать въ школу азбуку для дѣтей. Изъ польскихъ газетъ получался только «Край», чисто нѣмецкій органъ, и въ самой Ковнѣ издавалась «Ковенская Газета» на нѣмецкомъ языкѣ. Чѣмъ больше населеніе, угнетаемое нѣмцами, проявляло симпатіи къ Россіи, тѣмъ большему преслѣдованію подвергалось все русское. И подъ общимъ нѣмецкимъ гнетомъ стихла вражда между поляками и литовцами. Оба народа въ своей тяжелой затаенной борьбѣ объединились противъ грознаго угнетателя. Взоры всѣхъ обращены на востокъ, и народъ вѣритъ, что только оттуда придетъ имъ спасеніе. Я не пережилъ въ Литвѣ паденія стараго режима въ Россіи, но могу съ увѣренностью сказать, что при перныхъ же вступленіяхъ свободныхъ русскихъ воиновъ въ Царство Польское и Литву тамъ поднимется поголовное возстаніе, настолько сильна ненависть населенія къ угнетающимъ его нѣмцамъ. Жители отъ глухой борьбы переходятъ къ дѣйствіямъ. Такъ, напримѣръ, доктору Михайлову, Леониду Ивановичу, въ лагерѣ Скальмержицѣ нѣмецкіе часовые поляки, познанцы, раз-

сказывали, что изъ ихъ батальона были отправлены части нѣмецкихъ ротъ въ Варшаву, такъ какъ тамъ было очень неспокойно. Священникъ Станицкій изъ Калиша видѣлъ прокламаціи съ призывомъ: «Долой Безелера! Долой нѣмцевъ»! Были неоднократныя попытки къ поджогамъ мостовъ. Одиночныхъ нѣмцевъ, какъ солдатъ, такъ и чиновниковъ, встрѣчающихся въ полѣ или въ глухихъ мѣстахъ, жители убиваютъ. Когда въ Ковнѣ былъ Гинденбургъ, была сдѣлана неудачная попытка взорвать домъ, въ которомъ онъ жилъ. Жители весьма охотно укрываютъ русскихъ бѣжавшихъ плѣнныхъ солдатъ и помогаютъ имъ всѣмъ, чѣмъ могутъ, хотя прекрасно знаютъ, какой тяжелой отвѣтственности они подвергаются за укрывательство бѣглецовъ.

Я забылъ еще упомянуть, что всѣ работавшіе на заводахъ считались плѣнными. Уйти съ завода или перейти въ какой-нибудь другой никто не смѣлъ. Когда кончались работы или почему нибудь закрывался заводъ, то на фабрику являлись вооруженные нѣмецкіе солдаты, и всѣ рабочіе уводились въ упомянутые рабочіе батальоны, откуда они опять пересылались въ мѣста, гдѣ ощущалась нужда въ рабочей силѣ.

Я долженъ еще сказать о положеніи женщинъ въ такъ называемыхъ «цивильныхъ» лагеряхъ, т. е. тѣхъ же цивильно-плѣнныхъ рабочихъ батальонахъ. Такъ, напримѣръ, лагерь Хавельбергъ былъ просто кирпичный заводъ, бараками служили сараи для сушки кирпича, совершенно старые и непригодные для жилья. Тамъ было всего 3.000 человѣкъ. Изъ нихъ 600 женщинъ и дѣтей. Туда сгоняли задержанныхъ русскихъ рабочихъ, которыхъ застала война въ Восточной Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, работниковъ и работницъ съ фабрикъ и заводовъ Царства Польскаго, о которыхъ я упоминалъ раньше, и цѣлая масса, такъ называемыхъ, подозрительныхъ въ шпіонажѣ, ибо лицъ, которыхъ нѣмцы подозрѣвали въ шпіонажѣ, или немедленно вѣшали, или сажали въ тюрьмы или сгоняли въ такіе лагери. Помѣщенія, т. е. сараи, гдѣ жили эти плѣнные, были почти безъ свѣта, нары располагались въ три яруса. Бѣлья въ 1914 и 1915 годахъ не выдавали. Пища была та же, что и въ рабочихъ командахъ для военно-плѣнныхъ русскихъ. Во время вспыхнувшей въ Хавельбергѣ эпидеміи сыпного тифа изъ 3.000 переболѣло 2.000 и умерло 300—400 человѣкъ. Больные сваливались на печи для обжиганія кирпича и лежали буквально другъ на другѣ. Мѣръ къ прекращенію эпидеміи не принималось никакихъ. Всѣ надсмотрщики были штатскіе, зачастую изъ самихъ же жителей Царства Польскаго; всѣ они были снабжены нагайками, которыми

старательно пользовались. Они вербовались изъ воровъ, сутенеровъ и другихъ подонковъ. Избіенію и истязанію подвергались поголовно всѣ, какъ мужчины, такъ женщины и дѣти, жившіе въ этомъ лагерѣ. Изъ лагеря никто не смѣлъ выходить. Въ этомъ лагерѣ особеннымъ звѣрствомъ отличался лейтенантъ Шультенумъ.

Въ заключеніе я считаю необходимымъ коснуться вопроса о проституціи въ Польшѣ, такъ какъ онъ полонъ безпредѣльнаго ужаса.

Профессіональныя проститутки были обязаны половину своего заработка отдавать хозяйкѣ-содержательницѣ притона, а изъ другой половины она должна была содержать себя, т. е. одѣваться и кормиться. Если у нихъ оставались какія-либо деньги, то онѣ отбирались и сдавались нѣмцами якобы на книжку, причемъ женщинамъ говорилось, что при уходѣ ихъ изъ публичнаго дома деньги эти будутъ выданы имъ на руки. Но такъ какъ нѣмцы никого изъ нихъ не выпускали изъ публичныхъ домовъ, а бѣжавшихъ водворяли силой на мѣсто, то никто денегъ не получалъ. Полиція работала совмѣстно съ хозяйками притоновъ и жертва, намѣченная притонодержательницей, раньше или позже попадала въ публичный домъ. Чтобы лишить возможности побѣговъ, женщинъ перевозили изъ одного города въ другой; это же дѣлалось въ случаѣ, если женщина заболѣвала. Тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ леченіе венерическихъ болѣзней требовало продолжительнаго времени, отправляли въ Вилькомирскъ, гдѣ онѣ помѣщались въ сараѣ, называемомъ больницей, а оттуда онѣ посылались на работы на фабрики или въ поляхъ. Проститутки травились массами. Не проходило недѣли, чтобы ко мнѣ въ городскую больницу не доставляли бы двухъ-трехъ проститутокъ, отравившихся сулемой, а однажды ихъ привезли цѣлую партію въ 6 человѣкъ. Проститутки подвергались медицинскому осмотру 3 раза въ недѣлю, но больныхъ было такъ много, что ихъ больше лежало по больницамъ, чѣмъ было въ домахъ терпимости, и нѣмецкая полиція постоянно заботилась о доставленіи новаго матеріала въ притоны. Дома терпимости были раздѣлены на офицерскіе и солдатскіе—въ послѣднихъ, по разсказамъ проститутокъ, жилось лучше, нежели въ офицерскихъ. Какимъ же образомъ пополнялся кадръ выбывающихъ изъ домовъ терпимости проститутокъ?

По приказу Гинденбурга, каждый нѣмецкій солдатъ, заболѣвшій венерической болѣзнью, обязанъ былъ указать женщину, отъ которой онъ заразился.

Этимъ приказомъ судьба и жизнь женщины въ Польшѣ и Литвѣ была отдана въ распоряженіе нѣмецкаго солдата, и они широко

пользовались этимъ, такъ какъ громадное большинство изъ нихъ страдало венерическими болѣзнями, привезенными, быть можетъ, съ родины. Достаточно, чтобы какая-либо женщина отказала солдату въ его грубыхъ приставаньяхъ, онъ мстилъ ей, указывая на нее, какъ на виновницу своего зараженія. Этимъ же широко пользовались содержательницы притоновъ въ союзѣ съ нѣмецкой полиціей. Указанную солдатомъ женщину немедленно арестовывали и отправляли или въ публичный домъ, особенно, если женщина была молода и красива, или же предварительно на освидѣтельствованіе въ больницу. Мнѣ много разъ приходилось устанавливать, что указанныя женщины не только не больны, но дѣвственны. Однажды по этому поводу къ намъ была пригнана женщина изъ Пренъ, мѣстечка, лежавшаго въ 60 верст. отъ Ковно. У нея на рукахъ былъ ребенокъ съ босыми ногами. Погода стояла холодная и на нашъ вопросъ, почему ребенокъ не одѣтъ, мы получили отвѣтъ отъ нея, что къ ней приставалъ какой-то нѣмецкій солдатъ, и послѣ ея категорическаго отказа онъ донесъ на нее въ полицію, что будто бы она заразила его венерической болѣзнью. Она была немедленно схвачена, и ей даже не дали времени одѣть ребенка и погнали пѣшкомъ въ Ковну. Послѣ осмотра выяснилось, что женщина совершенно здорова. Случаи изнасилованія были массовые. Я точно помню два: одинъ—со старухой 65 лѣтъ, на которую набросился нѣмецкій солдатъ у нея же на квартирѣ, а затѣмъ случай съ г-жей Майгло, матери 15-лѣтней барышни, женщины вполнѣ честной, которую изнасиловалъ нѣмецкій солдатъ на улицѣ въ сентябрѣ 1916 года и заразилъ ее венерической болѣзнью. Но вообще заявленій объ изнасилованіи мнѣ приходилось выслушивать массу и очень много дѣвушекъ, совершенно честныхъ и порядочныхъ, приходило ко мнѣ на амбулаторный пріемъ, умоляя прекратить беременность, послѣдовавшую какъ результатъ изнасилованія. Сотни женщинъ гибли отъ искусственныхъ выкидышей, производимыхъ имъ разными акушерками. Отъ солдатъ не отставали не только офицеры и генералы, но и свѣтила медицинской науки Германіи. Такъ, напримѣръ, о случаяхъ изнасилованія и ложнаго показанія на женщинъ о зараженіяхъ я письменно доносилъ гарнизонному врачу г. Ковны, проф. берлинскаго университета, имѣвшему въ мирное время большую практику среди русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Германію, а именно проф. Феликсу Клемпереру. На всѣ мои донесенія онъ мнѣ отвѣтилъ: «У насъ 30 тысячъ солдатскихъ ......, которые нужно удовлетворить, и я считаю очень гуманнымъ со стороны нѣмцевъ, что они не заставляютъ всѣхъ рус-

скихъ женщинъ имѣть дѣло съ нѣмецкими солдатами». Другой нѣмецкій проф. тоже берлинскаго университета, Бокенгеймеръ, которому приглянулась наша русская сестра милосердія П., зная, что она стремится вернуться въ Россію, заявилъ ей, что путь въ Россію для нея проходитъ черезъ его кровать, и онъ всѣми силами препятствовалъ ея отъѣзду. Сестра П. спаслась отъ него бѣгствомъ. Она была много времени спустя поймана, но избавилась отъ Бокенгеймера и въ концѣ-концовъ возвращена была въ Россію. Подчиненные этимъ медицинскимъ свѣтиламъ врачи нѣмецкіе и низшіе служащіе не отставали отъ своихъ шефовъ и въ городской больницѣ смотритель-нѣмецъ Велинскій изнасиловалъ сестру-литовку О.

Насильники, боясь отвѣтственности, тоже прибѣгали къ приказу Гинденбурга; изнасиловавъ женщину, они являлись въ полицію и заявляли, что женщина заразила ихъ. Докторъ Леонидъ Ивановичъ Михайловъ, работавшій около гор. Слупцы, а затѣмъ въ Бѣлостокѣ, подтверждаетъ все приведенное выше и говоритъ, что населеніе разсказывало, что нѣмцы забирали всѣхъ женщинъ и помѣщали ихъ въ публичные дома, безъ различія ихъ семейнаго и соціальнаго положенія, если только нѣмецкіе солдаты указывали на кого-либо изъ нихъ, какъ источникъ зараженія.

Въ этихъ притонахъ женщины подвергались истязаніямъ, и единственнымъ спасеніемъ для нихъ являлась смерть».

Сообщеніе доктора Левитъ, врача 24-го пѣхотнаго полка.

Въ пограничной полосѣ Польши, недалеко отъ Калиша, находится лагерь Скальмержице. Туда въ наказаніе за жалобу, поданную нами въ военное русское министерство на безчеловѣчное отношеніе нѣмецкаго врача Гроссэ, завѣдующаго туберкулезнымъ лагеремъ Шпроттау (Силезія), я и 4 мои товарища были высланы въ декабрѣ 1916 года, якобы для работы. Лагерь этотъ производитъ впечатлѣніе запущеннаго кладбища, и первая мысль, которая охватываетъ человѣка, имѣющаго несчастье попасть туда: «Живымъ отсюда нѣтъ возврата».

Я не буду касаться описанія жалкой, пропитанной моремъ слезъ и страданій, жизни нашихъ военноплѣнныхъ. Врядъ ли найдется въ Германіи хоть одинъ лагерь (я самъ перебывалъ въ 11 лагеряхъ), гдѣ наши собратья живутъ въ мало-мальски сносныхъ человѣческихъ условіяхъ. Я хочу въ этомъ краткомъ очеркѣ коснуться участи страдальцевъ за идею, достойнѣйшихъ членовъ соціалъ-демократической партіи Царства Польскаго и Литвы, которыхъ нѣмецкое правительство забросило въ эту могилу. Для этихъ борцовъ за свободу и права человѣчества отведенъ въ лагерѣ спеціальный

дворъ, такъ называемый блокъ, отгороженный двойной колючей проволокой, куда никто безъ особаго разрѣшенія коменданта лагеря проникнуть не можетъ. Насъ, врачей, хотя и очень рѣдко, но пропускали подъ конвоемъ для прививки противъ холеры и тифа. Мы имѣли возможность присмотрѣться ближе къ условіямъ ихъ жизни и во время работы кое-о-чемъ переговорить. Въ этомъ такъ называемомъ блокѣ живутъ въ землянкахъ, на скорую руку сколоченныхъ, соціалъ-демократы Польши и Литвы.

Бараки выдаются надъ уровнемъ земли на полъ-аршина, и во время дождливой погоды тамъ море грязи. Ревматизмъ и простудныя заболѣванія свирѣпствуютъ, но для этихъ жертвъ прусскаго кулака лазареты не существуютъ: ихъ выносятъ оттуда уже мертвыми рано по утрамъ и бросаютъ въ яму. Пища для нихъ хуже, чѣмъ для военно-плѣнныхъ. Удивительно прямо, какъ эти люди вообще существуютъ. Въ томъ же блокѣ, въ одномъ изъ бараковъ, содержатся захваченныя женщины. Спать приходится на голыхъ нарахъ и о какихъ бы то ни было примитивныхъ устройствахъ, которыя имѣются даже въ каторжныхъ тюрьмахъ, здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Эти блѣдныя тѣни людей, среди которыхъ особенно рѣзко выдѣляется высокая худощавая, похожая на скелетъ, фигура ксендза, блуждаютъ только по двору, ожидая своей судьбы. За что же сослали этихъ людей, этихъ женщинъ въ лохмотьяхъ, въ эту прусскую каторгу? Прусское правительство не пренебрегаетъ никакими мѣрами, разъ надо удалить элементъ, который не хочетъ плясать подъ ихъ дудку. Они истребляютъ систематически и безпощадно все и всѣхъ, что только входитъ въ кругъ ихъ грабительскихъ интересовъ. Съ безправными же гражданами маленькихъ Польши и Литвы они совсѣмъ не считаются. Много, очень много невинныхъ жертвъ, благородныхъ борцовъ за свободу и права человѣческія погибло въ Польшѣ и Литвѣ отъ прусской расправы.

Въ Калишѣ и его окрестностяхъ не проходитъ недѣли безъ смертныхъ приговоровъ надъ мѣстнымъ населеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣмецкіе соціалъ-демократы до сихъ поръ совершенно молчали объ этомъ, а голоса протеста, которые раздавались недавно, нашли ужъ слишкомъ мало отклика въ нѣмецкой соціалъ-демократической прессѣ. О газетахъ же иного направленія говорить не приходится. Мнѣ пришлось отъ одного виднаго и уважаемаго соціалъ-демократа въ Польшѣ, заключеннаго въ лагерь, слышать слѣдующее: «Пока Либкнехтъ въ тюрьмѣ, насъ не выпустятъ. Въ моментъ отпуска его падетъ прусскій милитаризмъ, но мы къ сожалѣнію не питаемъ абсолютно никакого довѣрія къ прусскимъ соціалъ-

демократамъ. Тѣ же немногіе его представители, какъ Ледебуръ, Гаазе, слишкомъ слабы. Соціалъ-демократія нѣмецкая повернула круто вправо, и меньшинству сбить ее съ этого пути невозможно».

Кончая свои матеріалы о плѣнѣ, я долженъ еще разъ предупредить читателей, что нѣмцы очень внимательно относятся къ тому, что говорится и пишется про нихъ, и они прекрасно освѣдомлены обо всемъ, особенно о Россіи теперь, когда двери въ Торнео широко раскрыты для всѣхъ. Вполнѣ возможно, что, узнавъ объ опубликованіи моихъ матеріаловъ, они будутъ разыскивать тѣхъ лицъ, фамиліи которыхъ я указываю, и если найдутъ таковыхъ среди плѣнныхъ, то путемъ угрозъ, а быть можетъ и истязаній (см. статью объ унтеръ-офицерахъ и вынужденіи у нихъ «добровольной» подписки на согласіе работать) они заставятъ слабыхъ духомъ писать опроверженія. Поэтому я и прошу читателей не удивляться, если отъ имени тѣхъ или другихъ лицъ, оставшихся еще въ плѣну, въ нѣмецкихъ газетахъ будутъ помѣщены опроверженія опубликованнаго мною матеріала.

Послѣ войны будетъ созванъ съѣздъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ изъ 800 бывшихъ въ плѣну русскихъ врачей, на который мы пригласимъ и бывшихъ въ плѣну врачей нашихъ союзниковъ, гдѣ весь мой матеріалъ будетъ просмотрѣнъ и дополненъ, чтобы всесторонне освѣтить не только положеніе плѣнныхъ во вражескихъ государствахъ, но и отношеніе къ нимъ русскаго общества и правительства, а равно обществъ и правительствъ нашихъ союзниковъ, въ дѣлѣ защиты правъ и улучшенія положенія плѣнныхъ.

Я долженъ еще замѣтить, что русскіе плѣнные солдаты въ своихъ бумагахъ, которыя они подавали мнѣ, какъ своему представителю, а равно и въ устныхъ заявленіяхъ часто перевираютъ названія мѣстностей и лагерей.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Приказъ комендатуры въ лагерѣ Шнейдемюлѣ:

Commandantur Befehl

26/2—1915.

Zur Erzwingung der nothwendigen Disciplin im Lager habe ich den Feldwebeln und Russischen Aerzten die Erlaubniss gegeben nach russischer Geflogenheit sich des Stockes oder Peitsche zu bedienen. Ich will versuchen ob wir ohne dieses Hilfsmittel auskommen werden und befehle daher, dass die Russischen Feldwebel und Aerzte sich des Stockes bedienen dürfen, um einen persönlichen Angriff von Gefangenen abzuwehren. Bei sonstigen Verstössen gegen die Disciplin sind daher die Schuldigen den Herrn Lageroffizieren oder den Deutschen Herrn Lager-Feldvebeln zur Bestrafung vorzuführen. Niederhastige Gefangene dürfen von den Feldwebeln gebunden vorgeführt werden. Ich erwarte, dass es den Herrn Feldwebeln gelingen wird auch ohne den Stock die Ordnung in den Compagnien auf Recht zu erhalten, besonders durch das Mittel des Bindens die nothwendige Gehorsamkeit erschaffen.

Я долженъ пояснить, что этотъ «Commandantur Befehl» является разъясненiемъ приказа, изданнаго комендатурой раньше. Врачи, жившiе въ лагерѣ (см. гл. «Положенiе плѣнныхъ въ лагеряхъ въ Германiи») сообщили мнѣ, что вскорѣ послѣ ихъ прiѣзда комендантомъ былъ отданъ приказъ, общiй для нѣмецкихъ и русскихъ начальствующихъ лицъ, которыми въ лагерѣ являлись врачи и поставленные за старшихъ въ баракахъ русскiе фельдфебеля, чтобы всѣ они явились въ караульное помѣщенiе, гдѣ имѣлся специальный складъ палокъ и нагаекъ и получили бы по таковой. Причемъ этимъ же приказомъ вмѣнялось имъ въ обязанность употреблять въ дѣло палки и нагайки при всякомъ нарушенiи плѣнными дисциплины, другими словами, была предоставлена полная свобода личному усмотрѣнiю.

Врачи, получивъ такой приказъ (къ сожалѣнію онъ не дошелъ до меня), подали письменный, мотивированный отказъ отъ исполненія его, указывая въ то же время вообще на недопустимость избіеній и истязаній, которымъ подвергаются плѣнные въ указанномъ лагерѣ.

Результатомъ этого заявленія врачей и было изданіе приводимаго здѣсь документа, причемъ и здѣсь комендантъ солгалъ. Онъ пишетъ: «habe ich......die Erlaubniss gegeben......», на самомъ же дѣлѣ, въ первомъ своемъ приказѣ онъ давалъ не «Erlaubniss»—позволеніе—а «Befehl» т. е. приказаніе явиться за палками и нагайками и примѣнять ихъ, какъ сказано выше.

Приложеніе II.

Статья Завѣдующаго медицинскою частью военнаго министерства въ Берлинѣ, помѣщенная въ: «Zeitschrift für ärzliche Forbildungen.» Redigierum von Prof. Dr. C. Adam in Berlin.

Въ этой статьѣ авторъ говоритъ сперва о транспортировкѣ раненыхъ, о борьбѣ съ газами, и т. д. затѣмъ переходитъ къ вопросу о плѣнныхъ:

> «In etwa zweifünftel der bestehenden Lager haben wir Epidemien gehabt ,und zwar Cholera, Fleckfieber, Rückfallfieber. Von Pocken sind nur 6 Felle vorgekommen. Ich bemerke, das jeder Gefangene, der in unsere Lager hineinkommt gegen Pocken, Typhus, Cholera geimft wird, und das unsere Gefangenenlager allmöglich so eingerichtet sind, das wir jeden Gefangenen, der sich in ihnen aufhält, alle acht Tage durch die Duschebad mit nachfolgender Abseifung und auch seine Kleidungstücke in Dampf und heiser Luft desinfectieren können. Seitdem, das der Nachdruck durchgefürt ist sind wir so gut wie Fleckfieber frei. Ich betrachte es als eine ganz gut erordentliche leistung das Fleckfieber aus den Gefangenenlager herausgebracht worden ist. Leider ist bei diesen Massnahmen auch eine Reihe von Sanitätspersonal erkrankt und wir haben, wie Sie alle wissen, sogar eine grosse Menge fon Todesfällen zu bedauern. Von deutschen Arzten sind an Fleckfieber 24 erkrankt u. 14 davon gestorben, also 58%. Es ist ganz ausesrordentlich auffällig, wenn man bemerkt wie gering die Mortalitätziffer daggeen bei der Gefange-

nen-Fleckfieberkranken, gross gewesen ist, und wenn man bedenkt das von den russischen Aerzten, von denen allerdings nur 6 erkrankt sind—nur 1 gestorben ist... Bei den Wachmannschaften die die Lager zu bewachen haben, ist auch eine Reihe von Erkrankungen vorgekommen, aber nur 1 gestorben, 4 Fälle von Rückfallfieber, dagegen 215 Flecktuphuserkrankungen mit 18,1% Mortalität gegenüber 7,8% bei den Russe»

Далѣе онъ объясняетъ, почему такъ много нѣмецкихъ солдатъ болѣло:

«Da muss mann aber die Verhältnisse in einem solchen Lager berücksichtigen. Die Russen nähern sich doch etwas leicht den Wachmannschaften und man hat auch so allerlei kleine Tücken mit der Zeit kennen gelernt. Man hat gesehen dass sie die mit Läusen behafteten kleidungsstücke oder Flicker den Wachtmannschaften zugeworfen haben, viele Zigarettenhülsen mit Läusen bewaffnet und dann den vorübergehenden Soldaten angepustet.

«Alles das ist beobachtet worden......ähnliches gilt für das Übergreifen in die bürgerlichen Bevölkerungskreise. Es sind in der Zeit so weit wie ich habe feststellen können in der bürgerlichen Bevölkerng 42 Fälle von Cholera, 1 Fall von Rückfallfieber, 22 Fälle von Fleckfieber u. 12 Pockenfälle vorgekommen. Ich glaube, das, auch da ähnliche Verhältnisse statgefunden haben wie ich sie für die Wachmannschaften geschildert habe».

Статья оканчивается восхваленіемъ санитарной организаціи и энергіи нѣмецкихъ врачей.

Приложеніе III.

«In Kampf gegen Russland». Von Wilhelm Conrad Gomoll. Kriegsberichterstatter des Gr. Hauptquartier Ost-Leipzig. Brockhaus 1916/46.

«Russische Gefangene in Lowiez».

Am 17 Dezember rückten unsere Truppen in Lowiez ein. Als Quartierort ist mir Lowiez einige Zeit danach bestimmt worden. Mein Quartier musste ich durch russische Gefangene erst reiniegen lassen. Es dauerte lange als durch die notwendigen Requisitionen aus den vier kalen Wänden ein bewonhbares Raum wurde. In den Wochen, die ich in Lowiez verweilte, wurden mehrere russische Ge-

fangene eingebracht. Mitten, auf dem alten Ring, dem grossen Marcktplatz von Lowiez, steht die doppelltürmige Hauptkirche der Stadt. Das von einer hohen Mauer umgebene Gotteshaus musste zum Sammellager der gefangenen Russen und der mitunter recht beträchlich anschwellenden Zahl der Spionage verhafteten, gemacht werden. Bis zu 4.000 Mann haben dort schon an einem Tage interniert müssen. Die Kirche hat natürlich, seit dem sie ein Massenquartier der Gefangenen wurde, in bedauerns Werter weise gellitten. Einmal brach sogar ein Brand im innen des Glockenturmes durch feuerfangendes Stroh aus. Es gelang, zum Glück, ihn zu löschen und damit die Orgel zu retten, die bereits gefährdet war. Die kalten Frostnächte mit ihren rauhen Ostwinden wurden zu verführen; das Holz reisste, und was russische, einmal... (пропущено слово)... Zerstörungssucht in kurzer Zeit leisten konnte, gescha hier: das alte würdige und feierliche Gestühl vor dem Hauptaltar wurde ein Frass des Feuers, die die auf den kalten Steinfliesen der Kirche lagernden Gefangenen unterhielten. In einer Januarnacht betrat ich wieder einmal die Kirche. Schneegeflock umfing mich auf der «Zdunska Ulizca», der neugetaufte «Hindenburgstrasse», und ich ging mit ganz unkriegsmässigen Heimatgedanken, wie sie wohl jedem gelegentlich auffliegen—dem alten Ring entgegen. Gross und prächtig in seinem Winterschmuck stand das verschneite Gotteshaus in der mitte des weiten Marcktplatzes, und aus seinem innern leuchteten durch die hochen scheibenlosen Fenster die roten Flammenscheine der Russenfeuer. Langsam ging ich über den Marckt, dem kapellenartig umbauten Haupttor der Kirchenumfriedung entgegen. Über den stillen vorhof betrat ich durch das Hauptportal das Gotteshaus. Pfantastitch, in der Art Hoffmanscher Erzälungen... (пропущено два слова).. Menschen und Dinge voruber. Meister Adolf von Menzels Auge und Hand hätten in dem Bilde würdiges motiv gefunden. Es war ein Schwirren, ein Brodeln, ein ruheloses hin und her von Stimmen und Farben.

Ein scharfer wie nach faulendem Juchten: unreine Luft, Schweis, qualm dazswichen der dumpfe Gestank alten, verschmutzten Strohs stieg in die Nase hinein, benahm den Atem; es legte sich ein Beklemung schwer auf die Brust... Wohl über zwanzig Lagerfeuer schlungen auf, von brauen zerflatterrnden Rauchschwaden überbrannt leckten die glühenden Flammen in eine nächtliche Dämmerung hinauf, und um jede der vielen Feuerstätten lagen, knieten und hockten die Gefangenen von denen in dieser Nacht über 2.300 Mann in der Kirche untergebracht worden. Ich sah in ein massloses Durcheinander hinein. Stimmen, unentwierrbar, dumpf und uncheimlich

kochten und brodelten. Waren das Menschen, die sich Tierhaft, so urweltmässig um die hochauflodernden Brände zusammenrollten? Verwilderte wesen, die mit einer Widerwärtigen grauschwarzen Schmutz, kruste bedeckt waren. Schmutzige, blutige Verbände dunkelrot eingetrocknet an Köpfen, Füssen und Händen. Hier und da ein schmerzvolles ausstönen auf einem seitlich errichteten Strohlager. Mitten durch die wilde Schar ging ich hindurch; in die Ecken in dunkeln Knäueln; zusammengezogen schliefen die Gefangenen auf den Steinfliesen; sie lagen in den Nischen der Altäre, ja sogar darauf, denn die Holzplatte des Altars war nicht so hart und kalt wie der Kirchenboden. Manchem Sibirier diente die heche Pelzmütze, die Papacha, als Kopfstütze an der Wand. Gar wild und unheimlich wirkte der Anblick einiger Kosaken die verwundet, in zerfetzte Mäntel gewickelt abseitz zwischen bessarabische Mannschaften hockten, unter den zottigen hohen kugelrunden Fellmützen schauten dichte, schmutzstarrende Haarbüschel hervor, und es war nur schwer zu unterscheiden, wo der Menschliche Haarwachs sich von der tierischen Pelzmütze trennte. Als ich schlisslich wider in die klare winterliche Nachtluft hinaustrat, atmete ich auf, als ob ich selber aus harter Gefangenschaft befreit worden sei... Russiesche Gefangene kommen und gehen. Am Morgen sassen sie schon in aller Frühe auf der Umfassungsmauer der Kirche, drängten sich hinter den eisenen Torgittern und schrien nach Brot: «Chleba, Chleba». Oftmals habe ich herzlich lachen müssen, wen sie halb über die Mauer gelehnt, in lauten Zurufen miteinander wetteifernd um die Liebe der lowiezer Handelsleute stritten: «Du Jud! Ech auch Jud! Ech bin hungrich. Kimm! Nimm Geld! Gieb Brot!» Und die Glaubensbrüder kamen und brachten ihnen, was sie haben wollten. Doch zuerst das Geld, denn das Brot war teuer... und: «Geschäft ist Geschäft.»

Приложенiе IV.

Выдержки изъ журнала засѣданiй Главнаго Управленiя Россiйскаго Общества Краснаго Креста.

I. Заразныя болѣзни среди военноплѣнныхъ въ Германiи.

Препровожденный Главнымъ Управленiемъ Генеральнаго Штаба переводъ выдержки изъ германской радiотелеграммы о заболѣванiяхъ военноплѣнныхъ дизентерiей, пятнистымъ тифомъ, багряной лихорадкой и туберкулезомъ (стр. 9—10).

«Заболѣванія тифомъ въ настоящее время стоятъ на такомъ же низкомъ уровнѣ, какъ и у германскаго гражданскаго населенія; также обстоитъ дѣло и съ заболѣваніями дизентеріей. Лишь багряная лихорадка, болѣзнь, совершенно незнакомая Германіи до войны, захватила значительное число жертвъ. Послѣ того, какъ было установлено, что плотяная вошь переноситъ заразу, германскимъ изслѣдователямъ удалось быстро найти способъ борьбы съ пятнистымъ тифомъ. Число заболѣваній быстро упало, болѣзнь совершенно исчезла, новые заносы заразы русскими военноплѣнными изъ лагерей подавлены въ кратчайшій срокъ. Улучшеніе всѣхъ санитарныхъ оборудованій въ лагеряхъ военноплѣнныхъ повлекло за собою уменьшеніе числа заболѣваній и смертныхъ случаевъ. 1 августа 1916 г. въ Германіи было 1663794 военноплѣнныхъ, изъ которыхъ за два года войны умерло всего 29297 человѣкъ. На каждую тысячу плѣнныхъ 17,7 смертныхъ случаевъ. Отъ туберкулеза умерло 6032 человѣка, отъ пятнистаго тифа 4201, отъ ранъ—6270 и отъ другихъ болѣзней—6603. Большое число туберкулезныхъ объясняется тѣмъ, что государства согласія призвали на фронтъ очень большое количество больныхъ туберкулезомъ. Туберкулезные переведены въ особые лагери и находятся въ особыхъ лечебницахъ. Количество заболѣваній туберкулезомъ уже значительно понизилось, благодаря превосходному врачебному присмотру. Такъ какъ многочисленные пацiенты отпускаются изъ лечебницъ, то пребываніе тамъ даетъ имъ не только физическое облегченіе, но и приноситъ духовно нравственное умиротвореніе. Это подтверждается тѣмъ, что изъ 1000 военноплѣнныхъ покончили самоубійствомъ лишь 0,10, тогда какъ въ 1911 г. во французской арміи число самоубійствъ составляло 0,19, а въ русской—0,28 на тысячу».

Къ приведенной выдержкѣ я долженъ сдѣлать поясненіе, что «багряной лихорадки» вообще въ терминологіи медицинской не существуетъ, и нѣмцы подъ этимъ названіемъ показывали случаи сыпного тифа. Далѣе количество туберкулезныхъ больныхъ зависитъ отнюдь не отъ того, что государства согласія призвали на фронтъ очень много больныхъ туберкулезомъ, а какъ я уже сказалъ, это явилось результатомъ полнаго истощенія организмовъ плѣнныхъ, поэтому и эпидеміи трубэркулеза стали свирѣпствовать съ середины 1915 г. и съ начала 1916 г. Такъ что въ настоящее время туберкулезныхъ больныхъ нужно считать многими десяттами тысячъ. Насколько мнѣ извѣстно, для туберкулезныхъ больныхъ нижнихъ чиновъ существуетъ только весьма ограниченное

число лагерей. Я слыхалъ только о Шпротау и Черскѣ, которые ни въ коемъ случаѣ не могутъ вмѣстить въ себя всего этого громаднаго количества туберкулезныхъ. Они разбросаны по всѣмъ лагерямъ, и ихъ можно найти на всевозможныхъ работахъ. Въ лазаретахъ при лагеряхъ, тамъ гдѣ санитарныя условія поставлены въ болѣе или менѣе сносныя гигіеническія условія, для больныхъ туберкулезомъ отводятся цѣлые бараки, гдѣ ихъ помѣщается по сотнямъ человѣкъ. Говорить о какомъ-нибудь пониженіи заболѣваніи туберкулеза, это значитъ совершенно искажать дѣйствительность.

Къ какимъ-же способамъ «нравственнаго умиротворенія» прибѣгли нѣмцы вы видѣли изъ всего вышеизложеннаго.

II. Военноплѣнные.

Сообщеніе французскаго врача Гюгонне о положеніи русскихъ военноплѣнныхъ въ Ингольштадтѣ въ Германіи (стр. 28. Тамъ же).

«Отдѣлъ генералъ-квартирмейстера Генеральнаго Штаба препроводилъ въ Главное Управленіе копію сношенія нашего генеральнаго консула въ Марселѣ отъ 8 октября сего года, (1916 г.), въ какомъ сношеніи сообщается, что прибывшій въ Марсель изъ нѣмецкаго плѣна французскій врачъ г. Гюгонне явился въ императорское генеральное консульство и сообщилъ свои наблюденія относительно находившихся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣну въ фортѣ Принцъ Карлъ, въ Ингольштадтѣ русскихъ плѣнныхъ. По словамъ г. Гюгонне, положеніе нашихъ плѣнныхъ весьма тяжело. Прежде всего люди страдаютъ отъ недостатка питанія. Весьма существенную поддержку плѣннымъ оказываютъ получаемыя съ родины деньги и посылки, но въ этомъ отношеніи положеніе русскихъ плѣнныхъ хуже положенія французскихъ, потому что русскимъ почти ничего не посылаютъ съ родины.

Что же касается дѣятельности испанскихъ дипломатическихъ представителей, то г. Гюгонне заявилъ, что испанское заступничество существуетъ лишь на бумагѣ. По недостатку энергіи испанскіе дипломаты не оказываются на высотѣ положенія и не приносятъ никакой пользы русскимъ и французспимъ плѣннымъ въ Германіи. Въ совершенно иныхъ условіяхъ, по словамъ г. Гюгонне, находятся англійскіе плѣнные въ Германіи, пользующіеся защитой американской дипломатіи, проявляющей много энергіи при исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ.

Въ заключеніе г. Гюгонне затронулъ вопросъ о настроеніи находящихся въ нѣмецкомъ плѣну русскихъ офицеровъ польскаго происхожденія и магометанскаго исповѣданія. По его увѣреніямъ, нѣмцы долго пытались склонить этихъ лицъ перейти на сторону Германіи. Одною изъ мѣръ склоненія нашихъ офицеровъ изъ поляковъ и магометанъ, была отправка ихъ въ лагери, гдѣ находились пропагандисты. Такъ содержавшійся въ фортѣ Принцъ Карлъ капитанъ 105-го пѣхотнаго полка Войткевичъ былъ увезенъ съ съ этой цѣлью на время въ другой концентраціонный лагерь, но старанія нѣмцевъ ни къ чему не привели, и онъ былъ возвращенъ обратно въ фортъ Принцъ Карлъ.

Подобная же и столь же безуспѣшная попытка была сдѣлана съ штабсъ капитаномъ одного изъ финляндскихъ полковъ Амахукали.

Разставаясь съ докторомъ Гюгонне, названные офицеры Войткевичъ и Амахукали просили его, если онъ встрѣтитъ русскихъ офицеровъ, разсказать имъ, что находящіеся въ плѣну русскіе офицеры польскаго происхожденія и магометанскаго вѣроисповѣданія свято чтутъ присягу передъ государемъ императоромъ и передъ своею великою Родиною».

III. Юнгеръ, В. А. Представитель Россійскаго Общества Краснаго Креста, сопровождающій делегата Датскаго Общества Краснаго Креста доктора Петерсена и Австро-Венгерскую делегатку баронессу Гуссаръ при осмотрѣ мѣстъ водворенія военнопленныхъ.

Донесеніе его объ осмотрѣ концетраціоннаго лагеря въ Ниже-Удинскѣ (стр. 29, тамъ же).

«Юнгеръ доноситъ Главному Управленію, что 24 октября сего года (1916) делегація закончила осмотръ концентраціоннаго лагеря въ Нижне-Удинскѣ.

Названный лагерь произвелъ на делегацію самое лучшее впечатлѣніе. Относительно барака для нижнихъ чиновъ датскій делегатъ Петерсенъ сказалъ, что «c'est une baraque excellente». Не было заявлено ни одной сколько-нибудь существенной жалобы ни со стороны офицеровъ, ни со стороны нижнихъ чиновъ:; напротивъ, всѣ опрошенные плѣнные единогласно заявили, что получаемая ими пища совершенно безукоризненна. Въ лагерѣ за годъ не было ни одной попытки побѣга; съ давнихъ поръ въ Нижнеудинскѣ не было ни одного арестованнаго».

IV. Романовскій-Романько, А. С. представитель Россійскаго Краснаго Креста, сопровождающій делегата Общества Краснаго Креста доктора Саксторфъ Штейнъ и германскую сестру милосердія фонъ-Пассовъ при осмотрѣ ими мѣстъ водворенія военноплѣнныхъ въ Россіи.

Сообщеніе его о посѣщеніи делегаціею лагерей для военноплѣнныхъ въ Самарской и Оренбургской губ. и въ Туркестанскомъ краѣ.

(Журналъ засѣданія Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста 9 декабря 1916 г., № 1429, стр. 12).

Романько-Романовскій доноситъ Главному Управленію, что «за время съ 18 августа по 5 ноября сего года делегація посѣтила мѣста водворенія военноплѣнныхъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ и въ Туркестанскомъ краѣ.

Положеніе военноплѣнныхъ, въ общемъ, оказалось весьма удовлетворительнымъ, и делегація осталась вполнѣ довольна; особенно хорошее впечатлѣніе вынесла делегація отъ посѣщенія Тоцкаго лагеря, поразившаго делегатовъ своимъ благоустройствомъ и величиной (лагерь можетъ вмѣстить до 35.000 военно-плѣнныхъ и 3.000 человѣкъ охраны). Сестра фонъ-Пассовъ заявила, что Тоцкій лагерь такъ измѣнился съ прошлаго года, что сталъ совершенно неузнаваемъ и напоминаетъ лагери для военноплѣнныхъ въ Германіи и Австро-Венгріи.

Улучшеніе санитарыхъ условій въ Тоцкомъ лагерѣ достигнуто благодаря своевременной помощи Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Съ осени 1915 г. въ Главное Управленіе стали поступать свѣдѣнія о неблагопріятномъ санитарномъ положеніи Тоцкаго лагеря для военноплѣнныхъ. Свѣдѣнія эти, подтвержденныя посѣтившими лагерь делегаціями иностранныхъ обществъ Краснаго Креста, приняли къ концу года тревожный характеръ и явились опасенія, что эпидемія станетъ грозить сосѣднему населенію»...

«Въ виду этого, былъ посланъ въ Тоцкій лагерь санитарный отрядъ»....

Благодаря этимъ мѣрамъ, удалось локализировать и прекратить эпидемію сыпного тифа въ Тоцкомъ лагерѣ.

При ознакомленіи съ условіями жизни военноплѣнныхъ, водворенныхъ въ г. Бузулукѣ, делегація обратила вниманія на то обстоя-

тельство, что въ Бузулукской уѣздной тюрьмѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ содержится 16 военноплѣнныхъ, изъ коихъ 14 обвиняются въ побѣгѣ и лишь двое въ совершеніи уголовныхъ преступленій. Узнавъ, что означенные военноплѣнные числятся за воинскимъ начальникомъ Бузулукскаго уѣзда, г. Романовскій Романько обратился къ начальнику бригады генералъ-маіору Ромишевскому съ просьбой выяснить обстоятельства настоящаго дѣла»...

«Во время поѣздки по Оренбургской губ. делегація ознакомилась съ положеніемъ военноплѣнныхъ, работающихъ на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ делегація убѣдилась, что плѣнные не обременены чрезмѣрной работой, вездѣ получаютъ плату за свой трудъ, доходящую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 87 р. въ мѣсяцъ, и, въ общемъ, поставлены въ хорошія условія. Недовольными оказались лишь работающіе на Оренбургъ-Орской ж. д., жаловавшіеся на жестокое обращеніе со стороны казаковъ, а также военноплѣнные, находящіеся на полевыхъ работахъ въ Актюбинскѣ и Актюбинскомъ уѣздѣ, страдающіе отъ недостатка теплой одежды и обуви. Въ томъ же Актюбинскѣ со стороны многихъ военноплѣнныхъ сестрѣ фонъ-Пассовъ была заявлена жалоба на двухъ товарищей изъ славянъ, работающихъ къ канцеляріи начальника Актюбинскаго уѣзда, которые, не допуская военноплѣнныхъ къ начальнику уѣзда, разрѣшаютъ ихъ просьбы самолично. Вслѣдствіе этого, г. Романовскій-Романько, по просьбѣ сестры фонъ-Пассовъ обратился письменно къ начальнику Актюбинскаго уѣзда съ просьбою отстранить упомянутыхъ военноплѣнныхъ отъ исполненія ими обязанностей при канцеляріи начальника.

Содержаніе офицеровъ не вездѣ одинаково: нѣкоторые лагери не вызываютъ никакихъ замѣчаній, въ другихъ, какъ напримѣръ въ фортѣ Александровскомъ, офицеры помѣщены очень тѣсно и лишены достаточной свободы для прогулокъ.

При осмотрѣ мѣстъ водворенія военноплѣнныхъ въ Туркестанскомъ краѣ, делегація была принята Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ. На вопросъ начальника края о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ поѣздки, сестра фонъ-Пассовъ отвѣтила, что по сравненію съ прошлымъ годомъ въ положеніи военноплѣнныхъ Края наблюдается значительное улучшеніе, причемъ особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ отсутствіе въ настоящее время среди военноплѣнныхъ эпидемическихъ болѣзней и цынги».

V. Плетневъ, Е. Представитель Россійскаго Об-ва Кр. Кр., сопровождавшій делегатовъ Датскаго Кр. Кр. доктора Крепса и германскую сестру милосердія А. Роте при осмотрѣ ими лагерей военноплѣнныхъ въ Россіи. Сообщеніе его объ осмотрѣ делегаціею лагерей въ предѣлахъ Орловской и Воронежской губерній.

(Тотъ же журналъ стр. 16).

Е. Плетневъ доноситъ Главному Управленію; что «за время съ 21 октября 1916 г. по 23 ноября 1916 г. делегаціей осмотрѣны мѣста водворенія военноплѣнныхъ въ предѣлахъ Орловской и Воронежской губерніяхъ, причемъ видѣла 780 военноплѣнныхъ, и положеніе ихъ въ общемъ, оказалось весьма удовлетворительнымъ. Помѣщенія почти всюду свѣтлыя, сухія и вполнѣ соотвѣтствующія требованіямъ гигіены. Пища, получаемая военноплѣнными нижними чинами, вполнѣ хорошая и дается въ достаточномъ количествѣ.

Особенно хорошими оказались условія жизни военноплѣнныхъ въ лагерѣ г. Вялупки. Чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на делегацію произвелъ тотъ фактъ, что въ супъ на каждаго военноплѣннаго нижняго чина было положено по полтора яйца, т. е. 312 яицъ въ одинъ разъ.

Исключеніемъ изъ общаго правила является лишь сборный пунктъ въ Коротоякскомъ земствѣ: водворенные въ означенномъ сборномъ пунктѣ 104 военноплѣнныхъ плохо одѣты и получаемая ими пища хуже обыкновеннаго.

Существенныхъ жалобъ ни со стороны офицеровъ, ни нижнихъ чиновъ заявлено не было. Военноплѣнные выражали лишь неудовольствіе по поводу неполученія корреспонденціи, отсутствія прогулокъ и неполученія или, вѣрнѣе поздняго полученія денегъ, присылаемыхъ изъ Австріи и Германіи.

Лишь въ двухъ случаяхъ были заявлены жалобы болѣе серьезнаго характера, именно: военноплѣнные нижніе чины, работающіе въ Нижнедѣвицкомъ земствѣ, жаловались на то, что они, привиллегированные рабочіе, получають всего по 3 р. въ мѣсяцъ, а пять другихъ военноплѣнныхъ заявили, что они не получили слѣдуемыхъ имъ денегъ; однако, по произведенному разслѣдованію выяснилось, что жалобы военноплѣнныхъ на не уплату имъ жалованья неосновательны.

Кромѣ того, въ одномъ изъ лагерей три нижнихъ чина заявили, что были побиты стражниками, но при дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что означенные военноплѣнные бѣжали и оказали сопротивленіе при ихъ задержаніи, въ виду чего пришлось примѣнить къ нимъ и исключительныя мѣры воздѣйствія.

Оцѣнивая положеніе военноплѣнныхъ, водворенныхъ въ осмотрѣнныхъ делегаціей лагеряхъ, г. Плетневъ приходитъ къ заключенію, что плѣнные поставлены въ очень хорошія условія, что объясняется сознательной работой воинскихъ начальниковъ. Однако, есть нѣкоторые, по мнѣнію г. Плетнева, недостатки содержанія: необходимо прекратить безпричинное перебрасываніе военноплѣнныхъ изъ одного лагеря въ другой... мѣстами трудъ военноплѣнныхъ используется совершенно не раціонально, и поэтому оказывается дороже труда вольнонаемныхъ рабочихъ... нѣтъ надлежащаго надзора за военноплѣнными, что приводитъ къ весьма прискобрнымъ явленіямъ. Такъ, напримѣръ, на ст. Боръ присмотръ за военноплѣнными фактически порученъ лишь одному солдату, больному безрукому инвалиду, котораго плѣнные совершенно не слушаютъ, и даже былъ такой случай, когда военноплѣнный, разсердившись на сторожа, бросилъ въ него хлѣбъ, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, причемъ попалъ въ больную руку. Въ сосѣднемъ селѣ плѣнный, разсердившись на своего крестьянина хозяина, облилъ послѣдняго кипяткомъ. Понесъ ли онъ наказаніе за свой поступокъ—неизвѣстно».

Я считалъ необходимымъ привести эти выдержки изъ журналовъ для того, чтобы общество могло сравнить положеніе русскихъ плѣнныхъ въ Германіи съ положеніемъ плѣнныхъ враговъ у насъ въ Россіи. Я могу еще добавить, что будучи въ плѣну, я читалъ въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ сообщеніе, что въ какомъ-то изъ офицерскихъ лагерей для нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Сибири, нѣмецкій офицеръ, разсердившись за что-то на часового, сорвалъ съ него погоны и избилъ его по лицу. Понесъ ли какое-нибудь наказаніе упомянутый нѣмецкій офицеръ въ газетѣ сказано не было. О томъ, же какъ чувствуютъ себя въ настоящее время плѣнные враги у насъ въ Россіи, какія требованія они предъявляютъ къ русскому обществу и правительству, мнѣ не приходится говорить, такъ какъ объ этомъ печатается въ газетахъ, и вы должны сами хорошо знать.

Послѣднія страницы моей работы были уже отосланы въ типографію, когда я получилъ вырѣзку изъ «Петроградской Газеты» со статьей за подписью Енисеецъ (№ 137. 15 іюня 1917 г.). Привожу ее дословно:

Нѣмецкія насилія надъ сестрами милосердія.

Нѣсколько дней тому назадъ, мнѣ привелось встрѣтиться въ общинѣ Краснаго Креста съ сестрой милосердія Маріей Іосифовной Скибильской, вернувшейся изъ германскаго плѣна.

— Я и сейчасъ безъ содроганія не могу вспомнить о тѣхъ ужасахъ, о тѣхъ нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ, которыми была полна наша жизнь въ плѣну у германцевъ,—воскликнула со слезами сестра милосердія.

Въ 1914 году, при отступленіи русскихъ войскъ, въ Скерневицахъ задержался нашъ госпиталь съ тремя стами раненыхъ и больныхъ воиновъ, эвакуировать которыхъ не представилось возможности.

Весь медицинскій персоналъ и 35 сестеръ милосердія госпиталя были захвачены въ плѣнъ.

Съ этого момента дя насъ настала пора тяжкихъ мукъ.

Насъ сестеръ, отправили въ г. Бускъ и, разбивъ по разнымъ баракамъ, приставили къ тяжкимъ заразнымъ больнымъ, заставляя работать до полнаго изнеможенія.

Еще низшій персоналъ относился къ намъ нѣсколько сносно, но нѣмецкое офицерство и доктора смотрѣли на насъ, какъ на безсловесную скотину и оскорбляли на каждомъ шагу, безъ всякаго повода, просто ихъ желанія надругаться.

Съ грубостью, даже съ недостаткомъ питанія, и мало-мальски сносными условіями существованія, мы старались смириться.

Но безотчетный страхъ и ужасъ наполняли душу, когда приходилось видѣть поруганіе чести дѣвушекъ, нашихъ сестеръ милосердія.

Разнузданные нѣмецкіе офицеры врывались въ дежурное помѣщеніе бараковъ, гдѣ помѣщались русскія сестры, и насильно оттуда уводили, вѣрнѣе уносили намѣченныя жертвы.

Ни крики, ни мольбы, ни слезы несчастныхъ женщинъ не трогали нѣмецкихъ офицеровъ.

Насильно уведенныя сестры милосердія безслѣдно изчезали, не возвращаясь больше къ мѣсту своего служенія.

Только о судьбѣ трехъ нашихъ сестеръ у меня имѣются опредѣленныя и достовѣрныя данныя.

Екатерина Гавриловна Качменская и Вѣра Николаевна Колодина были найдены у нашихъ бараковъ мертвыми съ признаками изнасилованія; Антонина Ивановна Баранова—уроженка Енисейской губерніи изъ села Богатово, обварившая кипяткомъ офицера Зюсфельда, пытавшагося ее износиловать, была зарублена товарищемъ этого негодяя, офицеромъ Байгеромъ.

И вотъ изъ 35 сестеръ 22-го сибирскаго передового госпиталя уцѣлѣло насъ 10 человѣкъ, по своему возрасту и внѣшности, къ счастью, не подошедшихъ подъ эстетическія требованія нѣмецкихъ насильниковъ.

Впрочемъ, пришлось пережить иные ужасы.

Посмотрите на меня... Что я изъ себя представляю? Калѣка!.. Нога совсѣмъ парализована, а руки едва дѣйствуютъ. Это слѣдствіе «гуманности» германцевъ...

Видите-ли,—продолжала М. I. Скибильская, изъ германскаго плѣна бѣжали три русскихъ казака. Провѣдавъ, что въ дежурной комнатѣ холернаго барака находятся русскій врачъ и двѣ русскихъ сестры милосердія, вечеромъ они пришли къ намъ съ просьбой дать имъ возможность выбраться изъ вражескаго лагеря и присоединиться къ русскимъ войскамъ.

Явились они къ намъ въ ужасающемъ видѣ. У всѣхъ троихъ были отрѣзаны уши, на ногахъ же вырѣзаны кровавые лампасы.

При видѣ несчастныхъ страдальцевъ, у которыхъ отъ варварской операціи еще не зарубцевались раны и изъ нихъ сочилась кровь, мы не въ силахъ были отказать въ помощи. Перевязавъ раны, мы снабдили казаковъ необходимой одеждой.

Докторъ-же, ординаторъ палаты, Іосифъ Николаевичъ Богдановъ, изъ Ставропольской губ., съумѣлъ имъ дать нужныя указанія какъ добраться до расположенія русскихъ войкъ.

Еще мы не успѣли убрать одежду, оставленную бѣглецами, какъ въ баракъ вошелъ докторъ Альбертъ Ликандра, русско-подданный нѣмецъ, попавшій къ германцамъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нами и, если не ошибаюсь, служившій до войны въ Харбинѣ.

Увидѣвъ казачью форму, врачъ Ликандра сейчасъ далъ знать по телефону нѣмецкимъ военнымъ властямъ.

Не успѣли мы опомниться, какъ въ дежурную комнату ворвались нѣмецкіе офицеры и солдаты.

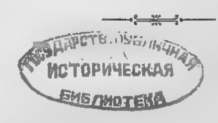
Врача Богданова нѣмцы тутъ-же повѣсили.

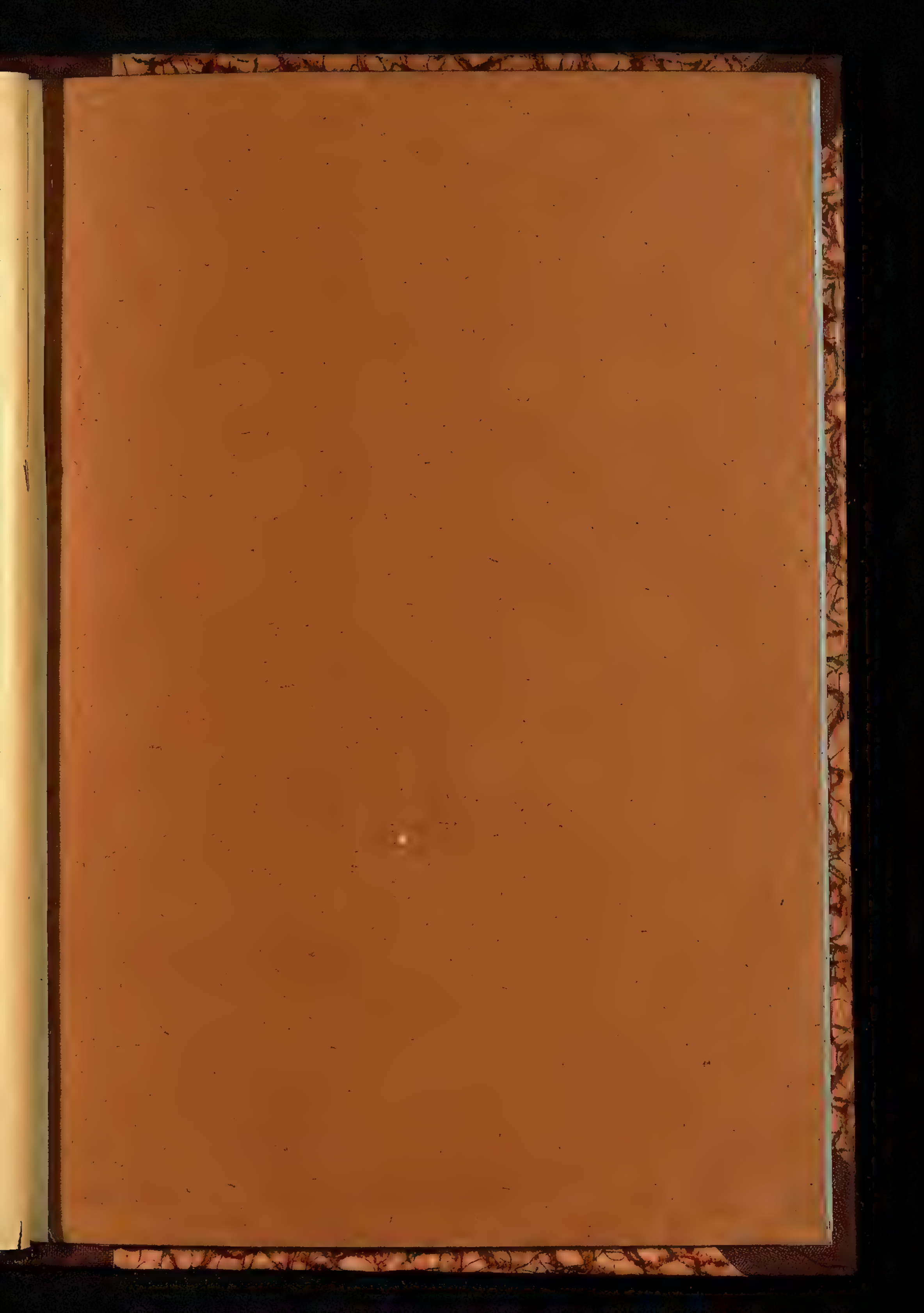
На меня и на другую сестру милосердія набросилась остервенѣлая шайка, нанося удары кинжалами.

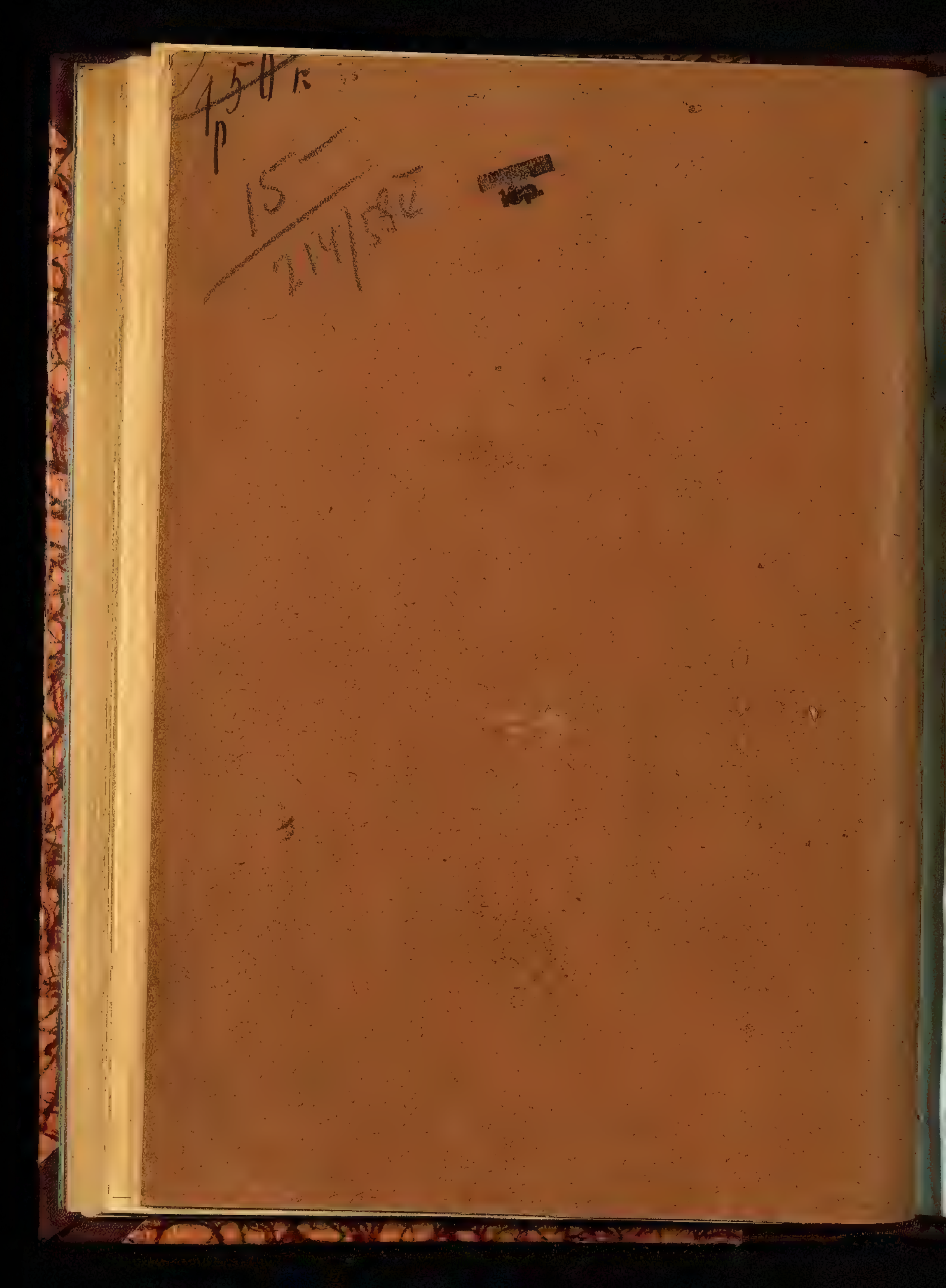
Что со мной дѣлали, сказать не смогу, такъ какъ послѣ первыхъ нанесенныхъ мнѣ ранъ я упала безъ сознанія и очнулась только черезъ нѣсколько часовъ.

Вслѣдствіе этихъ пораненій, я потеряла способность владѣть ногой и едва-едва шевелю пальцами рукъ, на вѣки оставшись калѣкой, неспособной къ труду. Вотъ доказательства звѣрства германцевъ,..

До смерти я не забуду варварски-жестокаго обращенія «культурныхъ» германцевъ съ русскими плѣнными,—воскликнула страдалица М. I. Скибильская. «Енисеецъ».






1 p
15
214|582